

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ СКАЗКИ.

BIBLIOTHECA

REGIA

MONACENSIS

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ СКАЗКИ.

А. Н. АФАНАСЬЕВА.

Afanasjew

Дозволено цензурой 30 июня 1863 года

ВЫПУСКИ I И II.

Айдава

Айдава

Издание 3-е, дополненное, К. Солдатенкова.

ЦѢНА 1 Р. СЕР.

Проставлено 30 июня 1863 года

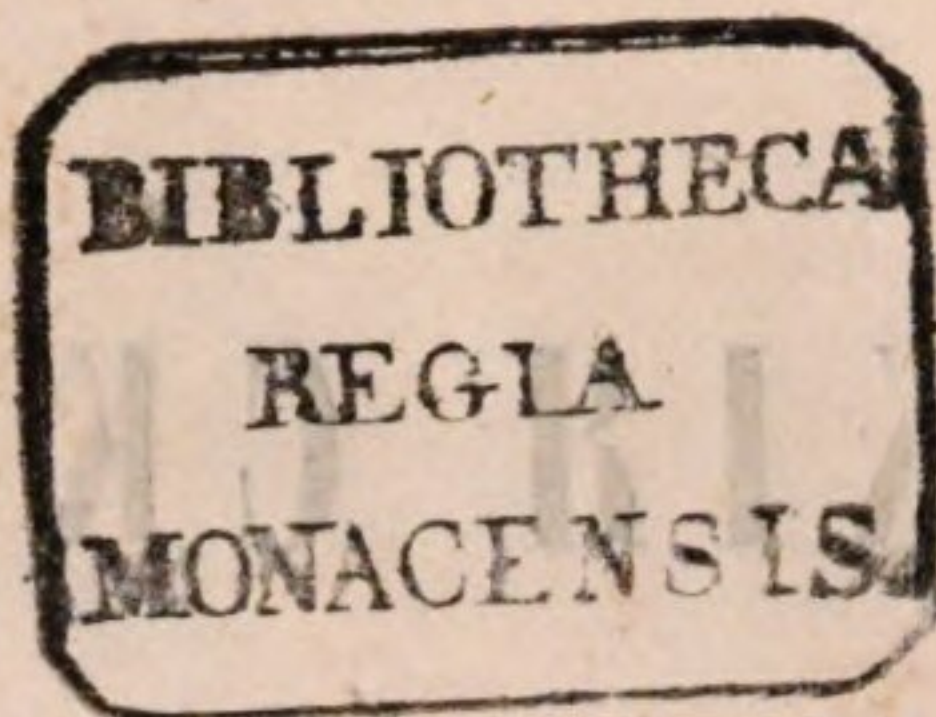
МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1863.

190 - 99

ВЪВЕДЕНІЕ

А. В. ВОЛНОВСКИЙ

Дозволено ценсурой. Москва, 30 іюня 1863 года.

ВЪВЕДЕНІЕ

Муром

Издание 3-е, дополненное. Н. Соловьев

Москва

Печатано съ изданія 1858 г. съ перемѣнами.

МОСКВА

ВЪВЕДЕНІЕ

1863

ВЫПУСКЪ ПЕРВОЙ.

ВЫШЕЦКАЯ ПЕРВОУ.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

Между разнообразными памятниками устной народной словесности (пѣснями, пословицами, поговорками, причитаніями, заговорами и загадками) весьма видное мѣсто занимаютъ сказки. Тѣсно связанныя, по своему складу и содержанію, со всѣми другими памятниками народного слова и исполненныя древнихъ преданій, онѣ представляютъ много любопытнаго и въ художественномъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Важное значеніе народныхъ сказокъ, какъ обильнаго матеріала для исторіи словесности, филологіи и этнографіи, давно признано и утверждено даровитѣйшими изъ германскихъ ученыхъ. Они не только успѣли собрать свои народныя сказки и легенды, но еще усвоили нѣмецкой литературѣ въ прекрасныхъ переводахъ почти все, что было издано по этому предмету у другихъ народовъ. Конечно, нигдѣ не обращено такого серьезнаго вниманія на памятники народной словесности, какъ въ Германіи, и въ этомъ отношеніи заслуга нѣмецкихъ ученыхъ дѣйствительно велика, и нельзя не пожелать, чтобы благородный трудъ, подъятый ими на пользу народности, послужилъ и намъ благимъ примѣромъ. Пора наконецъ и намъ дѣлнѣй и строже заняться собраніемъ и изданіемъ въ свѣтъ простонародныхъ сказокъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ поэтическаго и ученаго достоинствъ подобнаго сборника, онъ можетъ съ

пользою послужить для первоначальнаго воспитанія, представляя занимательные рассказы для дѣтскаго чтенія. Разумѣется, предпринимая изданіе съ этою послѣднею цѣлью, необходимо допустить строгій выборъ, но такой выборъ легко будетъ сдѣлать. Увлекаясь простодушною фантазіею народной сказки, дѣтскій умъ нечувствительно привыкнетъ къ простотѣ эстетическихъ требованій и чистотѣ нравственныхъ побужденій, и познакомится съ чистымъ народнымъ языкомъ, его мѣткими оборотами и художественно-вѣрными природѣ описаніями. Мысль эту раздѣляли лучшіе изъ нашихъ поэтовъ: Жуковскій и Пушкинъ, познакомившіе публику съ нѣкоторыми народными сказками, передавая ихъ простое содержаніе въ прекрасныхъ стихахъ. Жуковскій, подъ конецъ своей жизни, думалъ исключительно заняться переводомъ сказокъ различныхъ народовъ; а Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ о себѣ: „вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“

Цѣль настоящаго изданія объяснить сходство сказокъ и легендъ у различныхъ народовъ, указать на ученое и поэтическое ихъ значеніе, и представить образцы русскихъ народныхъ сказокъ.

Мы не разъ уже говорили о доисторическомъ сродствѣ преданій и повѣрій у всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени. Такое сродство условливалось: во первыхъ, одинаковостью первоначальныхъ впечатлѣній, возбужденныхъ въ человѣкѣ видимою природою, обожаніе которой легло въ основу его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, въ эпоху младенчества народовъ; во вторыхъ, единствомъ древнѣйшаго происхожденія нынѣ столько разъединенныхъ народовъ. Раздѣляясь отъ еди-

наго корня на отдѣльныя вѣтви, они вынесли изъ прошлой своей жизни множество одинаковыхъ преданій, и доказательства своего изначальнаго родства затаили въ звукахъ роднаго слова. Доказано, что тою же творческою силою, какою создавался языкъ, создавались и народныя вѣрованія и вѣрная ихъ представительница — народная поэзія; образованіе слова и міѳа шло одновременно, и взаимное воздѣйствіе языка на созданіе миѳическихъ представленій и міѳа на рожденіе слова не подлежитъ сомнѣнію. Теперь, если мы припомнимъ, что народныя сказки древнѣйшей первичной формаціи сохранили въ себѣ много указаній и намековъ на сѣдую старину доисторическаго періода, что онѣ суть обломки древнѣйшаго поэтическаго слова — эпоса, который былъ для народа хранилищемъ его вѣрованій и подвиговъ, — для насъ будетъ понятно и то удивительное съ перваго взгляда сходство, какое замѣчается между сказками различныхъ народовъ, живущихъ на столь отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ и столь разною историческою жизнію. Особенно такое сходство замѣчается между сказками народовъ, состоящихъ въ наиболѣе близкомъ племенномъ родствѣ, наприм. между сказками славянскими, литовскими и нѣмецкими. Читатели убѣдятся въ этихъ высказанныхъ нами мнѣніяхъ изъ подробнаго сличенія народныхъ сказокъ, на которомъ мы, съ надеждою пояснить многія старинныя преданія, основываемъ примѣчанія къ нашему изданію.

Народныя русскія сказки раскрываютъ предъ нами обширный міръ. Повѣрья и преданія, встрѣчаемыя въ нихъ, говорятъ о старинномъ доисторическомъ бытѣ славянскихъ племенъ; олицетворенныя стихіи, вѣщія птицы и звѣри, чары и обряды, таинственныя загадки, сны и при-

мѣты — все послужило мотивами, изъ которыхъ развил-
ся сказочный эпосъ, столько плѣнительный своею мла-
денческою наивною, теплою любовью къ природѣ и оба-
ятельною силою чудеснаго. Могучія силы и поразитель-
ныя явленія природы, признанныя въ эпоху язычества за
боговъ, вслѣдствіе обычнаго развитія древнихъ вѣрованій
воплощались не только въ птицъ и звѣрей, но и въ антро-
поморфическіе образы, и сблизившись мало-по-малу съ
человѣческими формами и свойствами, снизошли наконецъ
съ своей недосыгаемой высоты на степень *героевъ*, до-
ступныхъ людскимъ страстямъ и житейскимъ тревогамъ,
и породили богатырскія сказанія, повѣствующія о ихъ
чудесныхъ подвигахъ. Таковы всѣ герои финской поэмы
Калевалы и греческіе полубоги; таковъ нашъ змѣй-горы-
нычъ, который въ „былинахъ“ является уже богатыремъ,
хотя и сохраняетъ всѣ атрибуты огненного змѣя (мол-
ніеносной тучи); таковы въ народныхъ сказкахъ вели-
каны и богатыри, удержавшіе даже свои стихійныя на-
званія: *Вихорь*, *Громъ*, *Градъ*. Эти сказочные герои
усвоили себѣ то страшное могущество, какое принадле-
жить силамъ природы, и получили громадные, соответ-
ственные этому могуществу размѣры; самое слово *бога-
тырь* (отъ слова *богъ* чрезъ прилагательное *богатъ*;
сравни латинск. *deus, dives, divus* отъ корня *div* — бли-
стать, свѣтить, откуда и наши баснословные *дивы*) озна-
чаетъ существо, надѣленное высшими, божескими каче-
ствами. Трудные подвиги богатырей и ихъ битвы съ вели-
канами и змѣями суть только образныя, поэтическія изобра-
женія естественныхъ явленій, такъ могущественно влі-
яющихъ на производительность земли. Солнце, закрывае-
мое темными тучами, въ народныхъ сказкахъ представ-
ляется златокудрою дѣвою неописанной красоты, похи-

щаемую змѣю, который уноситъ ее въ свои неприступныя горы и ограждаетъ крѣпкими затворами; освободителемъ красной дѣвицы является богатырь, владѣтель чудодѣйственнаго меча-саморуба т. е. самъ Перунъ, божество грозы и молніи: онъ проникаетъ въ мрачныя подземелья, выпиваетъ тамъ всю сильную воду и поражаетъ змѣю, или говоря простымъ, обыкновеннымъ языкомъ, онъ разбиваетъ тучи молніей, проливаетъ на землю дождь и выводитъ изъ змѣиныхъ пещеръ дѣву-солнце. Другой рядъ народныхъ сказокъ въ такихъ же пластическихъ образахъ изображаетъ годовое обращеніе этого свѣтила. Невѣста-земля, въ полномъ цвѣтѣ и роскоши своихъ лѣтнихъ уборовъ, вдругъ подъ вліяніемъ чаръ злой колдуньи-зимы превращается въ камень и засыпаетъ долгимъ непробуднымъ сномъ; во всемъ ея царствѣ жизнь приостанавливается и какъ-бы застываетъ до тѣхъ поръ, пока жаркой поцѣлуй молодого царевича — весенняго солнца ни разбудитъ красавицы для любви и общей радости. Пробужденная невѣста вступаетъ въ бракъ съ свѣтозарнымъ царевичемъ, и земля начинаетъ свой родъ.

Позднѣе сказка, вѣрная народной жизни, отразила въ своихъ богатырскихъ повѣстяхъ черты изъ эпохи великой борьбы христіанскихъ идей съ языческими; многія изъ древнихъ преданій были подновлены, согласно съ вновь-возникшими взглядами и убѣжденіями, и нѣкоторыя эпическія сказанія получили легендарную обстановку, хотя впрочемъ изъ-за этихъ подновленій до сихъ поръ еще сквозитъ дохристіанская старина. Сильномогущіе богатыри, побѣдители сказочныхъ великановъ и многоглавыхъ змѣевъ, въ „былинахъ“ уже сражаются противъ какого-то Идолица и невѣрныхъ народовъ; на своихъ крѣпкихъ плечахъ они выносятъ безпрестанныя и

безпощадныя битвы съ *погаными* азiятскими кочевниками и отстаиваютъ независимость и государственныя основы родной земли, тогда какъ великаны и змiи выставляются защитниками басурманства. Еще позднѣе — и народная сказка, свидѣтельствуя намъ о нѣкоторыхъ чертахъ древняго новгородскаго быта (см. Русс. нар. сказки Сахарова), вводитъ читателя въ міръ дѣйствительныхъ событій и чрезъ то сближаетъ его съ чисто-историческимъ эпосомъ Слова о полку, малороссійскихъ думъ и народныхъ пѣсенъ о Грозномъ, Петрѣ Великомъ и другихъ знаменитыхъ дѣятеляхъ.

Составляя вмѣстѣ съ „былинами“ отрывки стариннаго эпоса, сказки уже по тому самому запечатлѣны прочнымъ художественнымъ достоинствомъ. Въ доисторическую эпоху своего развитія народъ необходимо является поэтомъ. Обогащая природу, онъ видитъ въ ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный въ созерцаніе ея торжественныхъ явленій и таинственныхъ силъ, народъ всѣ свои убѣжденія, вѣрованія и наблюденія воплощаетъ въ живые поэтическіе образы и высказываетъ въ одной неумолкаемой поэмѣ, отличающейся ровнымъ и спокойнымъ взглядомъ на весь міръ.

Народныя русскія сказки проникнуты всѣми особенностями эпической поэзіи: тотъ-же свѣтлый и спокойный тонъ; то-же неподражаемое искусство живописать всякой предметъ и всякое явленіе по впечатлѣнію, ими производимому на душу человѣка; та-же обрядность, высказывающаяся въ повтореніи обычныхъ эпитетовъ, выраженій и цѣлыхъ описаній и сценъ. Разъ сказанное мѣтко и обрисованное удачно и наглядно уже не передѣлывается, а какъ будто застываетъ въ этой формѣ и посто-

янно повторяется тамъ, гдѣ это признано будетъ необходимымъ по ходу сказочнаго дѣйствія. Отъ того, не смотря на неподдѣльную красоту языка, народныя сказки поражаютъ однообразностью, тѣмъ болѣе, что и темы разсказовъ, и дѣйствующія лица, и чудесное — въ бѣльшей части подобныхъ произведеній повторяются, съ небольшими отступленіями. Народъ не выдумывалъ; онъ разсказывалъ только о томъ, чему вѣрилъ, и потому даже въ сказаніяхъ своихъ о чудесномъ — съ вѣрнымъ художественнымъ тактомъ остановился на повтореніяхъ, а не отважился дать своей фантазіи произволь, легко переходящій должныя границы и увлекающій въ область странныхъ, чудовищныхъ представленій.

При всемъ однообразіи, замѣчаемомъ въ народныхъ сказаніяхъ, въ нихъ столько истинной поэзіи и столько трогательныхъ сценъ! Съ какой поэтической простотой, на примѣръ, передана въ сказкѣ встрѣча Ѳедора Тугарина съ Анастасіей Прекрасною.

Поѣхалъ Ѳедоръ странствовать. Ёдетъ, ёдетъ, и на пути видитъ: лежатъ три рати-силы побитыя. „Кто здѣсь живой?“ окликаетъ странствующій герой; „скажи: кто побилъ эти рати?“ Въ отвѣтъ ему слышится голосъ: „подай воды напиться.“ Подаетъ Тугаринъ воды раненому, и узнаетъ отъ него, что побѣдила всѣ три рати Анастасія Прекрасная, а сама отдыхаетъ теперь въ шатрѣ. Пріѣхалъ Тугаринъ къ шатру Анастасіи Прекрасной, привязалъ своего коня, вошелъ въ палатку, легъ съ боку дѣвицы и заснулъ. Анастасія Прекрасная проснулась прежде; разбудила незваннаго гостя и сказала: „а что — станемъ биться или мириться?“ Отвѣчалъ ей Тугаринъ: „коли наши кони стануть биться, тогда и мы попробуемъ силы!“ — и спустили они своихъ коней. Кони обнюхались,

стали лизать другъ друга и пошли дружно пастись вмѣстѣ. Тогда Анастасія Прекрасная сказала Федору Тугарину: „будь ты мнѣ мужемъ, я тебѣ — женою!“

Какъ это всѣхъ народныхъ произведеній, отъ сказокъ вѣтъ поэтической чистотою и искренностію, съ дѣтскою наивностію и простотою, подчасъ грубою, онѣ соединяютъ честную откровенность, и свои повѣствованія передаютъ безъ всякой затаенной ироніи и ложной чувствительности. Мы говоримъ о сказкахъ древнѣйшаго образованія. Въ позднѣйшемъ своемъ развитіи и сказка подчиняется новымъ требованіямъ, какія бываютъ порождены ходомъ дальнѣйшей жизни, является послушнымъ орудіемъ народнаго юмора и сатиры и утрачиваетъ первоначальное простодушіе. (См. сказки о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ, о Шемякиномъ судѣ и др.) Но всегда сказка, какъ созданіе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды; она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобою. Напечатанная въ первомъ выпускѣ сказка *о правдѣ и кривдѣ* задаетъ практическій вопросъ: какъ лучше жить — правдою или кривою? Здѣсь выведены два лица, изъ которыхъ каждый держится противоположнаго мнѣнія: правдивый и криводушный. Правдивый — терпѣливъ, любитъ трудъ, безъ ропота подвергается несчастію, которое обрушилось на него по злобѣ криводушнаго, а въ послѣдствіи, когда выпадаютъ на его долю и почести и богатство, онъ забываетъ обиду, какую причинилъ ему криводушный, вспоминаетъ, что нѣкогда они были товарищами, и готовъ помочь ему. Но чувство нравственное требуетъ для своего успокоенія полного торжества правды — и криводушный погибаетъ жертвою собственныхъ расчетовъ.

На такомъ нравственномъ началѣ создалась бѣольшая часть сказочныхъ интригъ.

Несчастіе, бѣдность, сиротство постоянно возбуждаютъ народное участіе. Цѣлый рядъ сказокъ преслѣдуетъ нелюбовь и ненависть мачихи къ падчерицамъ и пасынкамъ и излишнюю, зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Этотъ типъ мачихи, описанный народными сказками, составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на особенности патріархальнаго быта и вполне оправдывается и древнимъ значеніемъ сиротства, и свадебными пѣснями о судьбѣ молодой среди чуждой для нея семьи. Мачиха, по народнымъ сказкамъ, завидуетъ и красотѣ, и дарованіямъ, и успѣхамъ своихъ пасынковъ и падчерицъ, особенно если сравненіе съ этими послѣдними ея собственныхъ дѣтей, безобразныхъ и лѣнивыхъ, заставляетъ ее внутренно сознаваться въ томъ, чему такъ неохотно вѣритъ материнское сердце. Мачиха начинаетъ преслѣдовать бѣдныхъ сиротъ, задаетъ имъ трудныя, невыполнимыя работы, сердится, когда они удачно выполняютъ ея приказанія, и всячески старается извести ихъ, чтобы не имѣть передъ глазами постоянного и живаго укора. Но несчастія только воспитываютъ въ сиротахъ трудолюбіе, терпѣніе и глубокое чувство любви ко всѣмъ страждущимъ и состраданіе ко всякому чужому горю. Это чувство любви и состраданія, такъ возвышающее нравственную сторону человѣка, не ограничивается тѣсными предѣлами людскаго міра, а обнимаетъ собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при видѣ раненой птицы, голоднаго звѣря, выброшенной на берегъ морскою волною рыбы и больнаго дерева. Во всемъ этомъ много трогательнаго!... Нравственная сила спасаетъ сироту отъ

всѣхъ козней; напротивъ, зависть и злоба мачихи подвергаютъ ее наказанію, которое часто испытываетъ она на родныхъ своихъ дѣтяхъ, испорченныхъ ея слѣпою любовью, и потому гордыхъ, жестокосердыхъ и мстительныхъ.

Съ этой точки зрѣнія особенно интересно представляется намъ роль младшаго изъ трехъ братьевъ, дѣйствующихъ въ сказкѣ. Бѣольшая часть народныхъ сказокъ, слѣдуя обычному эпическому приему, начинается тѣмъ, что у отца было три сына: два—умные, а третій—*дурень*. Старшіе братья называются умными въ томъ значеніи, какое придается этому слову на базарѣ житейской суеты, гдѣ всякой думаетъ только о своихъ личныхъ интересахъ; а младшій — глупымъ въ смыслѣ отсутствія въ немъ этой практической мудрости: онъ простодушенъ, незлобивъ, сострадателенъ къ чужимъ бѣдствіямъ до забвенія собственной безопасности и всякихъ выгодъ. Согласно съ этимъ слова: *хитрый* и *злой* въ областныхъ говорахъ значать: ловкій, искусный, умный, острый ¹⁾. Народная сказка однако всегда на сторонѣ нравственной правды, и по ея твердому убѣжденію выигрышъ постоянно долженъ оставаться за простодушіемъ, незлобіемъ и сострадательностію меньшаго брата. Очевидно, что эпическая поэзія истинно-разумнымъ признаетъ одно добро, а зло, хотя и слыветъ таковымъ между людьми, но вводитъ своихъ поклонниковъ въ безвыходныя ошибки и нерѣдко подвергаетъ ихъ неизбѣжной гибели; слѣдовательно, оно-то и есть истинно-неразумное. Въ сказкѣ: „Норка-звѣрь“ три брата отправляются искать этого чуднаго звѣря; имъ предстоятъ многія опасности. Старшіе братья обнаружи-

¹⁾ Отеч. Записки 1852 г., ноябрь, критика, стр. 16.

ваютъ при этомъ всю слабость духа и отстраняютъ отъ себя трудный подвигъ, но когда третій братъ смѣлостью преодолеваетъ всѣ опасности — они замышляютъ завладѣть добытымъ имъ счастіемъ и посягаютъ на самую жизнь этого добродушнаго дурня. На возвратномъ пути изъ странъ подземнаго міра онъ готовъ былъ уже подняться на Русь по нарочно-опущенному канату, но братья обрѣзываютъ канатъ и лишаютъ его послѣдней надежды возвратиться когда-нибудь въ родную семью. Въ такой бѣдѣ его спасаетъ то высокое чувство любви, которое не допускаетъ въ сердцѣ бѣдняка ни малѣйшаго ожесточенія даже послѣ столь горестнаго обмана. Оставленный въ подземномъ царствѣ, младшій братъ заплакалъ и пошелъ дальше. Поднялась буря, заблистала молнія, загремѣлъ громъ и полился дождь. Онъ подошелъ къ дереву, съ надеждою укрыться подъ его вѣтвями отъ непогоды; смотритъ, а на томъ деревѣ сидятъ въ гнѣздѣ маленькія пташки и совсѣмъ измокли отъ дождя. Сострадательный дурень снялъ съ себя одѣжу и накрылъ птичекъ. Вотъ прилетѣла на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свѣтъ, и какъ увидала своихъ дѣтей накрытыми — спросила: „кто накрылъ моихъ пташекъ? Это — ты! спасибо тебѣ: проси отъ меня, чего хочешь!“ — и по просьбѣ бѣдняка выносить его на своихъ могучихъ крыльяхъ на Русь.

Таково въ немногихъ словахъ значеніе народной сказки. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней найдется многое, что не можетъ удовлетворить нашимъ образованнымъ требованіямъ и взглядамъ на природу, жизнь и поэзію; но если въ зрѣлыхъ лѣтахъ мы любимъ останавливать свой взоръ на дѣтскихъ играхъ и забавахъ, и если при этомъ невольно пробуждаются въ насъ тѣ чистѣйшія побужденія,

какія давно были подавлены подъ бременемъ вседневныхъ заботъ, то не съ той-ли теплою любовью и не съ тѣми-ль освѣжающими душу чувствами можетъ образованный человѣкъ останавливать свое вниманіе на этой поэтической чистотѣ и дѣтскомъ простодушіи народныхъ произведеній?

А. А.

1

ЛИСА.

а. Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: «ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой.» Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлой возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ», сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла. «Ну, старуха, говоритъ дѣдъ, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу.»—Гдѣ? «Тамъ на возу — и рыба, и воротникъ.» Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «ахъ ты, старой хрѣнъ! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать!» Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего. А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣсть

себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ: «здравствуй, кумушка!» — «Здравствуй, куманекъ! «Дай мнѣ рыбки!» — Налови самъ, да и ѣшь. «Я не умѣю.» — Эка, вить я-же наловила; ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ пролубъ — рыба сама на хвостъ нацѣпляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ пролубъ: дѣло-то было зимою. Ужь онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться: не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: «волкъ, волкъ! бейте его! бейте его!» Прибѣжали и начали колотить волка — кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжить. А волкъ ей на встрѣчу: «такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!» — Эхъ, куманекъ, говоритъ лисичка-сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ, меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь. «И то правда, говоритъ волкъ; гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ идти; садись на меня, я тебя довезу.» Лисичка сѣла ему на спину, онъ ее и понёсъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: «битый небитаго везетъ, битый небитаго везетъ!» — Что ты, кумушка, говоришь? «Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ.» — Такъ, кумушка, такъ! ¹⁾

¹⁾ *Вариантъ 1-й:* Ъхалъ лѣсомъ мужичокъ со снятками. Лисица накрала сняточковъ у мужика, склала въ кувшинчикъ, да и сѣла подъ стогъ пообѣдать. Бѣжить голодный волкъ. «Кума, кума, что ты ѣшь?» говоритъ онъ, увидавъ лису. — Сняточки, отвѣчаетъ она. «Дай-ко мнѣ!» — Самъ налови. «Да я не умѣю», го-

— Давай, куманекъ! построимъ себѣ хатки. «Давай, кумушка!» — Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную. Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ — лубяную, а волку — ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и разстаяла. — А, кумушка! говоритъ волкъ, ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть. «Пойдемъ, куманекъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть.» Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ: «прыгай! если ты перепрыгнешь черезъ яму — тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь — мнѣ тебя ѣсть.» Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!» — и сама ушла.

воритъ волкъ. — А вотъ кувшинъ, надѣнь на хвостъ, да и пусти въ пролубь. Послушался волкъ, а лисица говоритъ про себя: «ясни, ясни на небѣ звѣзды, мерзни волчій хвостъ!» Сама побѣжала въ деревню, попалась въ одной избѣ въ квашню головой и подняла тревогу. Бѣжитъ лисица изъ деревни прямо на волка, а за лисицей народъ. Волкъ отъ страху ну рваться, а хвостъ-отъ примерзъ; насилу полхвоста оторвалъ. Нагоняетъ волкъ лисицу въ лѣсу, а та прикинулась хворой: «ахъ, кумъ! говоритъ, всю головушку избили, мочи нѣтъ идти.» — Такъ садись, кума, на меня, говоритъ волкъ. Вотъ и ѣдетъ лисица на волкѣ, сама по пѣваеъ: «битой небитаго везеъ!» — Что ты, кума, говоришь? спрашиваетъ волкъ. «Брежу, куманекъ!» отвѣчаетъ лисица, а сама воровка допѣваеъ: у битаго гузка болить! Вотъ те сказка, а мнѣ кринка масла. (Записана въ переяславль-залѣсскомъ уѣздѣ Н. Бодровымъ.)

Вариантъ 2-й: Вотъ въ одной деревнѣ на задворьи стояли зимой стога сѣна и на одинъ изъ нихъ взобралась лисица; она промыслила гдѣ-то рыбки и кушала себѣ. Тутъ-же случилось проходить ночью волку. Онъ увидалъ лису и сказалъ ей: «здорово, кумушка!» — Здравствуй, куманекъ! отвѣчала она. «Что ты ѣшь?» — Рыбку. «Да гдѣ ты взяла?» — Наловила въ прудѣ. «Какимъ-бы-то способомъ?» — Коли хочешь, научу. «Спасибо скажу.» — Ну, пойдемъ. И повела кума къ пролуби: «вотъ садись и хвостъ опусти въ воду, а рыбка и всползетъ на него грѣться.» Кумъ сѣлъ и хвостъ опустилъ въ пролубь, а кума ворчитъ: ясни, ясни на небѣ, мерзни, мерзни волчій хвостъ! «Да что ты, кума, говоришь?» — И, батъко, скликаю рыбку-то тебѣ. «Ну, спасибо!» Когда лиса увидѣла, что пролубь замерзла, она сказала: «побѣгу въ деревню за медомъ.» Побѣжала и слѣдъ ея простылъ. А обманутаго волка съ примерз-

Идетъ она, несетъ скалочку въ лапкахъ, и просится къ мужичку въ избу: «пусти лисичку-сестричку переночевать.»—У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку.» Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а послѣ спрашиваетъ: «гдѣ же моя скалочка? я за нее и гусочку не возьму!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ другому мужику.—Кто тамъ? «Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.»—У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку.» Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку. Рано утромъ она вскочила, схватила гусочку, ощицала ее, съѣла и говоритъ: «гдѣ же моя гусочка? я за нее индюшечку не возьму!» Мужикъ—дѣлать нечего—отдалъ ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идетъ и поетъ:

лымъ хвостомъ увидали на прудѣ мужики и убили его. Я тамъ былъ, медь пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не кануло. (Записана во Владимірѣ.)

Сказка о лисѣ и волкѣ въ тамбовской губерніи оканчивается нѣсколько иначе: встрѣчается избитый волкъ съ лисою. «Бирюшка, бирюшка! (бирюкъ—волкъ) а гдѣ же ты хвостъ-то потерялъ?» спрашиваетъ лиса. — Да вотъ я отъ твоей науки принялъ такой муки, что и хвостъ-то потерялъ! «Цц! бирюшка! съ кѣмъ бѣда не живѣтъ; посмотри-ка мнѣ и головушку-то всю испробили.» Волкъ сажаетъ лису на себя и везетъ, она припѣваетъ: «битый небитаго везетъ.» Волкъ услышалъ припѣвъ лисы, увидѣлъ, что она смѣется надъ нимъ, и растерзалъ ее.

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
 Несла скалочку;
 За скалочку — гусочку,
 За гусочку — индюшечку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ третьему мужику. — Кто тамъ? «Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.» — У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку.» Ее пустили. Вотъ она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Рано утромъ лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощидала ее, съѣла и говоритъ: «гдѣ же моя индюшечка? я за нее не возьму и невѣсточку!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за индюшечку невѣсточку; лисичка посадила ее въ мѣшокъ, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
 Несла скалочку;
 За скалочку—гусочку,
 За гусочку—индюшечку,
 За индюшечку—невѣсточку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ четвертому мужику. — Кто тамъ? «Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.» — У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку.» Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку. Мужикъ потихоньку выпустилъ изъ мѣшка невѣсточку, а впихалъ туда собаку. Вотъ поутру лисичка-сестричка собралась въ дорогу, взяла мѣшокъ, идетъ и говоритъ: «невѣсточка, пой пѣсни!» а собака какъ зарычитъ. Лисичка испугалась, какъ шваркнетъ мѣшокъ съ собакою, да бѣжать ¹⁾).

¹⁾ См. вып. III, № 3, и вып. IV, № I.

Вотъ бѣжитъ лисичка и видитъ: на воротахъ сидитъ пѣтушокъ. Она ему и говоритъ: «пѣтушокъ, пѣтушокъ! слѣзь сюда, я тебя исповѣдаю: у тебя семьдесятъ жонъ, ты завсегда грѣшонъ.» Пѣтухъ слѣзь; она хватъ его и скушала ¹⁾.

(Записана въ бобровскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи.)

б. Жили-были кумъ съ кумой — волкъ съ лисой. Была у нихъ кадочка медку. А лисица любитъ сладенькое; лежитъ кума съ кумомъ въ избѣ, да украдкою постукиваетъ хвостикомъ. — Кума, кума! говоритъ волкъ, кто-то стучитъ. «А, знать, меня на повой ²⁾ зовутъ!» бормочетъ лиса. — Такъ поди, сходи, говоритъ волкъ. Вотъ кума изъ избы да прямехонько къ меду, нализалась и вернулась назадъ. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ волкъ. — *Початочекъ*, отвѣчаетъ лисица. Въ другой разъ опять лежитъ кума, да постукиваетъ хвостикомъ. «Кума! кто-то стучится», говоритъ волкъ. — На повой, знать, зовутъ! «Такъ сходи.» Пошла лисица, да опять къ меду, нализалась дѣсыта: медку только на дѣнышкѣ осталось. Приходитъ къ волку. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ онъ. — *Середышекъ*. Въ третій разъ опять также обманула лисица волка, и долизала ужъ весь медокъ. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ ее волкъ. — *Поскребышекъ*.

Долго ли, коротко ли — прикинулась лисица хворою, проситъ кума медку принести. Пошелъ кумъ, а меду ни крошки. «Кума, кума! кричитъ волкъ, вѣдь — медъ съѣденъ.» — Какъ съѣденъ? кто-же съѣлъ? кому окромѣ тебя! погоняетъ лисица. Волкъ и кстится, и божится. «Ну, хорошо! говоритъ лисица: давай ляжемъ на солнышкѣ, у кого вытопится медъ, тотъ и виноватъ.» Пошли, легли. Лисицѣ не спится, а сѣрой волкъ храпитъ во всю

¹⁾ См. вып. III, № 24; вып. IV, № 2; вып. VI, № 40. — ²⁾ Пріемъ новорожденного; *повивать*, *повивальная бабка*.

пасть. Глядь-поглядь — у кумы-то и показался медокъ; она нутко скорѣе перемазывать его на волка. «Кумъ, кумъ! толкаетъ волка: это что? вотъ кто съѣлъ!» И волкъ, нечего дѣлать, повинился. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ кринка масла ¹⁾).

(Записана въ переяславль-залѣсскомъ уѣздѣ Н. Бодровымъ.)

с. Жили-были лиса да зайцъ. У лисицы была избѣнка ледяная, а у зайчика лубяная: пришла весна красна — у лисицы растаяла, а у зайчика стоитъ по старому. Лиса попросилась у зайчика погрѣться, да зайчика-то и выгнала. Идетъ дорѳгой зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу собаки: тяфъ, тяфъ, тяфъ! про *што*, зайчикъ, плачешь? А зайчикъ говоритъ: «отстаньте, собаки! какъ мнѣ не плакать? была у меня избѣнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.» — Не плачь, зайчикъ! говорятъ собаки, мы ее выгонимъ. «Нѣтъ, не выгоните!» — Нѣтъ, выгонимъ! Подошли къ избѣнкѣ: «тяфъ, тяфъ, тяфъ! поди, лиса, вонъ!» А она имъ съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Собаки испугались и ушли.

Зайчикъ опять идетъ да плачетъ. Ему на встрѣчу медвѣдь: о чемъ, зайчикъ, плачешь? А зайчикъ говоритъ: «отстань, медвѣдь! какъ мнѣ не плакать? была у меня избѣнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.» — Не плачь, зайчикъ! говоритъ медвѣдь, я выгоню ее. «Нѣтъ, не выгонишь! собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь.» — Нѣтъ, выгоню! Пошли гнать: «поди, лиса, вонъ!» А она съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Медвѣдь испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу быкъ: про *што*, зайчикъ, плачешь? «Отстань, быкъ! какъ мнѣ не

¹⁾ См. вып. IV, № 1, е—h.

плакать? была у меня избѣнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.» — Пойдемъ, я ее выгоню. «Нѣтъ, быкъ, не выгонишь! собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь.» — Нѣтъ, выгоню! Подошли къ избѣнкѣ: «поди, лиса, вонъ!» А она съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Быкъ испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу пѣтухъ съ косою: ку(а)ку(а)реку! о чемъ, зайчикъ, плачешь? «Отстань, пѣтухъ! какъ мнѣ не плакать? была у меня избѣнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.» — Пойдемъ, я выгоню. «Нѣтъ, не выгонишь! собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, быкъ гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь.» — Нѣтъ, выгоню! Подошли къ избѣнкѣ: «кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» А она услышала, испугалась, говоритъ: одѣваюсь... Пѣтухъ опять: «кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» А она говоритъ: шубу надѣваю. Пѣтухъ въ третій разъ: «кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» Лисица выбѣжала; онъ ее и зарубилъ косою-то, и сталъ съ зайчикомъ жить да поживать, да добра наживать ¹⁾. Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла ²⁾.

(Записана тамже г. Бодровымъ.)

¹⁾ Въ архангельской губерніи есть побасенка:

Идетъ пѣтухъ на пятахъ,

Несетъ саблю на плечахъ,

Хочетъ лису посѣчи

По самыя плечи.

Вонъ лиса, вонъ кума!

— Вотъ я тебя, пѣтушища,

По колѣнамъ-то полѣномъ!

²⁾ Сличи вып. II, № 32.

d. Живалъ-бывалъ старикъ да старушка. Старушка померла; старику стало очень жалко, пошелъ онъ искать плачей¹⁾. Идетъ, а на встрѣчу ему медвѣдь: «куда, старикъ, пошелъ?» — Плачей искать; старуха померла. «Возьми меня въ плачей.» Старикъ спрашиваетъ: умѣешь ли плакать? Онъ заплакалъ: *м-е!* Старикъ говоритъ: «не умѣешь, не надобно, голосъ не хорошъ!» Пошелъ впередъ; лисица бѣжитъ: «куда, старикъ, пошелъ?» спрашиваетъ его. — Плачей искать; старуха померла. «Возьми-ко меня.» — Умѣешь ли плакать? поплачь-ко. Она заплакала: «у—крестъ-я-ни-на—бы-ла—ста-руш-ка—по-у-тру—ра-но—вста-ва-ла—боль-ше—прост-ня²⁾ —пря-ла—щи—ка-шу—ва-ри-ла—ста-ри-ка—кор-ми-ла.»³⁾ Старикъ сказалъ лисицѣ: «ступай, ты мастерица плакать!» и привелъ ее домой, старухѣ въ ноги посадилъ — та стала плакать — а самъ пошелъ гробъ строить. Пока старикъ ходилъ да воротился, а въ избѣ нѣтъ ни старухи, ни лисицы: все лисица съѣла и сама ушла. Поплакалъ, поплакалъ старикъ и сталъ жить одинъ⁴⁾.

(Записана въ кольскомъ уѣздѣ И. Спарихинымъ.)

e. Посѣялъ мужикъ съ медвѣдемъ вмѣстѣ рѣпу, и родилась рѣпа добрая. Медвѣт(д)ъ мужику сказалъ: «твоя коренья, а мои верхушки.» Мужикъ *ую* всю зиму ѣлъ, а медвѣтъ съ голоду помиралъ. На другой годъ медвѣтъ сказалъ мужику: «давай сѣять пшеницу.» Пшеница родилась добрая. — Теперь ты бери верхушки, сказалъ медвѣтъ мужику, а мои коренья. Мужикъ *ую* всю зиму ѣлъ, а медвѣтъ едва съ голоду не померъ.

¹⁾ *Плачей* — женщина, оплакивающая по обычаю покойника, съ разными причитаньями. — ²⁾ *Прѣстенъ* — количество льна, выпряданное на одно веретено (смотри Опытъ обл. вел. слов., Спб., 1852). — ³⁾ *Вар.* «Ахъ, какая была умная-разумная, бѣломоюшка, тонкопрядлюшка!» — ⁴⁾ См. вып. IV, № 9.

На третій годъ мужикъ одинъ пашетъ. Медвѣтъ къ нему пришелъ и гутаритъ ему: «я тебя, мужикъ, съѣмъ (за то), что ты меня обманываешь.» А мужикъ сказалъ ему: «погоди, пашню допашу.» Медвѣтъ и легъ подъ мужичью телегу. У ту пору бѣжить лиса къ мужику и говоритъ: «мужикъ, я тебя отъ смерти отведу; что ты мнѣ за работу дашь?» Мужикъ сказалъ: куръ мѣшокъ. «Хорошо; я у тебя спрошу: что у тебя подъ телегою лежитъ?» А медвѣтъ мужику говоритъ: скажи, что калода. Лиса говоритъ: «кабы была калода, она бы на телегѣ была увязана.» У ту пору лиса убѣжала прочь въ кусты, а послѣ опять возвратилась и говоритъ мужику: «что у тебя на телегѣ лежитъ?» Мужикъ сказалъ: калода. «А кабы калода, у ней бы тапоръ былъ ваткнутъ.» Медвѣтъ сказалъ мужику: ваткни въ меня тапоръ. Мужикъ и ваткнулъ тапоръ медвѣдю въ спину, отчего медвѣтъ кончился ¹⁾. Лиса говоритъ мужику: «вывези же обѣщанной мѣшокъ куръ.» На другой день выѣхалъ мужикъ на пашню и вывезъ мѣшокъ, а въ немъ двѣ курицы и барзую сабаку. Вдругъ лиса прибѣгаетъ и говоритъ мужику: «что привѣзъ куръ?» —Привѣзъ. «Ну, ты же пушай по одной, а не всѣхъ вдругъ.» Мужикъ выпустилъ курицу и другую, потомъ сабаку. Сабака за лисой, лиса отъ сабаки побѣжала въ нору. Сабака стоитъ у норы, а лиса сама съ собою говоритъ: «ноги, что вы дѣлали? — Мы бѣжали. А вы, глазки? — Мы глядѣли. А вы, уши? — Мы слушали. А ты, хвостъ? — Я, говоритъ, тебѣ подъ ноги мѣшался, чтобъ ты упала.» У ту пору лиса асердилась на хвостъ, и высунула его изъ норы: на, сабака, ѣшь хвостъ! Сабака ухватила лису за хвостъ, вытащила ее и разорвала ²⁾.

(Записана въ астраханской губерніи священникомъ Михаиломъ Фіалкинымъ.)

¹⁾ Кончатся — погибать, пропадать (Опыт. обл. велик. слов., стр. 89), умирать. — ²⁾ См. вып. II, № 33; вып. III, № 4.

БАЙКА О ЩУКѢ ЗУБАСТОЙ.

— Въ ночь на Ивановъ день родилась щука въ Шекснѣ, да такая зубастая, что Боже упаси! Лещи, окуни, ерши — всѣ собрались глазѣть на нее и дивовались такому чуду. Вода той порой въ Шекснѣ всколыхалася; шелъ паромъ черезъ рѣку да чуть не затопился, а красныя дѣвки гуляли по берегу да всѣ поразсыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по днямъ, а по часамъ: что день, то на вершокъ прибавится; и стала щука зубастая въ Шекснѣ похаживать, да лещей, окуней полавливать: издали увидить леща да и хватъ его зубами — леща какъ не бывало, только косточки хрустятъ на зубахъ у щуки зубастой. Экая оказія случилась въ Шекснѣ! *Што дѣлать лещамъ да окунямъ? тошно приходитъ: щука всѣхъ пріѣстъ, прикарнаетъ* ¹⁾. Собралась вся мелкая рыба, и стали думу думать, какъ перевести щуку зубастую да такую торовастую. На совѣтъ пришелъ и Ершъ Ершовичъ и такъ наскоро взголцылъ ²⁾: «полноте думу думать да голову ломать, полноте мозгъ портить; а вотъ послушайте, что я буду баять. Тошно намъ всѣмъ тепере въ Шекснѣ; щука зубастая проходу не даетъ, всякую рыбу на зубъ беретъ! Не житье намъ въ Шекснѣ, переберемтесь-ка лучше въ мелкія рѣчки жить — въ Сизму, Коному да Славенку; тамъ насъ никто не тронетъ, и будемъ жить припѣваючи да дѣтокъ наживаючи.» И поднялись всѣ ерши, лещи, окуни изъ Шексны въ мелкія рѣчки Сизму, Коному да Славенку. По дорогѣ, какъ шли, хитрый рыбарь многихъ изъ

¹⁾ Погубить, изведетъ. — ²⁾ Голчить — говорить, кричать (Опыт. обл. вел. слов., стр. 39).

ихней братьи изловилъ на удочку и сварилъ забубѣнную ушицу, да тѣмъ, кажись, и заговѣлся. Съ тѣхъ поръ въ Шекснѣ совсѣмъ мало стало мелкой рыбицы. Закинетъ рыбарь удочку въ воду, да ничего не вытащитъ; когда-нѣкогда попадется стерлядка, да тѣмъ и ловлѣ шабашъ! Вотъ вамъ и вся байка о щукѣ зубастой, да такой торовастой. Много надѣлала плутовка хлопотъ въ Шекснѣ, да послѣ и сама не сдобровала; какъ не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячковъ, и попалась сама на крючокъ. Рыбарь сварилъ уху, хлебаль да хвалилъ: такая была жирная! Я тамъ былъ, вмѣстѣ уху хлебаль, по усу текло, въ ротъ не попало.

(Записана въ череповскомъ уѣздѣ новгородской губерніи И. Чернышевымъ.)

3.

БАБА-ЯГА.

а. Жили были мужъ съ женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужикъ женился на другой, и отъ этой прижилъ дочь. Вотъ жена и не взлюбила падчерицу; нѣтъ житья сиротѣ. Думалъ, думалъ нашъ мужикъ, и повѣзъ свою дочь въ лѣсъ. Ёдетъ лѣсомъ — глядитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ и говоритъ мужикъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ.» Избушка и повортилась. Идетъ мужикъ въ избушку, а въ ней баба-яга: впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ другая. «Русскимъ духомъ пахнетъ!» говоритъ яга. Мужикъ кланяется: «баба-яга, костяная нога! я тебѣ дочку привѣзъ въ услуженье.» — Ну, хорошо! служи, служи мнѣ, говоритъ яга дѣвущкѣ; я тебя за это награжу. Отецъ простился и поѣхалъ домой.

А баба-яга задала дѣвущкѣ пряжи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвушка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: «дѣвица, дѣвица! что ты плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ.» Она дала имъ кашки. — А вотъ, говорятъ, ты на всякое веретѣнцо по ниточкѣ напряди. Пришла баба-яга: «ну что, говоритъ, все ли ты припасла?» А у дѣвушки все готово. «Ну, топерь поди-вымой меня въ банѣ.» Похвалила яга дѣвушку и надавала ей разной сряды ¹⁾. Опять яга ушла, и еще труднѣе задала задачу. Дѣвушка опять плачетъ. Выбѣгаютъ мышки: «что ты, говорятъ, дѣвица красная, плачешь? дай кашки; мы тебѣ добренько скажемъ.» Она дала имъ кашки, а онѣ опять научили ее, что и какъ сдѣлать. Баба-яга опять приходчи ее похвалила и еще больше дала сряды... А мачиха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь? Поѣхалъ мужикъ; пріѣзжаетъ и видитъ, что дочь богатая - пребогатая стала. Яги не было дома; онъ и взялъ ее съ собой. Подъѣзжаютъ они къ своей деревнѣ, а собачка дома такъ и рвѣтся: хамъ, хамъ, хамъ! барыню везутъ, барыню везутъ! Мачиха выбѣжала да скалкой собачку: «врешь, говоритъ, скажи: въ коробѣ косточки гремятъ!» А собачка все свое. Пріѣхали. Мачиха такъ и гонитъ мужа—и ея дочь туда-же отвезти. Отвѣзъ мужикъ.

Вотъ баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Дѣвка такъ и рвѣтся съ досады и плачетъ. Выбѣгаютъ мыши: «дѣвица, дѣвица! о чемъ ты, говорятъ, плачешь?» А она не дала имъ выговорить, то тоѣ скалкой, то другую; съ ними и провозилась, а дѣла-то не придѣлала. Яга пришла, разсердилась. Въ другой разъ опять тоже; яга изломала ее, да косточки въ коробъ и склала. Вотъ мать посылаетъ мужа за дочерью. Пріѣхалъ

¹⁾ Сряда — нарядное платье (Опытъ обл. велик. слов., стр. 214).

отецъ, и повёзъ однѣ косточки. Подъѣзжаетъ къ деревнѣ, а собачка опять лаетъ на крылечкѣ: хамъ, хамъ, хамъ! въ коробѣ косточки везутъ! Мачиха бѣжитъ со скалкой: «врешь, говорить, скажи: барыню везутъ!» А собачка все свое: «хамъ, хамъ, хамъ! въ коробѣ косточки гремятъ!» Пріѣхалъ мужъ; тутъ-то жена взвыла! Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

(Записана въ переяславль-залѣсскомъ уѣздѣ Н. Бодровымъ.)

б. Жилъ себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачиха ее не любила, била ее и думала, какъ-бы вовсе извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то, мачиха и говоритъ дѣвочкѣ: «поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иголочку и ниточку—тебѣ рубашку сшить.» А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ. «Здравствуй, тетушка!»—Здравствуй, родимая! зачѣмъ пришла? «Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку — мнѣ рубашку сшить.» Та ее и научаетъ: «тамъ тебя, племянушка, будетъ березка въ глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать — ты подлеи имъ подъ пяточки масла; тамъ тебя собаки будутъ рвать — ты имъ хлѣбца брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть — ты ему ве(т)чины дай.» Пошла дѣвочка; вотъ идетъ, идетъ, и пришла.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ баба-яга, костяная нога, и ткѣтъ. «Здравствуй, тетушка!»—Здравствуй, родимая! «Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить.»—Хорошо; садись покуда ткать. Вотъ дѣвочка сѣла за краснѣ; а баба-яга вышла и говоритъ своей работницѣ: «ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько; я хочу ею позавтракать.» Дѣвочка сидитъ ни жи-

ва, ни мертва, вся перепуганная, и просить она работницу: «родимая моя! ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи» — и дала ей платочекъ. Баба-яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ: «ткѣшь ли, племянushка, ткѣшь ли, милая?» — Тку, тетушка! тку, милая! Баба-яга и отошла, а дѣвочка дала коту ве(т)чинки и спрашиваетъ: нельзя ли какъ-нибудь уйдти отсюда? «Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце, говоритъ котъ, возьми ихъ и убѣжи; за тобою будетъ гнаться баба-яга, ты преклони ухо къ землѣ, и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сдѣлается широкая, широкая рѣка; если-жъ баба-яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять преклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ — сдѣлается дремучій, дремучій лѣсъ: сквозь него она ужъ не проберется!»

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала: собаки хотѣли ее рвать — она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться — она подлила имъ подъ пяточки масла, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила: А котъ сѣлъ за красна и ткѣтъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-яга подошла къ окну и спрашиваетъ: «ткѣшь ли, племянushка, ткѣшь ли, милая?» — Тку, тетка! тку, милая! отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-яга бросилась въ хатку, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выцарапалъ дѣвочкѣ глаза. «Я тебѣ сколько служу, говоритъ котъ, ты мнѣ косточки не дала; а она мнѣ ве(т)чинки дала.» Баба-яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу, давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей: «мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила; а она намъ хлѣбца дала.» Ворота говорятъ: «мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы

подъ пяточки не подлила; а она намъ маслица подлила.» Березка говоритъ: «я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала; а она меня ленточкой перевязала.» Работница говоритъ: «я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила; а она мнѣ платочекъ подарила.»

Баба-яга, костяная нога, поскорѣй сѣла на ступу, толкачемъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ замѣтаетъ, и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга гонится и ужь близко, взяла да-й бросила полотенце: сдѣлалась рѣка такая широкая, широкая! Баба-яга пріѣхала къ рѣкѣ и отъ злости зубами заскрипѣла, воротилась домой, взяла своихъ быковъ и пригнала къ рѣкѣ; быки выпили всю рѣку до чиста. Баба-яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга близко, бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколь ни старалась—не могла прогрызть, и воротилась назадъ.

А дѣдъ уже пріѣхалъ домой и спрашиваетъ: «гдѣ же моя дочка?»—Она пошла къ тетускѣ, говоритъ мачиха. Немного погода и дѣвочка прибѣжала домой; «гдѣ ты была?» спрашиваетъ отецъ. — Ахъ, батюшка! говоритъ она, такъ и такъ — меня матушка посылала къ теткѣ попросить иголочку съ ниточкой мнѣ рубашку сшить, а тетка—баба-яга, меня съѣсть хотѣла. «Какъ-же ты ушла, дочка?»—Такъ и такъ, рассказываетъ дѣвочка. Дѣдъ, какъ узналъ все это, рассердился на жену и разстрѣлялъ ее; а самъ съ дочкою сталъ жить да поживать, да добра наживать, и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ: по усамъ текло, въ ротъ не попало.

(Записана въ бобровскомъ уѣздѣ воронежской губерніи.)

а. ВѢДЬМА.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ былъ одинъ сыночекъ Ивашечко; они его такъ-то ужъ любили, что и сказать нельзя! Вотъ проситъ Ивашечко у отца и матери: «пустите меня, я поѣду рыбку ловить.»—Куда тебѣ! ты еще малъ, пожалуй утонешь, чего добраго! «Нѣтъ, не утону; я буду вамъ рыбку ловить; пустите!» Баба надѣла на него бѣлую рубашечку, краснымъ поясомъ подпоясала и отпустила Ивашечка. Вотъ онъ сѣлъ въ лодку и говоритъ:

Чòвникъ, чòвникъ, плыви дальшенько!
Чòвникъ, чòвникъ, плыви дальшенько!

Челнокъ поплылъ далеко - далеко, а Ивашко сталъ ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба на берегъ и зоветъ своего сына:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ;
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

А Ивашко говоритъ:

Чòвникъ, чòвникъ, плыви къ бережку:
То меня матинька зоветъ.

Челнокъ приплылъ къ бережку; баба забрала рыбу, накормила-напоила своего сына, переѣнила ему рубашечку и поясъ, и отпустила опять ловить рыбку. Вотъ онъ сѣлъ въ лодочку и говоритъ:

Чòвникъ, чòвникъ, плыви дальшенько!
Чòвникъ, чòвникъ, плыви дальшенько!

Челнокъ поплылъ далеко - далеко, а Ивашко сталъ ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дѣдъ на берегъ и зоветъ сына:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ;
Я тебѣ ѣсть и пить принесъ.

А Ивашко:

Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви къ бережку:
То меня батинька зоветъ.

Челнокъ приплылъ къ бережку; дѣдъ забралъ рыбу, накормилъ напоилъ сына, переѣнилъ ему рубашечку и поясъ, и отпустилъ опять ловить рыбку.

Вѣдьма ¹⁾ слышала, какъ дѣдъ и баба призывали Ивашку, и захотѣлось ей овладѣть мальчикомъ. Вотъ приходитъ она на берегъ и кричитъ хриплымъ голосомъ:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ;
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

Ивашко слышитъ, что это голосъ не его матери, а голосъ вѣдьмы, и поетъ:

Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви дальшенько,
Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви дальшенько:
То меня не мать зоветъ, то меня вѣдьма зоветъ!

Вѣдьма увидѣла, что надобно звать Ивашку тѣмъ-же голосомъ, какимъ его мать зоветъ, побѣжала къ кузнецу и просить его: «ковалику ²⁾, ковалику! скуй мнѣ такой тонесенькой голосокъ, какъ у Ивашкиной матери; а то я тебя съѣмъ.»

¹⁾ Нѣкоторые сказочники замѣняютъ въ этой сказкѣ слово «вѣдьма» — словомъ «змѣя».

²⁾ Коваль—кузнецъ; ковать, подкова.

Коваль сковаль ей такой голосокъ, какъ у Ивашкиной матери. Вотъ вѣдьма пришла ночью на бережокъ и поетъ:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!

Приплынь, приплынь на бережочекъ;

Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

Ивашко приплылъ; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла къ себѣ. Пришла домой и заставляетъ свою дочь Аленку: «истопи печь пожарче, да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей - моихъ пріятелей.» Вотъ Аленка истопила печь жарко, жарко, и говоритъ Ивашкѣ: «ступай, садись на лопату!» — Я еще малъ и глупъ, отвѣчаетъ Ивашко; я ничего еще не умѣю - не разумѣю; поучи меня, какъ надо сѣсть на лопату. «Хорошо, говоритъ Аленка, поучить не долго!» — и только сѣла она на лопату, Ивашко такъ и барахнулъ ее въ печь и закрылъ заслонкой, а самъ вышелъ изъ хаты, заперъ двери и влѣзъ на высокой - высокой дубъ.

Вѣдьма приходитъ съ гостями и стучится въ хату; никто не отворяетъ ей дверей. «Ахъ, проклятая Аленка! вѣрно ушла куда-нибудь играть.» Влѣзла вѣдьма въ окно, отворила двери и впустила гостей; всѣ усѣлись за столъ, а вѣдьма открыла заслонку, достала жареную Аленку — и на столъ: ѣли - ѣли, пили-пили, и вышли на дворъ и стали валяться по травѣ. «Покачюся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвши!» кричитъ вѣдьма; покачюся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвши!» А Ивашко переговариваетъ ее съ верху дуба: «покатися, повалися, Аленкина мясца наѣвши!» — Мнѣ что-то послышалось, говоритъ вѣдьма. — Это листья шумятъ! Опять вѣдьма говоритъ: «покачюся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвши!» а Ивашко свое: «покатися, повалися, Аленкина мясца наѣвши!» Вѣдьма посмотрѣла вверхъ и увидѣла Ивашку; бросилась она грызть дубъ — тотъ самый, гдѣ сидѣлъ Ивашко, грызла, грызла, грызла — два переднихъ зуба выломала, и побѣжала въ

кузню. Прибѣжала и говоритъ: «ковалику, ковалику! скуй мнѣ желѣзные зубы, а не-то я тебя съѣмъ.» Коваль сковалъ ей два желѣзныхъ зуба.

Воротилась вѣдьма и стала опять грызть дубъ; грызла, грызла, и только-что перегрызла, какъ Ивашко взялъ да и перескочилъ на другой сосѣдній дубъ, а тотъ, что вѣдьма перегрызла, рухнулъ наземь. Вѣдьма видитъ, что Ивашко сидитъ уже на другомъ дубѣ, заскрипѣла отъ злости зубами и принялась снова грызть дерево; грызла, грызла, грызла — два нижнихъ зуба выломала, и побѣжала въ кузню. Прибѣжала и говоритъ: «ковалику, ковалику! скуй мнѣ желѣзные зубы, а не-то я тебя съѣмъ.» Коваль сковалъ ей еще два желѣзныхъ зуба. Воротилась вѣдьма и стала опять грызть дубъ. Ивашко не знаетъ, что ему и дѣлать теперь; смотритъ: летятъ гуси-лебеди; онъ и проситъ ихъ:

Гуси мои-лебедята!
Возьмитъ меня на крылата,
Понеситъ меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

— Пущай тебя середніе вѣзмутъ, говорятъ птицы. Ивашко ждетъ; летитъ другое стадо, онъ опять проситъ:

Гуси мои-лебедята!
Возьмитъ меня на крылата,
Понеситъ меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

— Пущай тебя задніе вѣзмутъ. Ивашко опять ждетъ; летитъ третье стадо, онъ проситъ:

Гуси мои-лебедята!
Возьмитъ меня на крылата,
Понеситъ меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетѣли къ хатѣ и посадили Ивашку на чердакъ.

Рано поутру баба собралась печь блины, печеть, а сама вспоминаетъ сына: «гдѣ-то мой Ивашечко? хоть бы во снѣ его увидать!» А дѣдъ говоритъ: «мнѣ снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своихъ крыльяхъ.» Напекла баба блиновъ и говоритъ: «ну, старикъ, давай дѣлить блины: это — тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ; это — тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ...» — А мнѣ *нима!*¹⁾ отзывается Ивашко. «Это—тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ....» — А мнѣ *нима!* «А ну, старикъ! говоритъ баба, посмотри, *щось тамъ такѣ?*» Дѣдъ полѣзъ на чердакъ и досталъ оттуда Ивашку. Дѣдъ и баба обрадовались, спросили сына обо всемъ - обо всемъ, и стали вмѣстѣ жить да поживать да добра наживать.

(Записана въ бобровскомъ уѣздѣ воронежской губерніи.)

в. ТЕЛПУШОКЪ²⁾.

Бывъ сабѣ дѣдъ да баба, да у ихъ не было дѣтей. Во баба и кѣжа дѣду: «иди, дѣду, у лѣсъ, да вырубай тельпушокъ, да зраби калисочку³⁾; я буду того тельпушка калыхать⁴⁾, чи не будя чаго?» Дѣдъ зрабивъ такъ, якъ казала баба. Во баба калыша тельпушокъ, да ѣ припѣвая:

Люли, люли, тельпешику!
Зварю табѣ кулешику,
И ячнага, и смачнага,
Явсянага, прасянага.

¹⁾ Нѣтъ. — ²⁾ Чурбанъ. — ³⁾ Люлька; смотри: колыска (Опыт. обл. вел. слов., стр. 87). — ⁴⁾ Качать.

Глядитъ баба, ажъ у тельпушка ноги јостъ; баба зрадовалась да давай изнова пѣть, и спѣва до тыхъ поръ, покуль изъ таго тельпушка зрабилось дитя. Рады были баба и дѣдъ, што давъ имъ Богъ радость на старость, и не знали, што рабить свайму дитяти.

Расте той сынъ да расте; уже начавъ рыбку лавить и памагать батьку. Во и кажа: «тату! ¹⁾ зраби мини сребный чавнокъ да залате веселечко.» Батько зрабивъ; сынъ начавъ лавить рыбу, и якъ паѣдя, такъ цѣлый день ловя. Во matka принясе ямѹ абѣдать, або вечерять ²⁾, да и кличе:

Иванька—сынокъ,
Серебный чавнокъ,
Залате веселечко,
Бѣ ко мнѣ, мае сердечко!

Пачувши маткинъ голасъ, сынъ пріѣзжая къ берегу, баре ядѹ ³⁾, аддае маткѣ рыбу, а самъ изнова ѣдя.

Ти ⁴⁾ мала, ти багата ⁵⁾ ета такъ было—вѣдьма, што жила въ сасѣднемъ селѣ и знакома была съ Иванькиными радителями, пазавидавала и задумала загубить бабинага сына: пригатовила абѣдать, ти вячерять, да и пашла на ряку, и давай гукать ⁶⁾ такъ, якъ Иванькина matka гукала яго. Иванька, пачувши яе голасъ, бо бывъ грубый, а у матки яго тоненькій, да и кажа: «ета не matka мене заве, а вѣдьма!» Вѣдьма разсярдилась, пашла да каваля, да и загадала зрабить такій язычокъ, якъ у Иванькинай матки; приходя знова на ряку, да и давай звать яго. Јонъ думавъ, што то matka, приплывъ къ берягу. Јна яго ухватила да и панесла дамовъ; а јонъ не разглѣдавъ, якъ падѣзжавъ, бо было тѣмна.

¹⁾ Отецъ. — ²⁾ Ужинать (Опыт. обл. вел. слов., стр. 24). — ³⁾ Ёда. —
⁴⁾ Въмѣсто «чи» — частица, соотвѣтствующая *ли*, или: «много ли, мало ли.» —
⁵⁾ Много. — ⁶⁾ Звать (Опыт. обл. слов., стр. 43).

Вѣдьма принясла Иваньку дамовъ, да и кажа сваей дацѣ ¹⁾ Алѣнцѣ: «дачушечка мая! вазьми сяго хлопчика, абмый да вытапивиши печь укинъ, и якъ јонъ зжарицца, парѣжъ и паставъ на сталѣ, а я пайдѹ да пазаву кѹмачекъ сваихъ; придемъ да и будемъ гулять.» Иванька ета все чувъ. Вѣдьма пашла. Дачкѹ зраби, якъ казала matka, да взятши лапату, што хлѣбъ сажають, и кажа: «Ивашка, ляжъ па лапату, я тябе пакалишу! ²⁾» Иванька легъ да паперекъ; Алѣнка хатѣла укинуть яго у печь, да бача што јонъ легъ не такъ, кажа: «сядь удовжъ!» ³⁾ Јонъ кажа: «пакажи мнѣ; я не знаю, якъ треба ⁴⁾ лечъ.» Алѣнка здура(у) да и лягла, а Ивашка бурхетъ ⁵⁾ яе у печь! Во яна тамъ и апреглась ⁶⁾. Ивашка вынявъ яе, зрабивъ такъ, якъ matka вялѣла зрабить зъ имъ, а самъ пашовъ за горадъ да и сѣвъ на яваръ, да и сидить. Вѣдьма, сабравши сваихъ кѹмакъ, пришла да и давайъ пить да гулять, да тымъ мясамъ закусувать. Яна и не думала, штобъ ета была Алѣнина; яна думала, што дачкѹ пригатовила кушання, да пашла гулять да па-дружакъ.

Паѣдавши харашенька таго мяса и правадивши кумачекъ сваихъ, вѣдьма пашла на тоя мѣста, гдѣ стаявъ яваръ, што сядѣвъ Иванька, да давайъ качацца да пригаваривать: «пакачуся, павалюся, Иванькинага мяса наѣвши!» А јонъ и кажа: «а трясцы⁷⁾—Алѣнкинага!» Яна, якъ пабачила яго, дагадалась, пабѣгла дамовъ, взяла тапоръ, да прибѣгши давайъ рубать яваръ; тапоръ переламився. Во яна пабѣгла да кавалѹ, да и приказала зрабить два возы тапаровъ. Јонъ зрабивъ. Яна привезла ихъ туда, да давайъ рубать яваръ; рубая да рубая, а тапары все ламаюцца, бо яваръ бывъ грубый; аднакъ яваръ начавъ

¹⁾ Дочери. — ²⁾ Покачаю. — ³⁾ Вдоль. — ⁴⁾ Надо. — ⁵⁾ Вкинулъ, вбросилъ быстро. — ⁶⁾ Опрягать—жарить (Опытъ обл. вел. слов., стр. 143). — ⁷⁾ А чтобъ тебя лихоманка!

шатацца на корнѣ и якъ ¹⁾ не упаде. Глядитъ Иванька, ажъ лятить стада гусей; во јонъ и начавъ прасить ихъ:

Гуси, гуси, лебедята!

Вазьметъ мене на крылата,

Панесетъ мене къ аццу--къ маткѣ;

Будя вамъ ѣсти и пити

И харашо хадити!

Во тые гуси и гаворють: «нехай ²⁾ тябе другіи вòзьмутъ!» Лятять другіи, јонъ начавъ прасить; яны сказали, штобъ яго третьи взяли. Лятять и третьи; тые сказали, штобъ яго гусакъ узявъ, што лятить адзаду ³⁾. Лятить той гусакъ. Јонъ начавъ прасить; той гусакъ ухвативъ и панесъ яго. Яваръ упавъ, а вѣдьма адъ злости, што не папала въ сваи руки Иваньку, стала рвацца, метацца, плакать, да асталась *сѣ тѣ-кимѣ*. А гусакъ панесъ Иваньку въ тоя сяло, гдѣ яго ради-тили; прине(с)ши сѣвъ зъ имъ на крышу. Во Иванька и ставъ прислухацца на у комень ⁴⁾, што у хати дѣлаецца. Въ ета время Ивашкины радители абѣдали и плакали на јомъ; во јонъ и кажа: «не плачьте, батюшка и матушка! я тутъ.» Яны, пачувши голасъ яго, выбягли на дворъ, зняли сѣ крыши и вельми были рады, што нашли сына свайго. Јонъ разказавъ имъ все, што было. Гусака таго яны стали харашо кармить и паить; стали жить да паживать, да добры мысли мать. Ти мала, ти багата паживши, радители Иванькины памерли, а јонъ и тяперь живе, да хлѣбъ жуе, рыбку ловя да добрыхъ людей кормя; и гусакъ тей зъ нимъ. Я самъ у Ивашки — надовѣсь ⁵⁾ јонъ свадьбу гулявъ — я на той свадьбѣ скакавъ, медъ-вино пивъ, въ ротъ не было, а па барадѣ такло ⁶⁾.

(Записана въ городѣ Пагарѣ, черниговской губерніи, учителемъ Н. Матросовымъ.)

¹⁾ Чуть. — ²⁾ Пускай. — ³⁾ Назади. — ⁴⁾ Комень — передняя часть печи для выхода дыму (Опытъ области. вел. слов., стр. 88). — ⁵⁾ Наме-дни. — ⁶⁾ См. вып. II, № 34; вып. VI, №№ 17 — 20.

СКАЗКА О ТРЕХЪ ЦАРСТВАХЪ: МѢДНОМЪ, СЕРЕБРЕНОМЪ И ЗОЛОТОМЪ.¹⁾

Бывало да живало—жили-были старикъ да старушка; у нихъ было три сына: первой—Егорушко Залётъ, второй — Миша Косолапой, третій—Ивашко Запечникъ. Вотъ вздумали отецъ и мать ихъ женить; послали большого сына присматривать неvěсту, и онъ шелъ да шелъ — много времени; гдѣ ни по-смотреть на дѣвокъ, не можетъ прибрать себѣ неvěсты, все не глянутся²⁾. Потомъ встрѣтилъ на дорогѣ змѣя о трехъ головахъ и испугался, а змѣй говоритъ ему: «куда, доброй чело-вѣкъ, направился?» Егорушко говоритъ: «пошелъ свататься, да не могу неvěсты приискать.» Змѣй говоритъ: «пойдемъ со мной; я поведу тебя, можешь ли достать неvěсту?» Вотъ шли да шли, дошли до большого камня. Змѣй говоритъ: «отвори камень; тамъ чего желаешь, то и получишь.» Егорушко ста-рался отворотить, но ничего не могъ сдѣлать. Змѣй сказалъ ему: «дакъ нѣтъ же тебѣ неvěсты!» И Егорушко воротился домой, сказалъ, отцу и матери обо всемъ. Отецъ и мать опять думали-подумали, какъ жить да быть, послали середняго сына Мишу Косолапаго. Съ тѣмъ тоже самое случилось. Вотъ ста-рикъ и старушка думали-подумали, не знаютъ, что дѣлать: если послать Ивашка Запечнаго, тому ничего не сдѣлать!

А Ивашко Запечный сталъ самъ проситься посмотреть змѣя; отецъ и мать сперва не пускали его, но послѣ пустили. И Ивашко тоже шелъ да шелъ, и встрѣтилъ змѣя о трехъ го-ловахъ. Спросилъ его змѣй: «куда направился, доброй чело-

¹⁾ См. вып. VII, № 9, вып. VIII, № 7. — ²⁾ Т. е. не нравятся.

вѣкъ?» Онъ сказалъ: «братья хотѣли жениться, да не смогли достать невѣсту; а теперь мнѣ черёдъ выпалъ.»—Пожалуй, пойдёмъ, я покажу; сможешь ли ты достать невѣсту? Вотъ пошли змѣй съ Ивашкомъ, дошли до того-же камня; и змѣй приказалъ камень отворотить съ мѣста. Ивашко хватилъ его, и камень какъ не бывалъ — съ мѣста слетѣлъ; тутъ сказала дыра въ землю и близь нея утверждены ремни. Вотъ змѣй и говоритъ: «Ивашко! садись на ремни; я тебя спущу, и ты тамъ пойдешь и дойдешь до трехъ царствъ, а въ каждомъ царствѣ увидишь по дѣвицѣ.»

Ивашко спустился и пошелъ; шелъ да шелъ, и дошелъ до мѣднаго царства; тутъ зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекрасную изъ себя. Дѣвица говоритъ: «добро пожаловать, небывалой гость! приходи и садись, гдѣ мѣсто просто ¹⁾ видишь; да скажись, откуда идешь и куда?»—Ахъ, дѣвица красная! сказалъ Ивашко, не накормила, не напоила, да стала вѣсти спрашивать. Вотъ дѣвица собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ; Ивашко выпилъ и поѣлъ, и сталъ рассказывать, что иду де искать себѣ невѣсты; если милость твоя будетъ — прошу выйти за меня. «Нѣтъ, доброй человѣкъ, сказала дѣвица; ступай ты впередъ, дойдешь до серебрянаго царства: тамъ есть дѣвица еще прекраснѣе меня!» — и подарила ему серебряной перстень. Вотъ доброй молодецъ поблагодарилъ дѣвицу за хлѣбъ-за соль, распростился и пошелъ; шелъ да шелъ, и дошелъ до серебрянаго царства; зашелъ сюда и увидѣлъ: сидитъ дѣвица прекраснѣе первой. Помолился онъ Богу и билъ челомъ: «здорово, красная дѣвица!» Она отвѣчала: «добро пожаловать, прохожій молодецъ! садись да хвастай: чей да откуль, и какими дѣлами сюда зашелъ?» — Ахъ, прекрасная дѣвица! сказалъ Ивашко, не напоила, не накормила, да

¹⁾ Т. е. пусто, незанято.

стала вѣсти спрашивать. Вотъ собрала дѣвица столъ, принесла всякаго кушанья и напитковъ; тогда Ивашко попилъ, поѣлъ, сколько хотѣлъ, и началъ рассказывать, что онъ пошелъ искать невѣсты, и просилъ ее замужъ за себя. Она сказала ему: «ступай впередъ, тамъ есть еще золотое царство, и въ томъ царствѣ есть еще прекраснѣе меня дѣвица!» — и подарила ему золотой перстень. Ивашко распротился и пошелъ впередъ, шелъ да шелъ, и дошелъ до золотого царства, зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекраснѣе всѣхъ. Вотъ онъ Богу помолился, и какъ слѣдуетъ, поздоровался съ дѣвицей. Дѣвица стала спрашивать его: откуда и куда идетъ? «Ахъ, красная дѣвица! сказалъ онъ, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать.» Вотъ она собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечникъ угостился всѣмъ хорошо, и сталъ рассказывать: «иду я, себѣ невѣсты ищу; если ты желаешь за меня замужъ, то пойдемъ со мною.» Дѣвица согласилась и подарила ему золотой клубокъ, и пошли они вмѣстѣ. Шли да шли, и дошли до серебрянаго царства—тутъ взяли съ собой дѣвицу; опять шли да шли, и дошли до мѣднаго царства—и тутъ взяли дѣвицу; и всѣ пошли до дыры, изъ которой надобно вылѣзть, и ремни тутъ висятъ; а старшіе братья уже стоятъ у дыры, хотятъ лѣс(зт)ъ туда же искать Ивашку.

Вотъ Ивашко посадилъ на ремни дѣвицу изъ мѣднаго царства и затрясъ за ремень; братья потащили и вытащили дѣвицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадилъ дѣвицу изъ серебрянаго царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потомъ посадилъ онъ дѣвицу изъ золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и самъ Ивашко сѣлъ; братья потащили и его, тащили-тащили, да какъ увидѣли, что это—Ивашко, подумали: «пожалуй, вытащимъ его, дакъ онъ не дастъ ни одной дѣвицы!» и обрѣзали ремни; Ивашко упалъ внизъ.

Вотъ, дѣлать нечего, поплакалъ онъ — поплакалъ и пошелъ впередъ, шелъ да шелъ, и увидѣлъ: сидитъ на пнѣ старикъ — самъ съ четверть, а борода съ локоть, и рассказалъ ему все, какъ и что съ нимъ случилось. Старикъ научилъ его идти дальше: «дойдешь до избушки, а въ избушкѣ лежитъ длинной мужичина изъ угла въ уголъ, и ты спроси у него, какъ выдти на Русь.» Вотъ Ивашко шелъ да шелъ, и дошелъ до избушки, зашелъ туда и сказалъ: «сильной Идолищо! не погуби меня, скажи, какъ на Русь попас(т)ь?» — Фу, фу! проговорилъ Идолищо, русскую коску ¹⁾ никто не звалъ, сама пришла. Ну, пойдѣ-же ты за тридцать озеръ; тамъ стоитъ на куриной ножкѣ избушка, а въ избушкѣ живетъ ега-баба; у ней есть орелъ-птица, и она тебя вынесетъ.» Вотъ доброй молодецъ шелъ да шелъ, и дошелъ до избушки; зашелъ въ избушку, ега-баба закричала: «фу, фу, фу! русская коска, зачѣмъ сюда пришла?» Тогда Ивашко сказалъ: «а вотъ, бабушка, пришелъ я по приказу сильного Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь.» — Иди же ты, сказала ега-баба, въ садокъ; у дверей стоитъ карауль, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; какъ будешь отпирать послѣднія двери — тогда орелъ встретится крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми съ собой говядины, и когда онъ станетъ оглядываться, ты давай ему по куску мяса. Ивашко сдѣлалъ все по приказанью егой-бабки, сѣлъ на орла и полетѣлъ; летѣлъ, летѣлъ, орелъ оглянулся — Ивашко далъ ему кусокъ мяса; летѣлъ, летѣлъ, и часто давалъ орлу мяса, ужь скормилъ все, а еще летѣтъ не близко. Орелъ оглянулся, а мяса нѣтъ; вотъ орелъ выхватилъ у Ивашка изъ холки кусокъ мяса, сѣлъ, и вытащилъ его въ ту-же дыру на Русь.

¹⁾ Т. е. костку, кость.

Когда сошелъ Ивашко съ орла, орелъ выхаркнулъ кусокъ мяса и велѣлъ ему приложить къ холкѣ. Ивашко приложилъ, и холка заросла. Пришелъ Ивашко домой, взялъ у братьей дѣвицу изъ золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живутъ. Я тамъ былъ, пиво пилъ; пиво-то по усу текло, да въ ротъ не попало.

(Записана въ пинежскомъ уѣздѣ архангельской губерніи.)

6.

НОРКА-ЗВѢРЬ.

Живъ сабѣ царь да царица. У нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. У царя бывъ звѣринецъ, у котораго множества(о) было разныхъ звѣрей. Въ етатъ звѣринецъ унадився великій звѣрь — Норка яго звали — и багата рабивъ шкеры ¹⁾: каждую ночь поѣдавъ звѣрей. Царь чаго не рабивъ — не могъ истребить яго; во упасли сзывая своихъ сыновъ, да и кажа: «хто истребить Норку-звѣря, дамъ тому плавину царства.» Во старшій и памався ²⁾: якъ только наступила ночь, јонъ взявъ оружіе и пашовъ; да не пашодши въ звѣринецъ, зайшовъ у трактиръ, и тамъ прагулявъ цѣлую ночь. Схаманувся ³⁾, якъ разсвѣло, да поздно. Стыдно яму было передъ аццомъ, да нечага рабить. На другій день и средній братъ зрабивъ также; батько лаявъ-лаявъ ихъ, да и переставъ.

Во на третій день собрався меньшій. Смѣялись всѣ зъ яго, бо бувъ дурный, и яны думали, што јонъ ничего не зрѣя; а

¹⁾ Убытокъ, вредъ (Опыт. област. велик. слов., стр. 266.) — ²⁾ Т. е. взялся (по-имался). — ³⁾ Очнулся, опомнился.

јонъ, узявши аружія, пашовъ прямо у звѣринецъ, да и сѣвъ надъ дерномъ, штобъ — якъ только начне засыпать — яны яго кальнули, јонъ(бы) и проснувся. Уже звярнуло сѣ павночи. Во застагнала земля: то Норка-звѣрь бяжить и прямо черезъ аграду въ звѣринецъ, бо такіѣ бывъ вяликіѣ. Царевичъ схаманувся, уставъ, перекрестився и пашовъ прямо на звѣря; јонъ назадъ, царевичъ за имъ, а далѣ бѣча ¹⁾, што не дагона пѣшкомъ, пабѣгъ у канюшню, узявъ самага лучшага жеребца да у пагоню: дагнавъ таго звѣря, да и давай бицца. Бились яны, бились. Царевичъ давъ звѣрю три раны. Во у(о)бое выбились изъ мочи, да и лягли аддыхать. Якъ только царевичъ заснувъ, звѣрь уставъ, да ѣ на утѣки ²⁾. Конь бѣдя царевича; јонъ схавився, да у пагоню; дагнавши, изнова зачали бицца. Царевичъ и тутъ зрабивъ звѣрю три раны, а далѣ лягли аддыхать. Звѣрь утѣкъ; царевичъ, дагнавши, знова зрабивъ три раны; а далѣ, якъ у чатвертый разъ ставъ даганять, звѣрь дабѣгъ да великага бѣлага камня, паднявъ яго и пашовъ на теѣ свѣтъ, сказавши царевичу: «тагда мене пабѣдишь, якъ сюда придешъ.»

Царевичъ паѣхавъ и рассказавъ аццу свайму все, и правивъ яго, штобъ јонъ вялѣвъ звить кожаный канатъ такіѣ довгій, штобъ доставъ да таго свѣту. Атецъ вялѣвъ. Якъ зрабили канатъ, царевичъ, забравши свайхъ братовъ, набравши слугъ и всяго, што треба было на цѣлый годъ, паѣхавъ туда, гдѣ звѣрь пашовъ падъ камень. Пріѣхавши, яны пастроили тамъ дворецъ и стали жить. Приготовились; мѣньшій братъ и кажа старшимъ: «ну братцы! хто падымя сеѣ камень?» Ни адинъ и зъ мѣста не двинувъ, а јонъ якъ хвативъ, дакъ камень далеко палетѣвъ, а бувъ вяликіѣ, вяликіѣ — зъ гору. Кинувши камень, јонъ изнова и кажа братѣмъ: «а хто

¹⁾ Видить. — ²⁾ Да и бѣжать.

паидя на тей свѣтъ пабивать Норку-звѣря?» Не адинъ не взявсь. Іонъ, насмѣявшись надъ ими, што яны трусы, гаворя: «ну, братцы! прощайтя; апускайтя мене на тей свѣтъ, а самы не атходтя адъ сяго мѣста, и якъ только закалишицца канать — тащитя.» Браты апустили яго.

Ачнувшись на томъ свѣтѣ, падъ землею, царевичъ пашовъ; ишовъ да ишовъ; дивицца ¹⁾, ажъ ходя конь въ богатой збруѣ и кажа яму: «а зрастуй (здравствуй), Иванъ-царевичъ; долга я дожидавъ тебе!» Іонъ сѣвъ на таго коня и паѣхавъ; ѣдя да ѣдя, глядитъ, ажъ стаить мѣдный дворець. Іонъ взѣхавъ на дворъ, привязавъ каня, да и пашовъ у комнаты. Тамъ наготована обѣдать; јонъ сѣвъ, паабѣдавъ, пашовъ у спальню: тамъ пастель, и јонъ легъ аддыхать. Во приходя панночка, да такая красивая, што не здумать, не згадать, только въ казцѣ ²⁾ сказать, да и кажа: «хто въ моемъ домѣ — азавися: кали старый — будешъ батюшка, кали среднихъ лѣтъ — братъ, а кали маладой — мужъ любезный; а кали женщина (да) старая — будешъ бабушка, среднихъ лѣтъ — матушка, а кали маладая — сестра родная.» Іонъ вышавъ. Яна, якъ пабачила яго, взрадавалася, да и кажа: «чаго, Иванъ-царевичъ (мужъ мой ты будешъ любезный), чаго суда пріѣхавъ?» Іонъ рассказавъ ей што и якъ. Яна и кажа: «тей звѣрь, што ты хочешъ пабѣдить, — мой братъ. Іонъ тяперъ у средней сестры, што живе недалеко атсуда въ серебряномъ дворцѣ; я яму залячила три раны, што ты зрабивъ.»

Во упасли ³⁾ сяго яны пили, гуляли, добры мысли мали ⁴⁾; а далѣ царевичъ, папращавшись, паѣхавъ да другой сестры, што въ серебряномъ дворцѣ, и въ той такжа пагастивъ. Яна сказала яму, што братъ яё Норка тяперъ у мѣньшай сестры. Іонъ паѣхавъ да мѣньшай, што жила въ залатомъ дворцѣ. Ета сказала яму, што братъ яё тяперъ спить на синѣмъ морѣ, а

¹⁾ Смотрить. — ²⁾ Сказкѣ. — ³⁾ Послѣ. — ⁴⁾ Т. е. имали (брали).

далѣ дала яму напница сильнай вады, дала мечъ-кладенецъ, и сказала, штобъ јонъ рубавъ галаву брату адъ разу. Јонъ, выслухавши ета, паѣхавъ. Пріѣзжая царевичъ къ синяму морю, дивицца — ажъ спить Норка на камнѣ, па серединѣ моря, и якъ храп(н)ѣ—атъ таго на семь вѣрстъ ажъ вална бѣе. Јонъ перекрестився, падѣхавъ къ яму, ударивъ мечомъ па галавѣ. Галава адскочила, да и кажа: «ну тыперь-жа я прапавъ!» а далѣ и павалився у море.

Убивши звѣря, царевичъ вярнувся, пабравъ всѣхъ трехъ сястеръ съ сабою, штобъ вывести ихъ на етатъ свѣтъ; бо всѣ яго любили и не хатѣли зъ имъ растацца. Каждая изъ ихъ изъ свайго дварца зрабила яичко (бо были валшебницы); яго научили, якъ изъ яичка зрабить дварецъ и наабаротъ, аддали яму яички и пашли къ таму мѣсту, гдѣ треба было падымацца на сей свѣтъ. Якъ пришли яны къ канату, царевичъ пасадивъ дѣвушекъ, дерганувъ за канатъ; јонъ закалѣхався, браты патащили. Якъ вытащили да пабачили ¹⁾ диковинныхъ красавицъ, аташли адъ ихъ, да и кажутъ: «пустимъ канатъ, падымемъ брата, канатъ перярѣжимъ; нехай убѣецца, а то јонъ намъ не дастъ сихъ красавицъ замужъ.» Во, сгаварившись, пустили канатъ; братъ бѣвъ не промахъ, дагадався, што братья думаютъ, узавъ да и палаживъ камень, дерганувъ; братья падняли яго высѣка, да и перярѣзали канатъ. Той камень упавъ и разбився. Јонъ заплакавъ да и пашовъ.

Ишовъ, ишовъ царевичъ. Во якъ паднялась буря, заблискала маланья, загремѣвъ громъ, полився дождь. Јонъ пришовъ къ деряву, штобъ захавацца ²⁾ падъ имъ; глядитъ, ажъ на томъ дерявѣ маленькія птушки ³⁾ савсѣмъ измокли; јонъ изнявъ съ себе адѣжу, да и накрывъ ихъ, а самъ сѣвъ падъ деревьямъ. Кали лятить птица, да такая вяликая, што и свѣтъ

¹⁾ Увидѣли. — ²⁾ Спрятаться. — ³⁾ Пташки.

затмився: то было тёмна, а то еще патямнѣло. То — матка тыхъ птушакъ, што накрывъ царевичъ. Прилятѣвши тая птица, якъ пабачила, што яё дятёнашы адѣты, и кажа: «хто накутавъ маихъ птушакъ?» а далѣ, пабачивши царевича, и кажа: «ета ты зрабивъ? спасибо тябѣ. Чаго хочешъ, праси адъ мене за ета; все сдѣлаю для тябе!» Іонъ кажа: «выняси мене на тей свѣтъ.» Яна гаворя: «зраби-жъ ты вяликій засѣкъ, налави всякай дичи, да накидай туда, а въ другую палавину налії вады, штобъ было чимъ мене кармить.»—Царевичъ все зрабивъ. Тая птица, взявши етатъ засѣкъ на сябе, а царевичъ сѣвъ у серядинѣ, — палятѣла. Лятѣвши чи багата, чи мала — вынесла яго, папращалась и палятѣла; а јонъ пашовъ да и приставъ къ аднаму партному у хлопцы: такіѣ јонъ бывъ абодранныѣ, такъ перемѣнився, што и не въ даметъ ¹⁾, што царскій сынъ. Ставши у таго хазяина за работника, царевичъ начавъ распрашувать, што у ихъ царствѣ и якъ? Той хазяинъ и кажа: «наши два царевича (бо третій прапавъ) привязли съ таго свѣта невѣсты и хочутъ жаницца, да тыя невѣсты упируютъ ²⁾; хочутъ, штобъ имъ къ вянцу нашить всякага платья, такога, якъ у ихъ было на томъ свѣтѣ, и безъ мѣрки. Царъ звавъ всехъ мастяровъ, да не адинъ не бярецца.» Выслухавши все ета, царевичъ и кажа: «иди, хазяинъ, къ царю и скажи, што ты нашіешъ все па твайму ремяслу.» Хазяинъ и кажа: «чи мини-жъ брацца за такое платье? я шію на простонародья.» Царевичъ кажа: «иди, хазяинъ! я отвѣчаю за все.» Той хазяинъ пашовъ. Царъ бывъ радъ, што нашовся хоть адинъ мастяръ; давъ яму денегъ, сколько јонъ хатѣвъ. Хазяинъ той, справившись, прихóдя дамовъ ³⁾. Царевичъ и гаворя яму: «ну, мались Богу да лажись спать; завтра все будя гатова.» Іонъ паслухавъ свайго паробка, легъ спать.

¹⁾ Не въ домѣкъ. — ²⁾ Упираются. — ³⁾ Домой.

Звярнуло съ павночи. Царевичъ вставъ, пашовъ за горадъ — на поле, вынявъ изъ кармана тыя яички, што дали яму невѣсты, и якъ научили яго, здѣлавъ изъ ихъ три дварцы; вашовъ, пабравъ у каждомъ ихъ платя, вышавъ, звярнувъ тые дварцы въ яички и пашовъ дамовъ. Пришовши, развѣшавъ платя на стянѣ, да и легъ спать. Рано праснувся хазяинъ, глядъ—ажъ висить такая платя, што јонъ и не видавъ! все сѣе ¹⁾ златомъ да серебромъ да камнями самоцвѣтными. Јонъ зрадовавсь, взявъ-панѣсь тоя платя къ царю. Царевны, якъ убачили, што то платя, што у ихъ на томъ свѣтѣ, да гадались, што Иванъ-царевичъ на семъ свѣтѣ, переглянулись да и замовкли. Хазяинъ тей, аддавши платя, пашовъ дамовъ, да не заставъ уже свайго дарагога работника. Јонъ пашовъ да приставъ къ башмашнику, да и таго паславъ къ царю, и той зарабивъ; только абхадивъ јонъ всехъ мастяровъ, и усѣ благодарили яго, што наживились чрезъ яго у царя.

Якъ абхадивъ царевичъ-работникъ всехъ мастяровъ, царевны палучили сваё желанье: у ихъ все платя было такая, акъ на томъ свѣтѣ; только яны горько плакали, што царевичъ не прихѳдя, а наравить ²⁾ было нельзя, нада бѣла вяпчаца. Якъ сабрались къ вянцу, меньшая невѣста и кажа царю: «пазвольте мнѣ, батюшка, пайти самой падарить нищихъ!» Јонъ пазволивъ. Јапа пашла и начала дарить да приглядаца. Падхѳдя къ аднаму; якъ стала давать яму деньги, пабачила кольцо, што дала царевичу на томъ свѣтѣ, и кольца сѣстѳръ сваихъ (бо то бывъ јонъ!)—хватила яго за руку и привяла яго въ комнату, и кажа царю: «во той, што насъ вывявъ изъ таго свѣту! Братья, кажа, запрятили гаварить намъ, што јонъ живъ, и обѣщали пабить насъ, кали мы скажемъ.» Царъ на тыхъ сыновъ разсердився, наказавъ ихъ, якъ самъ знавъ; а послѣ гуляли

¹⁾ Сіаетъ. — ²⁾ Норовить (норовъ) — противиться.

три свадьбы, и я тамъ бывъ, медъ вино пивъ, въ ротъ не было, а только па барадъ тькло.

(Записана въ городъ Погаръ, черниговской губерніи, учителемъ Н. Матросовымъ.)

7.

ВАСИЛИСА-ПОПОВНА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ Василій-попъ. У него была дочь Василиса Васильевна. Одѣвалась она въ мужское платье, ѣздила верхомъ на лошади, стрѣляла изъ ружья, и все дѣлала совсѣмъ не по дѣвичьи, такъ что очень немногіе знали, что она—дѣвушка, а думали, что она—мущина, и звали ее Васи́лемъ Васи́льевичемъ; а больше потому, что Василиса Васильевна была охоча до водки, а это, знашь, дѣвушкамъ совсѣмъ не къ лицу. Вотъ едино-ва царь Бархатъ (такъ звали царя той стороны) поѣхалъ поохотиться за дичинкой, и ему на встрѣчу попалась Василиса Васильевна. Ёхала она верхомъ въ мужской одѣжѣ тоже за охотой. Царь Бархатъ, увидавъ ее, спрашиваетъ у своихъ слугъ: «кто это такой молодой человѣкъ?» Одинъ слуга ему и отвѣчаетъ: «это вѣдь, царь, не мущина, а дѣвушка; мнѣ до-дома извѣстно, что это дочь попа Васи́лія и что зовутъ ее Василисой Васильевной.»

Лишь только царь Бархатъ воротился до двора, тотчасъ написалъ къ попу Васи́лію граматку, чтобы онъ своего сына Васи́лія Васи́льевича отпустилъ къ нему въ гости отвѣдать царскаго стола. А между тѣмъ самъ пошелъ къ бабушкѣ-заворинкѣ-ягинишнѣ, и давай ее выпытывать, какъ-бы узнать,

что Василій Васильевичъ точно дѣвушка. Бабушка-задворинка-ягинишна и говоритъ ему: «ты по праву-то руку въ палатѣ своей повѣсь пѣла ¹⁾), а по лѣву-то руку ружья; если она точно Василиса Васильевна, то когда взойдетъ въ палату — прежде всего хватится за пѣла, а если — Василій Васильевичъ, то за оружїя.» Царь Бархатъ послушался бабушку-задворинку-ягинишну и велѣлъ своимъ слугамъ поставить въ палату пѣла и развѣсить ружья. Какъ только грамотка царская дошла до отца Василя, и онъ показалъ ее своей дочери, тотчасъ Василиса Васильевна пошла на конюшій дворъ, осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухъ къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ; она по учтивому Богу молится, по писанному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклонъ отдаетъ, съ царемъ Бархатомъ ласково здоровается, и входитъ съ нимъ въ царскія палаты. Ся(ѣ)ли вмѣстѣ за столъ и давай пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ обѣда Василиса Васильевна стала съ царемъ Бархатомъ по палатамъ разгуливаться, и какъ только увидала пѣла, то и учала царя Бархата осуждать: «что это, говоритъ, такое у тебя, царь Бархатъ, за дрянъ? У моего батюшки эдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать, а у царя Бархата дѣвичье шелепетье въ палатахъ висится!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка.

Эдакъ дня черезъ два, не больше, царь Бархатъ посылаетъ опять къ попу Василю грамотку и проситъ его отпустить къ нему своего сына Василя Васильевича. Тотчасъ, какъ только Василиса Васильевна услышала объ этомъ, пошла на конюшій дворъ, осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-

¹⁾ Пяльцы.

сивогриваго, и пахнула прямокъ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ. Она съ нимъ ласково здоровається, по учтивому Богу молится, по писанному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклонъ отдаетъ. Царь Бархатъ, по наказу бабушки-задворинки-ягинишни, велѣлъ къ ужину сварить кашу и начинить ее жемчугомъ; вишь бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчугъ будетъ въ горсточку класть, а если — Василій Васильевичъ, то подъ столъ кидать. Вотъ подошло время и ужинать. Царь сядь за столъ, а Василису Васильевну посадилъ по праву руку, и стали они пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ всего подали кашу, и какъ только Василиса Васильевна ее хлебнула и попалась ей жемчужина, она швыркъ ее подъ столъ вмѣстѣ съ кашею, и учала царя Бархата осуждать: «что это, говоритъ, за дрянъ такая въ кашѣ накладка? у моего батюшки эдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать, а у царя Бархата дѣвичье шелепетье въ кушанье кладутъ!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь опять не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка; а вить это больно ему хотѣлось.

Дня черезъ два царь Бархатъ, по наказу бабушки-задворинки-ягинишни, велѣлъ истопить баню; вишь бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то въ баню вмѣстѣ съ царемъ не пойдетъ. Истопили баню.

Опять царь Бархатъ пиши(е)тъ къ попу Василю граматку, чтобы онъ своего сына Василя Васильевича въ гости къ нему отпустилъ. Какъ только Василиса Васильевна узнала объ этомъ, тотчасъ пошла на конюшій дворъ, осѣдлала своего коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухнула къ царю Бархату на дворъ. Царь ее встрѣчаетъ на парадномъ крыльчикѣ. Она съ нимъ ласково здоровається и входитъ по

бархатному коврику въ палаты: взошедъ въ оныя, по учтивому Богу помолилась, по писанному перекрестилась, на всѣ четыре сторонушки низехонько поклонилась; сяла съ царемъ Бархатомъ за столъ, и стала съ нимъ пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ обѣда царь и говоритъ: «не въ угоду ли, Василій Васильевичъ, со мной въ баньку сходить?» — Извольте, ваше царское величество! отвѣчаетъ Василиса Васильевна; я давнымъ-давно въ банѣ не бывалъ, и больно охочь париться. Вотъ они и пошли вмѣстѣ въ баню. Покѣлесь царь Бархатъ разоблакался въ передбанкѣ, она въ ту пору успѣла искупаться, да и была такова! Царь не могъ и въ банѣ ее захватить. Василиса Васильевна, вышедъ изъ бани, писала межъ тѣмъ къ царю писульку и велѣла слугамъ отдать ему, когда онъ самъ выдетъ изъ бани. А въ этой писулкѣ было написано: «ахъ ты — ворона, ворона, царь Бархатъ! не умѣла ты, ворона, сокола въ саду соймасть! а я вѣдь не Василій Васильевичъ, а Василиса Васильевна.» Вотъ нашъ царь Бархатъ и остался на бобахъ ¹⁾: вишь какая Василиса-то Васильевна была мудрая, да и лѣпообразная!

(Записана штатнымъ смотрителемъ ирбитскаго уѣзднаго училища
Н. Тихановымъ.)

8.

РАЗБОЙНИКИ.

Жилъ-былъ попъ съ попадьею; у нихъ была дочка Аленушка. Вотъ этого попа позвали на свадьбу; онъ собрался ѣхать

¹⁾ Въ рукописи г. Тиханова: «и остался на бобахъ-на голубыхъ щекахъ.»

съ женою, а дочь оставляетъ домосѣдкою.—Матушка! я боюсь оставаться одна, говоритъ Аленушка матери. «А ты собери подружекъ на посидѣлки, и будешь не одна.» Поцъ и попадья уѣхали, а Аленушка собрала подружекъ; много сошлось ихъ съ работою: кто вяжетъ, кто плететъ, а кто и прядетъ. Одна дѣвица уронила невзначай веретено; оно покатилося и упало въ трещину, прямо въ погребъ. Вотъ она полѣзла за веретеномъ въ погребъ, сошла туда, смотритъ, а тамъ за кадушкою сидитъ разбойникъ и грозитъ ей пальцемъ. «Смотри, говоритъ онъ, не рассказывай никому, что я здѣсь, а то не быть тебѣ живой!» Вотъ вылѣзла она изъ погреба блѣдная блѣдная, рассказала все шопотомъ одной подружкѣ, та другой, а эта третьей ей, и всѣ перепуганныя стали собираться домой. «Куда вы? уговариваетъ ихъ Аленушка, постойте, еще рано.» Кто говоритъ, что ей надо по воду идти; кто говоритъ, что ей надо отнести къ сосѣду холстъ,—и всѣ ушли. Осталась одна Аленушка.

Разбойникъ услыхалъ, что все пріутихло, вышелъ изъ погреба и говоритъ ей: «здравствуй, красная дѣвица, пирожная мастерица!»—Здравствуй! отвѣчаетъ Аленушка. Разбойникъ осмотрѣлъ все въ избѣ, и вышелъ посмотреть еще на дворъ, а Аленушка тѣмъ временемъ поскорѣй двери заперла и огонь потушила. Разбойникъ стучится въ избу: «пусти меня, а то я тебя зарѣжу!»—Не пущу; коли хочешь, полѣзай въ окно!—а сама приготовила топоръ. Только разбойникъ просунулъ въ окно голову, она тотчасъ ударила топоромъ и отрубила ему голову, а сама думаетъ: скоро пріѣдутъ другіе разбойники, его товарищи; что мнѣ дѣлать? Взяла отрубленную голову и завязала въ мѣшокъ; послѣ притащила убитаго разбойника, разрубила его на куски и поклала ихъ въ разные мѣшки и горшки. Прошло ни много-ни мало, пріѣхали разбойники и спрашиваютъ: «справился ли?»—они думали, что то-

варищъ ихъ живъ. «Справился, говоритъ Аленушка голосомъ разбойника; вотъ два мѣшка денегъ, вотъ крынка масла, вотъ ветчина!» — и подаетъ приготовленные мѣшки и горшки въ окно. Разбойники забрали все это, да на возъ. «Ну, поѣдемъ!» говорятъ они. — Поѣзжайте, говоритъ Аленушка, а я посмотрю, нѣтъ ли еще чего. Тѣ и уѣхали.

Разсвѣло. Попъ съ попадѣей воротились со свадьбы. Она и рассказала имъ все какъ было: «такъ и такъ, сама разбойниковъ побѣдила.» А разбойники пріѣхали домой, да какъ поглядѣли въ мѣшки и въ горшки, такъ и ахнули: «ахъ она такая-сякая! хорошо же, мы ее сгубимъ!» Вотъ нарядились они хорошо-хорошо, и пріѣхали къ попу свататься за Аленушку, а въ женихи ей выбрали дурачка, нарядили и его. Аленушка смѣтила ихъ по голосу и говоритъ отцу: «батюшка! это не сваты, это тѣже разбойники, что прежде пріѣзжали.» — Что ты врешь? говоритъ попъ, они такіе нарядные! — а самъ-то радъ, что такіе хорошіе люди пріѣхали свататься за его дочь, и приданого не берутъ. Аленушка плакать — ничего не помогаетъ. «Мы тебя изъ дому прогонимъ, коли не пойдешь теперь замужъ!» говоритъ попъ съ попадѣею. И просватали ее за разбойника и сыграли свадьбу. Свадьба была самая богатая.

Повезли разбойники Аленушку къ себѣ, и только въѣхали въ лѣсъ — и говорятъ: «что жъ здѣсь станемъ ее казнить?» А дурачекъ и говоритъ: «хочъ бы она денечекъ прожила, я бы на нее поглядѣлъ.» — Ну, что тебѣ дураку смотрѣть! «Пожалуста, братцы!» Разбойники согласились, поѣхали и привезли Аленушку къ себѣ, пили-пили, гуляли-гуляли; потомъ и говорятъ: «что-жъ, теперь пора ее сказнить!» А дурачекъ: «хочъ бы мнѣ одну ноченьку съ нею переночевать.» — Ну, дуракъ, она пожалуй еще уйдетъ! «Пожалуста, братцы!» Разбойники согласились на его просьбу, и оставили ихъ въ осо-

бой клѣти. Вотъ Аленушка и говоритъ мужу: «пусти меня на дворъ — я простужусь ¹⁾» — А ну какъ наши-то услышатъ? «Я потихонечку; пусти хочъ въ окошко.» — Я бы пустилъ, а ну какъ ты уйдешь? «Да ты привяжи меня; у меня есть славной холстъ, отъ матушки достался: обвяжи меня холстомъ и выпусти, а когда потянешь — я опять влѣзу въ окно.» Дурачекъ обвязалъ ее холстомъ. Вотъ она это спустилась, поскорѣй отвязалась, а замѣсто себя привязала за рога козу, и немного погодя говоритъ: «тащи меня!» — а сама убѣжала. Дурачекъ потащилъ, а коза — *мекеке, мекеке!* Что ни потянетъ, коза все — *мекеке да мекеке!* «Что ты мекѣкаешь? говоритъ молодой, наши услышатъ, и сейчасъ же тебя изгубятъ.» Притащилъ, хватъ — а за холстъ привязана коза. Дурачекъ испугался и не знаетъ, что дѣлать: «ахъ, она проклятая! вить обманула.» Поутру входятъ къ нему разбойники. «Гдѣ твоя молодая?» спрашиваютъ его. — Ушла. «Ахъ, ты дуракъ, дуракъ! вить мы-жъ тебѣ говорили, такъ нѣтъ!»

Сѣли верхами и поскакали нагонять Аленушку; ѣдутъ съ собаками, хлопаютъ да свищутъ — такая страсть! Аленушка услышала погоню и влѣзла въ дупло сухаго дуба, и сидитъ тамъ ни жива, ни мертва, а вокругъ этого дуба собаки такъ и вьются. «Нѣтъ ли тамъ ее? говоритъ одинъ разбойникъ другому; ткни-ка, братъ, туда ножемъ.» Тотъ ткнулъ ножемъ въ дупло и попалъ Аленушкѣ въ колѣнку. Только Аленушка была догадлива, схватила платокъ и обтерла ножъ. Посмотрѣлъ разбойникъ на свой ножъ и говоритъ: «нѣтъ ничего не видать!» И опять они поскакали въ разныя стороны, засвистали и захлопали.

Когда все стихло, Аленушка вылѣзла изъ дупла и побѣжала; бѣжала-бѣжала, и слышитъ опять погоню. А по дорогѣ,

¹⁾ Простудиться — прохладиться, подышать свѣжимъ воздухомъ (Опытъ обл. великор. слов., стр. 181).

— видитъ она, ѣдетъ мужикъ съ корытами и лотками. «Дяденька, спрячь меня подъ корыто!» просить она. — Эка, ты какая нарядная! ты вся вымараешься. «Пожалуста, спрячь! за мной разбойники гонются.» Мужикъ раскидалъ корыта, положилъ ее подъ самое нижнее, и опять сложилъ. Только что успѣлъ кончить, какъ наѣхали разбойники. «Что, мужикъ, не видалъ ли такой-то женщины?» — Не видалъ, родимые! «Врешь! сваливай корыта.» Вотъ онъ сталъ сбрасывать корыта и посбросалъ ужъ все, кромѣ послѣдняго. «Нечего, братцы, здѣсь искать; поѣдемте дальше!» сказали разбойники, и поскакали съ гамомъ, свистомъ и хлопаньемъ.

Когда все стихло, Аленушка и просить: «дяденька,пусти меня!» Мужикъ выпустилъ ее, и она опять побѣжала; бѣжала-бѣжала, и слышитъ опять погоню. А по дорогѣ, видитъ она, ѣдетъ мужикъ — везетъ кожи. «Дяденька, молишь она, спрячь меня подъ кожи! за мной разбойники гонятся.» — Эка, вишь ты какая нарядная! подъ кожами ты вся вымараешься. «Ничего, только спрячь!» Мужикъ раскидалъ кожи, положилъ ее подъ самую нижнюю, и опять сложилъ все по прежнему. Только что успѣлъ кончить, какъ наѣхали разбойники. «Что, мужикъ, не видалъ ли такой-то женщины?» — Не видалъ, родимые! «Врешь! сваливай кожи.» — Да зачѣмъ, родимые, стану я разбрасывать свое добро? Разбойники бросились сами сбрасывать кожи и посбросали, почитай, все кожи; только двѣтри оставалось. «Нечего, братцы, здѣсь искать; поѣдемте дальше!» сказали они, и поскакали съ гамомъ, свистомъ и хлопаньемъ.

Когда не стало слышно ни стуку этого, ни грому, она и просить: «дяденька,пусти меня!» Мужикъ выпустилъ ее, и она опять побѣжала; бѣжала-бѣжала, и пришла домой въ полночь, да и легла въ стогъ сѣна, закопалась туда вся и заснула. Разсвѣло. Попъ пошелъ давать коровамъ сѣна, и только

воткнулъ вилами въ стогъ—Аленушка и схватилась руками за вилы. Попъ оробѣлъ, крестится и говоритъ: «съ нами крестная сила! Господи помилуй!» Потомъ ужъ спросилъ: «кто тамъ?» Аленушка узнала отца и вылѣзла изъ сѣна. «Какъ ты сюда попала?» — Такъ и такъ, вы отдали меня разбойникамъ; они хотѣли меня убить, да я убѣжала — и рассказываешь всѣ страсти. Немножко погода, пріѣзжаютъ къ попу разбойники, а онъ Аленушку спряталъ. Попъ спрашиваетъ: «жива ли-здорова дочка моя?» — Слава Богу! она осталась дома хозяйничать, говорятъ разбойники, и сѣли они какъ-бы въ гостяхъ; а попъ тѣмъ временемъ собралъ солдатъ, потомъ вывелъ дочь и говоритъ: «а это кто?» Тутъ разбойниковъ похватали, связали, да въ тюрьму.

(Записана въ воронежской губерніи, въ бобровскомъ уѣздѣ.)

9.

СКАЗКА О ЗЛОЙ ЖЕНѢ ¹⁾.

Зла жона худо съ мужемъ жила, ничево мужа не слушала. Велить мужъ ране встать, такъ ёна трои сутки спить; велить мужъ спать, а ёна николько не спить. Велить мужъ блины печи, а ёна гыть ²⁾: «не стоишь, воръ, блиновъ!» Мужъ гыть: «не пеки, жона, блиновъ, коли не стою»; а ёна выпечетъ кринку въ два вѣдра, и гыть: «ѣшь, воръ, чтобъ съѣдено было!» — Ну, гыть, жона, не стряпай и на сѣнокосъ не ходи; мнѣ тебя жаль! А ёна гыть: «нѣтъ, воръ, я пойду, и ты ступай за мною!» Только онъ побился съ ней, помаялся, по-

¹⁾ См. вып. III, № 26, а; вып. V, № 14; вып. VI, № 16.

²⁾ Говорить.

шолъ съ горя въ лѣсъ по ягоды и нашолъ кустъ смородины, и увидѣлъ въ эвтомъ кусту бездонную яму; поглазѣлъ онъ и смекнулъ: что я живу со злой женой, маюся? не могу ли я ее въ эвту яму засадить, не могу ли я ее проучить? Пришолъ въ избу и гыть: «не ходи, жона, въ лѣсъ за ягодамъ!» — Нѣтъ, шишморникъ ¹⁾, пойду! «Я нашолъ кустъ смородины, не бери!» — Нѣтъ, сама пойду, оберу, тебѣ не дамъ смородины! Мужъ пошолъ, жона съ нимъ; пришолъ къ кусту — къ смородинѣ, а жона вскочила въ кустъ и матомъ кричитъ: «не ходи, воръ, въ кустъ, убью!» и сама полѣзла въ средину, да въ яму-то и хлопъ бездонную.

Мужъ съ радостей въ избу пошолъ и прожилъ трои сутки, на четвертые пошолъ провѣдывать; взялъ бичеву длинную, пустилъ въ ямищу и вытащилъ оттуда чертенка; испугавшись, и хочеть чертенка въ яму опустить. Закричалъ тотъ матомъ, замолился и гыть: «христіанинъ! ²⁾ не обрати назадъ, пусти на свѣтъ; пришла злая жона, всѣхъ насъ пріѣла, прикусала, прищипала — тошно намъ! я тебѣ добро сдѣлаю!» Христіанинъ и отпустилъ его на божью волю — на святую Русь. Чертенокъ и гыть: «ну, христіанинъ! пойдѣмъ со мною во градъ Вологду; я стану людей морить, а ты — лѣчить.» Ну вотъ пошолъ чертенокъ по купеческимъ жонамъ и по купеческимъ дочерямъ; сталъ онъ въ нихъ входить, стали онѣ дурѣть, стали онѣ болѣть. Вотъ этотъ христіанинъ — гдѣ заболѣють — придетъ въ домъ, а непріатель-то вонъ, въ дому благодать будетъ, и смѣкають всѣ, что этотъ христіанинъ — лѣкаръ, деньги даютъ, да и пирогами кормятъ. И набралъ христіанинъ денегъ несмѣтную сумму себѣ. Вотъ чертенокъ и гыть: «полно, христіанинъ, съ тебя; доволенъ ли ты? Тепере я пойду въ боярскую дочь; мотри ³⁾, не ходи ее лѣчить; не то съѣмъ тебя!» Боярышня заболѣла и такъ задурѣла, што требуетъ лю-

¹⁾ Бранное слово; шишимора. — ²⁾ Крестьянинъ. — ³⁾ Смотри.

дей ѣсти. Приказалъ бояринъ христіанина найти — такова-
то лѣкаря отыскать. Онъ приходитъ въ хоромы и велитъ бо-
ярину, чтобъ всѣ горожане и кареты съ кучерами стояли въ
этой улицѣ противу дому боярскаго; потомъ даетъ приказъ,
чтобъ всѣ кучера щолкали въ арапельники ¹⁾ и матомъ кри-
чали: «злая жона пришла, злая жона пришла!» — и самъ по-
шолъ въ комнаты. Пришолъ онъ въ комнаты; чертенокъ
возлился на него и гыть: «што ты, русской, зачѣмъ пришолъ?
я тебя съѣмъ!» Онъ гыть: «што ты! я пришолъ тебя не выжи-
вать, а пришолъ тебя жала ²⁾ сказать: зла-то жона сюда при-
шла!» Чортъ на окошко вскочилъ, вытарашилъ зѣнки ³⁾ да и
чуётъ: ⁴⁾ всѣ однимъ матомъ орютъ: ⁵⁾ «злая жона!» — Хри-
стіанинъ! взговорилъ чортъ, мнѣ-то куды дѣваться? «Ступай
опять въ ямищу; она туды больше не поидеть.» Чортъ туды
и ушолъ къ злой женѣ. За это бояринъ пожаловалъ милость,
дочку (за крестьянина) замужъ отдалъ, полѣимѣнья подарилъ,
а злая жона и тепере въ ямѣ сидитъ въ тартарары ⁶⁾.

(Записана въ череповскомъ уѣздѣ новгородской губерніи Н. Чернышевымъ.)

10.

СКАЗКА О ПРАВДѢ И КРИВДѢ ⁷⁾.

Вотъ было какое дѣло, скажу твоему здаровью! Вотъ,
знашь, не ва гнѣвъ твоей милости къ рѣчи сказать, какъ мы

¹⁾ Арапники. — ²⁾ Жалѣя. — ³⁾ Зѣнки — глаза (Опытъ обл. велик. слов., стр. 72). — ⁴⁾ Слышитъ. — ⁵⁾ О(а)рать — кричать. — ⁶⁾ Это слово часто встрѣчается въ заговорахъ: «такъ бы черная немочь бѣжала въ тарь-тарары, во тьму кромечную». (Сахар. Сказ. рус. нар. т. I, стр. 31.) —

⁷⁾ См. вып. V, № 13; вып. VI, № 15.

таперича съ табой, раскалякались ¹⁾ прамежъ себя двоя нашей братьи мужичковъ, бяднѣющіе, пребяднѣющіе. Адинъ-атъ жилъ каѣ-какъ, калатился всеми неправдами; гараздъ былъ на абманы, и приворнуть сево было дѣло, а другой-ятъ шолъ па правдѣ, кабы, знашъ, трудами вѣкъ пражить. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та ани и заспорили. Адинъ-атъ гаваритъ: лутча ²⁾ жить кривдай, а другой-ятъ гаваритъ: кривдай вѣкъ пражить не сможишъ; лутча жить, какъ на-есть, ды правдай. Вотъ спорили ани, спорили; нихто, слышъ, не переспорилъ. Вотъ и пашли ани, братецъ мой, на дарогу; пашли на дарогу и рѣшили спросить да трехъ разъ, хто имъ на встрѣчу пападетъ и што на эвто скажить. Вотъ ани шли, шли, братецъ мой, и увидали: барскай мужичокъ пашить. Вотъ, знашъ, и падашли къ нямѣ, падашли и гаварятъ: «Богъ нѣ помочъ тебѣ, знакома! Разрѣши ты нашъ споръ: какъ лутча жить на бѣламъ свѣти — правдай али кривдай?» — Нѣтъ, братцы! правдай вѣкъ пражить не сможишъ; кривдай жить вальготный ³⁾. Вотъ и наше дѣло: безперечъ у насъ гаспада дни атнимають, работѣть на себя некогда; изъ-за неволи прикинишся, бытто што папритчилась ⁴⁾ — хворь ⁵⁾, знашъ, нашла, а самъ межъ эвтимъ времяамъ-та въ лѣсишка съѣздишъ па дравицы, не днемъ, тыкъ ночью — коли есть запретъ. «Ну, слышъ, мая правда!» гаваритъ кривадушнай-ятъ правдивамѣ-та.

Вотъ пашли апять па дароги, знашъ, што скажить имъ другой. Шли, шли, и видють: ѣдитъ на парѣ въ павоски съ кибиткай купецъ. Вотъ падашли ани къ нямѣ, падашли и спрашиваютъ: «астанавись-ка, слышъ, на часикъ, не ва гнѣвъ тваѣй миласти, а чомъ мы тебя спросимъ. Рѣши, слышъ, нашъ споръ: какъ лутча жить на свѣти — правдай али кривдай?»

¹⁾ Калякать — разговаривать. — ²⁾ Или: луча — лучше. — ³⁾ Выгоднѣй, легче (Опытъ обл. велик. слов., стр. 20). — ⁴⁾ Попритчиться — заболѣть съ глазу, съ уроковъ (ibidem, стр. 171). — ⁵⁾ Болѣзнь.

—Нѣтъ, рабята! Правдай мудряно жить, лутча кривдай. Насъ абманывають, и мы абманываемъ. «Ну, слышъ, мая правда!» гаварить апять кривадушнай-ять правдиваму-та.

Вотъ пашли ани апять па дароги, што скажить третяй. Шли, шли, вотъ и видють: ѣдитъ прикащикъ на встрѣчу. Вотъ ани падашли къ нему, падашли къ нему и спрашиваютъ: «астана-вись-ка на часочикъ; рѣши ты нашъ споръ, какъ лутча жить на свѣти — правдай, али кривдай?» — Вотъ, слышъ, нашли а чомъ спрашивать! знама дѣла, што кривдай. Какая ноньча правда? За правду въ Сибирь угадишъ, скажутъ—кляузникъ... «Ну, слышъ! гаварить кривадушнай-ять правдиваму-та, вотъ всѣ гаварять, што кривдай лутча жить.» — Нѣтъ, слышъ! нада жить па божью, какъ, знашъ, Богъ велить: што будить, то и будить, а кривдай жить не хачу! гаварить правдивай-ять кривадушнаму-та.

Вотъ пашли апять дорогай вмѣсти. Шли, шли; кривадушнай-ять всяка, знашъ, сѣумѣить ка всѣмъ прилаживаться; вездѣ его кормють, и калачи у него есть; а правдивай-ять гдѣ вадіцы изапѣеть, гдѣ парабатѣить, ево за эвто пакормють. А тотъ, знашъ, кривадушнай-ять все смѣется надъ нимъ. Вотъ разъ правдивай-ять напросилъ кусочикъ хлѣпца у кривадушнава-та: «дай мнѣ кусочикъ хлѣпца.» — А што за него мнѣ дашъ? гаварить кривадушный-ять. «Што хошъ возьми, што у меня есть, гаварить правдивай-ять.» — Дай, слышъ, глазъ я тебѣ выкалю? «Ну, выкали!» знашъ, онъ ему гаварить. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та кривадушнай-ять и выкалалъ правдиваму-та глазъ, выкалалъ и далъ ему маленько хлѣпца. Тотъ, слышъ, стерпѣлъ, взялъ кусочикъ хлѣпца, сѣѣлъ, и пашли апять па дароги. Шли, шли; апять правдивай-ять у кривадушнава-та сталъ прасить хлѣпца кусочикъ. Вотъ тотъ апять рѣзна сталъ надъ нимъ насмѣхаться: «дай

другой глазъ я тебѣ выкалю, ну тада ¹⁾ дамъ кусочикъ.» — Ахъ, братецъ, пажалѣй, я слѣпой буду! — знашь, правдивай-ять упрасивалъ ево. «Нѣтъ, слышь, за то ты правдивай, а я живу кривдай!» кривадушнай-ять ему гаварилъ. Што дѣлать? ну такъ таму дѣлу и быть. «На, выкали и другой, кали грѣха не боишся!» правдивай-ять, знашь, гаварить кривадушнаму-та. Вотъ, братецъ мой, выкалалъ ему и другой-ять глазъ, выкалалъ и далъ ему маленько хлѣпца; далъ хлѣпца и аставилъ ево на дороги: «вотъ стану я тебя вадить!»

Ну што дѣлать? слѣпой съѣлъ кусочикъ хлѣпца, и пашолъ патихоньку ощупью съ палачкай. Шолъ, шолъ каѣ-какъ, и сбился съ дароги и не знать, куды ему итти. Вотъ и началъ онъ прасить Бога: «Госпади! не аставь меня грѣшнава раба твоево!» Малился, малился; вотъ и услыхалъ онъ гласъ, хто-та, слышь, ему гаварить: «иди ты направо! какъ пайдешъ направо, придешъ къ лѣсу; придешъ къ лѣсу, найди ты ощупью трапинку; найдешъ трапинку, пади ты па той трапинки; пайдешъ па трапинки, придешъ на гремачай ключъ; какъ придешъ ты къ гремачему ключу — умойся, слышь, изъ нево вадю, испей той вады и намочи ею глаза: ты, слышь, празрѣишь! Какъ празрѣишь, пади ты вверху па ключу таму и увидишь большой дупъ ²⁾; увидишь дупъ, падай-ди къ няму и залѣсь ³⁾ на нево; какъ залѣзишь на нево, да ждись ночи; даждешся ты ночи, слушай, што будутъ гаварить пать ⁴⁾ эвтимъ дубомъ нечистые духи: ани, слышь, тутъ слятаются на таковище.» Вотъ онъ каѣ-какъ дабрѣлъ да лѣса; дабрѣлъ да лѣса, палозилъ-палозилъ па немъ, напалъ каѣ-какъ на трапинку; пашолъ па той трапинки, дашолъ да гремачава ключа; дашолъ да ключа, умылся вадю; умылся вадю, испилъ и примачилъ глаза; примачилъ глаза, и вдругъ

¹⁾ Тогда. — ²⁾ Дубъ. — ³⁾ Влѣзь. — ⁴⁾ Подъ.

увидѣлъ апятъ свѣтъ божей — знашъ, празрѣлъ! Вотъ какъ празрѣлъ, и пашолъ вверхъ на таму ключу; шолъ, шолъ на немъ, вотъ и видитъ большой дупъ — падъ нимъ все утоптана. Вотъ онъ влѣс(з)ъ на тотъ дупъ, влѣсъ и даждался ночи. Начали патъ тотъ дупъ слятаться са всѣхъ старонъ бѣсы; слятались, слятались, вотъ и начали рассказывать, гдѣ, знашъ, хто былъ. Вотъ адинъ бѣсъ и гаварить: «я былъ у такой-та царевны; десять гадѡвъ ее мучаю. Всяка меня выганяють изъ неѣ: ниhto, слышъ, меня не сможетъ выгнать, а выганить тотъ, хто вотъ у такова-та багатава купца дастанить образъ Смаленскай Божей Матери, што у нево на варотахъ въ куотѣ ¹⁾ удѣланъ.» Вотъ на утро, какъ всѣ бѣсы разлятѣлись, правдивай-ять слѣсъ съ дуба, слѣсъ съ дуба и пашолъ искать таво купца. Искаль, искаль, каѣ-какъ нашолъ ево; нашолъ и просится рабатать на нево: «хать готъ ²⁾ прарабатая, ништо мнѣ не нада, только дай мнѣ образъ Божей Матери съ варотъ.» Купецъ сагласился, принялъ ево къ себѣ въ работники. Вотъ рабаталь онъ у нево, што ни есть мочи, круглый готъ. Прарабатавши готъ, онъ и просить тотъ образъ. Вотъ купецъ, слышъ: «ну, братецъ! доволенъ я тваѣй работай, только жаль мнѣ образа; вазьми лутча деньги.» — Нѣтъ, не нада денихъ, а дай мнѣ ево па угавору. «Нѣтъ, не дамъ образъ! Прарабатай и(е)що готъ, ну — такъ и быть — тада отдамъ тебѣ ево.» Вотъ эвтимъ дѣламъ-та правдивай-ять мужичокъ рабаталь ище готъ; ни дня, ни ночи не зналъ, все рабаталь, такой старательнай былъ! Вотъ прарабаталь готъ, апятъ, знашъ, сталъ прасить образъ Божей Матери съ варотъ. Купцу апятъ жаль и ево атпустить, и образъ атдать: «нѣтъ, лутча я тебя казною награжу; а коли хочишъ, то парабатай ищо готъ — ну, такъ отдамъ тебѣ образъ.» Вотъ такъ таму дѣлу

¹⁾ Кіотъ. — ²⁾ Годъ.

и быть, апятъ сталъ рабатать готъ. Рабаталь ищо пуще таво: всѣмъ на диво — какой былъ рабатыщай! Вотъ прарабаталь и третій готъ; прарабаталь, и апятъ просить образъ. Купецъ — дѣлать нечаво — снялъ образъ съ варотъ и отдалъ ему: «на, слышъ, вазьми образъ и ступай съ Богомъ!» Напаилъ, накармилъ ево, и деньгами наградилъ малую талику.

Вотъ эвтимъ дѣламъ-та взялъ онъ образъ Смаленскай Божей Матери, взялъ ево и павѣсилъ на себя; павѣсилъ на себя и пашолъ, слышъ, къ таму царю царевну лѣчить, у которой бѣсъ-ать мучитель сидитъ. Шолъ, шолъ, и пришолъ къ таму царю. Пришолъ къ царю и гаваритъ: «я де вашу царевну излѣчить смагу.» Вотъ, знашъ, эвтимъ дѣламъ-та впустили ево въ харомы царскіе, впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну; вотъ онъ спросилъ вады. Падали вады. Вотъ онъ перекрестился и три земныхъ паклона палажилъ — знашъ, памалился Богу; памалился Богу, и снялъ съ себя образъ Божей Матери, снялъ ево и съ малитваю три раза въ воду апустилъ; апустилъ, знашъ, и надѣлъ ево на царевну; надѣлъ на царевну, и велѣлъ ей тою вадою умываться. Вотъ какъ ана матушка надѣла на себя тотъ образъ и умылась тою вадою, вдругъ изъ-за неё недугъ-ать, знашъ — вражья-та нечистая сила, клубомъ вылятѣлъ вонъ; вылятѣлъ вонъ, и ана стала здорова па прежнему. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та не вѣсть какъ всѣ абрадывались, абрадывались и не знали чѣмъ наградить эвтова мужичка: и землю давали, и вотчину сулили, и жалаванье большое клали.—Нѣтъ, слышъ, ничаво не нада! Вотъ царевна-та и гаваритъ царю: «я замуш(ж)ъ за нево иду.» — Ладна! царь атъ сказалъ. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и павѣнчались; павѣнчались, и сталъ нашъ мужичокъ хадить, знашъ, въ адѣ-

жѣ царской, жить въ царскихъ харомахъ, пить-ѣсть все на все за одно съ ними. Жилъ, жилъ, и приватарѣлъ ¹⁾ къ нимъ.

Вотъ какъ приватарѣлъ онъ къ нимъ — и гаварить: «пустите меня на родину; у меня есть мать старушка бѣдная.» — Ладна! царевна, знашъ — жена-та ево, сказала: паѣдимъ вмѣсти. Вотъ и паѣхали ани вмѣсти, вдваѣмъ съ царевнай. Лошадита, адѣжа, каляска, збруя — все царская. Ёхали, ёхали, и падъѣзжаютъ ани къ ево родинѣ; падъѣзжаютъ къ родинѣ, вотъ и пападается на встрѣчу имъ тотъ кривадушнай, што, знашъ, спорилъ-та съ нимъ, што лутча жить кривдай, чѣмъ правдай. Идетъ на встрѣчу; вотъ правдивай-ять, царской сынъ, и гаварить: «здравствуй, братецъ мой!» — называетъ ево па имени. Тому, знашъ, въ диковину, што въ каляски — такой знатнай баринъ ево знать, и не узналъ ево. «Помнишъ, ты спорилъ са мною, што лутча жить кривдай, чѣмъ правдай, и выкалалъ мнѣ глаза? Эвто я самой!» Вотъ, знашъ, онъ арабѣлъ и не зналъ, што дѣлать. «Нѣтъ, не бойся! я на тебя не сержусь, а жи(е)лаю и тебѣ такова-жъ счастья. Вотъ пади ты въ такой-та лѣсъ — знашъ, научатъ ево, какъ ево Богъ научилъ; въ томъ лѣси увидишъ ты трапинку, пади па той трапинки — придешъ ты къ гремячему ключу, напейся изъ таво ключа вады и умойся; какъ умоишся, пади ты вверху па ключу — увидишъ тамъ ты большой дупъ, влѣсь на нево и прасиди всю ночь на немъ. Падъ нимъ, слышъ, таковище нечистыхъ духовъ, и ты слушай, и услышишъ сваё счастье!

Вотъ, знашъ, кривадушнай-ять па ево слову, какъ па писанаму, все эвто здѣлалъ: нашолъ лѣсъ и ту трапинку; па-шолъ па трапинки, и пришолъ къ гремячему ключу, напился и умылся; умылся и пашолъ, знашъ, вверху па немъ; пашолъ вверху, и увидѣлъ большой дупъ — падъ нимъ все утоптана.

¹⁾ Т. е. приноровился къ ихъ пріемамъ и обычаямъ.

Вотъ онъ залѣсъ на эвтотъ дупъ, залѣсъ на дупъ и даждался ночи; даждался ночи и слышитъ, знашъ, какъ са всѣхъ старонъ слятались на таковище нечистые духи. Вотъ какъ слятѣлись, и услыхали по духу ево на дубу; услыхали по духу и растерзали ево на мелкія части. Такъ тѣмъ эвто дѣло и пакончилось, што правдивай-ятъ сталъ царскимъ сыномъ, а кривадушнава-та загрызли черти.

(Записана въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи.)

11.

ВАСИЛІЙ БУСЛАВИЧЪ.

Жилъ-былъ Буславъ девяносто годовъ, живучи Буславъ переставился ¹⁾. Остается его любима молода жена Ван(м)ильфа Тимоѣевна, остается у неѣ младъ сынъ Василій Буславичъ. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичъ съ малыми ребятками поигрывать: у кого руку ѓторветъ, у кого голову рѓсколетъ. Отдала Ван(м)ильфа Тимоѣевна своего сына любимаго старику (старишшу) Угру(ю)мищу учить — во лѣсты писать; а выучился Василій Буславичъ не во лѣсты писать, а выучился соколомъ летать. Вотъ однажды у старика (старишши) Угру(ю)мища сдѣлались пиръ и бесѣда; онъ не позвалъ на него своего любимца Василья Буславича. Пришелъ самъ Василій Буславичъ на пиръ-на бесѣду, изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повыдергалъ, проводилъ на новы сѣни чернымъ вязомъ. Старшá Угру(ю)мища осерчалъ на него, на своего любимца, и сказалъ ему: «ты не сѣкчй, молодой сѣктунъ! тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду(а) людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь

¹⁾ Т. е. представился, умеръ.

изъ граду(а) людей—вотъ тебѣ пятьсотъ рублей!» Пришелъ нашъ Василій Буславичъ домой къ своей матери и говоритъ: «ахъ, матушка родимая! я въ молодыхъ лѣтахъ разхвастался, съ старшомъ Угру(ю)мищей рассорился.» Мать взяла его- пьянаго напоила и въ тѣмную тѣмницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а онъ въ тѣмницѣ спитъ да спитъ, ничего не знатъ. Жѣнщина по воду ходила, и ему въ окошко закричала: «что, говоритъ, Василій Буславичъ! спишь, ничего не знашь; я, говоритъ, по воду ходила, сколько людей коромысломъ прибила!» Василій Буславичъ, услыхавъ эти (таки) слова, вышибъ каменную стѣну у тѣмницы и пошелъ народъ-силу бить. Старшá Угру(ю)мища и возмóлился ему: «гой ли (еси) ты, Василій Буславичъ! уходи, говоритъ, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія: я тебѣ пятьсотъ сулилъ, а теперь отдамъ всю тысячу!» Вотъ Василій Буславичъ смиловался, и пошелъ къ своей матери: «ахъ, говоритъ, матушка родимая! я сегодня много крови пролилъ, много народу побилъ!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабь(корабль), набрала людей, и отправила по морю; сказала ему, чтобъ ѣхалъ онъ, куда(ы) хочетъ, и рукой въ слѣдъ (ему) махнула. Василій Буславичъ приплылъ на зеленые луга. Тутъ лежитъ морская пучина — вокругомъ глаза. Онъ вокругъ неѣ похаживаетъ, сапожкомъ ее попинываетъ; а она ему и говоритъ: «Василій Буславичъ! не пинай меня, и самъ тутъ будешь.» Вотъ послѣ этого рабочіе его разшутились межъ собой и стали (давай) скакать черезъ морскую пучину. Всѣ перескочили, а онъ скокнулъ напоследкѣ и задѣлъ ее (за нее) только пальцемъ правой ноги, да тутъ и померъ.

(Записана въ пермской губерніи тайн. совѣтникъ. Огаревымъ и штатнымъ смотрителемъ ирбитскаго училища Тихановымъ.)

**а. ИСТОРИЯ О СЛАВНОМЪ И ХРАБРОМЪ
БОГАТЫРЬ ИЛЬѢ-МУРОМЦѢ И О СОЛОВЬѢ-
РАЗБОЙНИКѢ.**

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ — жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ. У него было любимое дѣтище Илья-Муромецъ; сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко и ощутилъ въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ збрую ратную и копье булатное, и осѣдлалъ коня добраго, богатырскаго. Приходить къ отцу и матери и сталъ у нихъ просить благословенія: «государи мои, батюшка и матушка! отпустите меня въ славной градъ Кіевъ Богу помолиться, а князю кіевскому поклониться.» Отецъ и мать его даютъ ему благословеніе, кладутъ на него заклятіе великое и говорятъ такія рѣчи: «поѣзжай ты прямо на Кіевъ-градъ, прямо на Черниговъ-градъ, и на пути своемъ не дѣлай никакой обиды, не проливай напрасно крови христіанской.» Илья-Муромецъ принялъ у отца и матери благословеніе, Богу молится, съ отцемъ и съ матерью прощается, и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ во темны лѣса, что наѣхалъ на таборы разбойничи; и тѣ разбойники увидѣли Илью-Муромца и разгорѣлись у нихъ сердца разбойническія на коня богатырскаго, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни въ которыхъ мѣстахъ не видавали, а нынѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамо-какой человекъ. И стали на Илью-Муромца напущать человекъ по десяти ¹⁾ и по двадцати; и сталъ Илья-Муромецъ останавливать ²⁾ коня своего богатырскаго, и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу и накладываетъ на тугой лукъ. Пустилъ онъ

¹⁾ *Вариантъ*: по пяти. — ²⁾ *Вар.* останавливать.

калену стрѣлу по-надъ землею, калена стрѣла стала рвать на косую сажень. И видя то, разбойники испужались и собирались во единъ кругъ, пали на колѣни и стали говорить: «сударь ты нашъ батюшка, удалъ доброй мѡлодецъ! виноваты мы передъ тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цвѣтнаго, и табуны лошадей, сколько угодно.» Илья, усмѣхнувшись, сказалъ: «некуда мнѣ дѣвать!... а если хотите живы быть, такъ впередъ не отважьтесь!» и поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

Подъѣзжаетъ онъ ко граду Чернигову, и подъ тѣмъ градомъ Черниговомъ стоятъ войска басурманскія, что и смѣты нѣтъ, и Черниговъ-градъ осадили, и хотятъ его вырубить и божіи церкви на дымъ пустить, а самого князя и воеводу черниговскаго живыхъ въ полонъ взять. И той великой силѣ Илья-Муромецъ ужаснулся; однако положился на волю Создателя своего Господа Бога и вздумалъ положить главу свою за вѣру христіанскую. И сталъ Илья-Муромецъ побивать силу басурманскую копіемъ булатнымъ, и всю силу поганую побилъ, и царевича басурманскаго въ полонъ взялъ и ведетъ во градъ Черниговъ. Встрѣчаютъ его изъ града Чернигова граждане съ честію, идетъ самъ князь и воевода черниговской, принимаютъ добраго мѡлодца съ честію, благодареніе Господу Богу возсылаютъ, что Господь прислалъ нечаянно граду очищеніе и не далъ всѣмъ напрасно погибнуть отъ такой силы басурманскія; взяли его въ палаты свои и сотвориша велій пиръ, и отпустиша его въ путь.

Илья Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорогою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей-разбойникъ ровно тридцать лѣтъ, не пропускалъ ни коннаго, ни пѣшаго, а убивалъ не оружіемъ, но своимъ свистомъ разбойничимъ. Выѣхалъ Илья-Муромецъ въ чисто поле и увидѣлъ попрыски богатырскіе и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брян-

скіе, натѣ грязи топучія, на тѣ мосты калиновы и къ той рѣкѣ Смородинкѣ ¹⁾. Соловей-разбойникъ слышалъ себѣ кончину и безсчастіе великое, и не допуская Илью-Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ крѣпко; но богатырское сердце не устрашилось. И не допуская еще за десять верстъ, засвисталъ онъ громче того, и съ того свисту подъ Ильею-Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ Илья-Муромецъ подъ самое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ; и Соловей-разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ свѣторусскаго богатыря и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ Илью-Муромца убить до смерти.

Илья - Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, накладываетъ калену стрѣлу и пускаетъ на то гнѣздо Соловьиное, и попалъ ему въ правой глазъ и вышибъ вонъ; Соловей - разбойникъ свалился съ гнѣзда, что овсяной снопъ. Илья-Муромецъ беретъ Соловья - разбойника; привязалъ его крѣпко къ стремени булатному и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. На пути стоятъ палаты

¹⁾ Вар. Смородинѣ.

Соловья-разбойника, и какъ поровнялся Илья-Муромецъ противъ палатъ разбойническихъ, у которыхъ окны были растворены, и въ тѣ окны смотрѣли разбойничьи три дочери, — увидѣла его меньшая дочь и закричала своимъ сестрамъ: «вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ къ намъ мужика, привязаннаго у стремени булатнаго.» А большая дочь посмотрѣла и горько заплакала: «это не батюшка нашъ ѣдетъ; это ѣдетъ незнамо-какой человѣкъ и везетъ нашего батюшку.» И закричали онѣ мужьямъ своимъ: «мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику на встрѣчу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите нашъ родъ въ такомъ позорѣ.» Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали противъ свѣторускаго богатыря; кони у нихъ добрые, копья острые, и хотятъ они Илью на копьяхъ поднять. И увидѣлъ Соловей-разбойникъ, и сталъ говорить: «зятя мои милые! не позорьтесь вы и не дразните такого сильного богатыря, чтобы всѣмъ вамъ не принять отъ него смерти; лучше съ покорностію попросите его въ домъ мой выпить чару зелена вина.» По просьбѣ зятей поворотилъ Илья въ домъ, не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, чтобъ его пришибить. Но Илья усмотрѣлъ ее на воротахъ, ударилъ копіемъ и ушибъ до смерти.

И какъ пріѣхалъ Илья-Муромецъ въ Кіевъ-градъ, въѣзжаетъ прямо на княженицкой дворъ и входитъ въ палаты бѣлокаменные, Богу молится и князю кланяется. Князь кіевской спрашиваетъ: «скажи, доброй мѡлодецъ, какъ тебя зовутъ и изъ котораго города ты уроженецъ?» Отвѣтъ держитъ Илья-Муромецъ: «меня, государь, зовутъ Ильюшкою, а по отечеству Ивановъ, уроженецъ города Муромъ, села Карачарова.» Князь спрашиваетъ: «какою дорогою ѣхалъ ты изъ Муромъ?» — На Черниговъ-градъ, и подъ Черниговомъ побилъ войска басурманскія, что и смѣты нѣтъ, и очистилъ

Черниговъ-градъ; и оттуда поѣхалъ прямою дорогою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья-разбойника и привелъ его съ собою у стремени булатнаго. Князь, осердясь, сказалъ: «что ты обманываешь!» Какъ услышали это богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, они бросились смотрѣть, и увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь поднести чару ¹⁾ зелена вина доброму мѡлодцу. Захотѣлось князю разбойническаго свисту послушать. Илья князя со княгинею обернулъ въ шубу соболью, и поставя ²⁾ ихъ подъ мышки, призвалъ Соловья и приказалъ въ полсвиста засвистать соловьемъ. А Соловей-разбойникъ засвисталъ во весь разбойнической свистъ и оглушилъ богатырей такъ, что они упали на полъ; и за то убилъ его Илья-Муромецъ.

Илья-Муромецъ назвался съ Добрынею Никитичемъ братьями. И осѣдлали они своихъ добрыхъ коней и поѣхали въ чистыя поля гулять, и ѣздили ровно три мѣсяца, не нашли себѣ супротивника. Только наѣхали въ чистомъ полѣ: идетъ калечище ³⁾ прохожій; гуня ⁴⁾ на немъ въ пятьдесятъ пудъ, шляпа въ девять пудъ, костыль въ десять сажонъ. Илья-Муромецъ сталъ на него коня напускать, и хочетъ отвѣдать съ нимъ своей силы богатырскія. И увѣдалъ калечище прохожій Илью-Муромца и говоритъ: «ой ты еси, Илья-Муромецъ! помнишь ли мы съ тобою въ одной школѣ грамотѣ учились, а нынѣ ты на меня такова калику напускаешь коня, какъ на нѣкоего непріятеля; а того ты не вѣдаешь, что во славномъ городѣ Кіевѣ великая невзгодушка учинилась: пріѣхалъ невѣрной сильной богатырь Идолища нечестивой, голова у него съ пивной котелъ, а въ плечахъ сажень, промежъ бровьми пядь, промежъ ушей калена стрѣла, а ѣстъ онъ по

¹⁾ Вар. кубокъ. — ²⁾ Вар. подхвата. — ³⁾ Калика—нищій, просящій милостыню пѣніемъ псалмовъ и духовныхъ пѣсней (Опыт. обл. вел. слов., стр. 78). — ⁴⁾ Гуня—худая одежда, рубище; поддѣвка, иногда рубашка (ibid., стр. 44).

быку, а пьетъ онъ по котлу; и князь кievской вельми о тебѣ соболѣзнуетъ, что ты его въ эдакой печали оставилъ.» Нарядясь въ калечищино платье, ѣдетъ Илья-Муромецъ прямо на княженецкой дворъ, и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «ой еси ты, князь кievской! сошли мнѣ, калечищу прохожему, милостыню.» И увидѣлъ его князь и говоритъ такову рѣчь: «поди ко мнѣ въ палаты, калечища! я тебя накормлю - напою и золотой казны на дорогу дамъ.» И вошелъ калечище въ палаты и сталъ у печи — поглядываетъ. Идолища просить ѣсть. Принесли ему быка цѣлаго жаренаго ¹⁾, а онъ его и съ костями съѣлъ. Идолища просить пить. Принесли котѣль пива, а несли двадцать ²⁾ человѣкъ; и онъ взялъ его за уши и выпилъ весь. Илья-Муромецъ говоритъ: «была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и издохла!» Идолища не утерпѣлъ и говоритъ: «ой еси ты, калечища прохожій! что ты меня замаешь ³⁾? Мнѣ тебя нечего и въ руки взять! Ни то, что ты, — каковъ былъ у васъ Илья-Муромецъ? я бы и съ тѣмъ стычку далъ.» — Да вотъ каковъ онъ! сказалъ Илья-Муромецъ, и схватилъ съ себя шляпу и ударилъ его въ голову тихонько — только прошибъ стѣну палатъ, и взялъ туловище (Идолищино) — туда-жъ выкинулъ. И за то князь Илья-Муромца почтилъ великими похвалами и причолъ въ сильные могучіе богатыри.

(Напечатана съ лубочнаго изданія.)

В. ГИСТОРИЯ О ИЛЬѢ-МУРОМЦѢ И О СОЛОВЬѢ-РАЗБОЙНИКѢ.

Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ Илья-Муромецъ заутреню воскресную, походъ держалъ ко граду Кіеву, ко слав-

¹⁾ Вар. жирнаго. — ²⁾ Вар. двѣнадцать, или: двадцать семь. —

³⁾ Замать — трогать (Опытъ обл. велик. слов., стр. 64).

ному князю Владимиру (В)сеславьевичу, а завѣтъ положилъ, чтобъ отнюдь во всю широкую дорогу острой сабли изъ нож(ен)ъ не вынимать, а на крѣпкой лукъ тетивы не накладывать.

И тако поѣхалъ Илья-Муромецъ тою дорѣгою. Какъ будетъ онъ подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ ними триста тысячъ и хотятъ они Себежъ-градъ за щитомъ взять, а самого царя себежскаго въ полонъ взять.

И тако поѣхалъ Илья-Муромецъ въ сугонь ¹⁾ за тремя царевичами и нагналъ ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичей въ полонъ взялъ, и возвратился во градъ Себежъ. И увидѣли его граждана и возвѣстили о немъ царю себежскому.

И потомъ себежской царь приказалъ отворять врата градскія, и принимаетъ Илью-Муромца за руки бѣлыя, а самъ говоритъ: «гой еси ты, доброй мѣлодецъ, какъ твое имя и коего ты граду?» Отвѣщаетъ Илья-Муромецъ: «зовутъ меня Ильею, по отчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома.» Потомъ рече себежской царь: «откуда твоя дорога лучилась?» Отвѣщаетъ Илья-Муромецъ: «ѣду я на мосты калиновы.» А Илья-Муромецъ спрашиваетъ у него дороги ко граду Кіеву. И рече ему себежской царь: «прямая у насъ дорога лежитъ на мосты калиновы, только та у насъ дорога залегла давно: тридцать лѣтъ отъ Соловья никакой человѣкъ не прохаживалъ и птица никакая не пролѣтала.»

И тутъ поѣхалъ Илья-Муромецъ тою дорѣгою. Какъ будетъ онъ на мосту калиновомъ, и тамъ увидѣлъ его Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ. Въ то время подъ Ильею-Муромцемъ доброй его конь спотыкнулся. И вынулъ Илья-Муромецъ свой крѣпкой лукъ и наложилъ калену стрѣлу, и по-

¹⁾ Погоня (Опытъ обл. вел. слов., стр. 219).

палъ Соловья въ правой глазъ; въ то время упалъ Соловей съ девяти дубовъ, что овсяной снопъ. А Илья-Муромецъ слѣзъ съ своего добраго коня и хочетъ ретиво сердце вынуть. И возмолится ему Соловей: «гой еси ты, доброй молодецъ! оставь душу мою хотя на покаяніе.» И говоритъ ему Илья-Муромецъ: «гдѣ твоя лежитъ злата казна?» Отвѣщаетъ Соловей: «лежитъ моя злата казна въ моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцы гоняють (туда) по два мѣсяца, а скоро-наскоро мѣсяцъ.»

И тутъ поѣхалъ Илья-Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ подъ селомъ Кутузовымъ, и увидѣли Соловья его двѣнадцать сыновъ, и надѣвають на себя збрую богатырскую и хотятъ съ Ильей-Муромцемъ битися. И говоритъ Соловей: «свѣты мои дѣти малые! зовите вы его за столы дубовые, а поднесите ему меду сладкаго...»

(Въ рукописи пропускъ.)

... Потомъ вшелъ Илья-Муромецъ въ ту палату каменную ко князю Владимиру, и молится онъ чуднымъ образомъ, и князю Владимиру поклоняется, а послѣ на всѣ четыре стороны. И въ то время у князя Владимира было пированье великое. Потомъ князь Владимиръ принимаетъ Илью-Муромца за руки бѣлыя, а самъ говоритъ: «гой еси ты, доброй молодецъ! какъ твое имя и коего ты граду?» Отвѣщаетъ Илья-Муромецъ: «зовутъ меня Ильею, по отчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Муромъ.» Потомъ рече князь Владимиръ: «когда ты, Илья-Муромецъ, выѣхалъ изъ Муромъ?» Отвѣщаетъ Илья-Муромецъ: «поѣхалъ я изъ града Муромъ, слушавши заутреню воскресную; какъ я *будучи* подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ ними триста тысячъ, и хотѣли они Себежъ-градъ за щитомъ взять, а самого царя себежскаго въ полонъ взять. Вторая причина: какъ

я *будучи* на мосту калиновомъ, и тамъ увидѣлъ (меня) Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ; въ то время подомною конь спотыкнулся. И я его изъ лука попалъ въ правой глазъ, и привелъ его съ собою, и теперь онъ стоитъ у моего добраго коня.» И выглянулъ Илья-Муромецъ во оконце, и велѣлъ Соловью засвистать. И Соловей сталъ свистать; въ то время у князя Владимира кресла подломилися, и у палаты своды потряслися, и всѣ богатыри на землю попадали, а ветхіе хоромы и совсѣмъ повалилися. И князь Владимиръ сталъ веселъ и говоритъ ему: «послужи ты мнѣ, Илья-Муромецъ, вѣрою и правдою и покажи свою силу богатырскую!»

(Напечатана съ рукописи XVIII столѣт., принадлежащей И. Е. Забѣлину.)

13.

МАРКО БОГАТОЙ И ВАСИЛІЙ БЕЗСЧАСТНОЙ ¹⁾.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатѣйшій купецъ; у него была одна дочь Анастасія Прекрасная, и было ей всего лѣтъ пять отъ роду. Купца звали Марко, по прозванію Богатой. Марко терпѣть не могъ нищихъ: только подойдутъ къ окошку, сейчасъ велитъ слугамъ своимъ гнать ихъ и травить собаками.

Въ одно время подходятъ къ окошку два сѣденькихъ старичка. Марко увидалъ и велѣлъ ихъ травить собаками. Услыхала то Анастасія Прекрасная и стала просить: «родимой мой

¹⁾ См. вып. II, № 35; съ этимъ варіантомъ г. Буслаевъ сближаетъ повѣсть, заимствованную Пфейферомъ изъ рукописнаго сборника XV вѣка и изданную журналѣ «Германія» (1858 г., № 4).

батюшка! хотъ для меня пусти ихъ въ скотную избу.» Отецъ согласился, и велѣлъ пустить нищихъ въ скотную избу. Вотъ какъ всѣ въ домѣ заснули, Анастасія встала и пошла въ скотную, залѣзла на полати и глядитъ на нищихъ... Одинъ изъ старичковъ и говоритъ: «въ такомъ-то селѣ у такого-то крестьянина родился сынъ; какъ ему велимъ нареши имя и какимъ надѣлимъ счастиемъ?» А другой сказалъ: «имя нареши ему — Василій, прозваніе — Безсчас(т)ной, а наградимъ его богатствомъ Марка Богатаго, у котораго мы ночуемъ.» Анастасія все это слышала. Разсвѣло. Старички одѣлись и вышли изъ избы. Анастасія пришла къ отцу и рассказываетъ ему все, что въ скотной видѣла и слышала.

Отецъ усумнился, какъ-бы не сбылось сказанное, и захотѣлъ испытать: точно ли родился на селѣ младенецъ, велѣлъ запречь карету и поѣхалъ туда; пріѣхалъ прямо къ священнику и спросилъ: «родился ли у васъ такого-то дня младенецъ?» — Родился, сказалъ священникъ, у самаго бѣднаго крестьянина; я ему нарекъ имя Василій и прозвалъ Безсчаснымъ, да еще не крестилъ, потому что къ бѣдняку никто въ кумовья не идетъ. Марко вызвался быть крѣснымъ, попадью попросилъ быть кумою, и велѣлъ изготовить богатой столъ; принесли младенца, окрестили и пировали, какъ имъ было угодно. На другой день Марко Богатой призвалъ къ себѣ бѣдняка-крестьянина, обласкалъ его, и сталъ ему говорить: «куманѣкъ! ты человѣкъ бѣдной, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мнѣ его, я его выведу въ люди, а тебѣ на прожитіе дамъ тысячу рублей.» Старикъ подумалъ-подумалъ и согласился. Марко наградилъ кума, взялъ ребенка, окуталъ его въ лисьи шубы, положилъ въ карету и поѣхалъ. Дѣло было зимою. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, Марко Богатой велѣлъ остановиться, отдалъ крестника своему прикащику и приказалъ: «возьми его за ноги и выбрось въ оврагъ!» Прикащикъ взялъ и

бросилъ его въ крутой оврагъ. А Марко сказалъ: «вотъ тамъ и владѣй моимъ имѣніемъ!»

На третій день по той-же дорогѣ, гдѣ проѣхалъ Марко, случилось ѣхать купцамъ; везли они Марку Богатому двѣнадцать тысячъ рублей долгу; поровнялись купцы противъ оврага, и слышался имъ дѣтской плачъ. Остановились, стали вслушиваться, и послали прикащика узнать, что тамъ такое? Прикащикъ сошелъ въ оврагъ, видитъ тамъ зеленой лугъ, а на томъ лугу сидитъ ребенокъ и играетъ цвѣтами. Прикащикъ разсказалъ про все хозяину; хозяинъ вышелъ самъ, взялъ ребенка, завернулъ въ шубу, сѣлъ въ повозку, и поѣхали. Приѣзжаютъ къ Марку Богатому. Вотъ Марко ихъ и спрашиваетъ, гдѣ они взяли этого ребенка? Купцы разсказали, и онъ тотчасъ догадался, что это Василій Безсчастной, его крестникъ; взялъ его на руки, подержалъ и отдалъ дочери: «вотъ тебѣ, дочка, няньчай!» — а самъ сталъ угощать купцовъ разными напитками, и просить, чтобъ они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались; да какъ Марко сказалъ: «я васъ прощаю всѣмъ долгомъ!» — то отдали ему ребенка и уѣхали. Анастасія такъ была этому рада, что сейчасъ нашла люльку¹⁾, повѣсила занавѣсы и стала ухаживать за мальчикомъ, и не разставалась съ нимъ ни день, ни ночь. Прошелъ день, и другой; на третій Марко воротился домой попозже, когда Анастасія спала, взялъ младенца, посадилъ его въ боченокъ, засмолилъ и бросилъ съ пристани въ воду.

Боченокъ плылъ да плылъ, и приплылъ къ монастырю. На ту пору вышелъ монахъ за водою. Слышался ему дѣтской крикъ; осмотрѣлся онъ и увидалъ боченокъ; тотчасъ сѣлъ въ лодку, поймалъ боченокъ, разбилъ его, а въ боченкѣ — дитя, взялъ его и принесъ въ монастырь къ игумну.

¹⁾ Колыбель.

Игуменъ назвалъ ребенка Васильемъ и прозвалъ Безсчаснымъ; съ тѣхъ поръ Василій Безсчасной жилъ въ монастырѣ шестнадцать лѣтъ, и выучился грамотѣ — читать и писать. Игуменъ его полюбилъ и сдѣлалъ ключаремъ.

Марку Богатому случилось ѣхать въ иное государство за полученіемъ долговъ — на годичное время, и заѣхалъ онъ по пути въ монастырь. Здѣсь его встрѣтили, какъ чело-вѣка богатаго. Игуменъ велѣлъ ключарю идти въ церковь; ключарь идетъ, зажигаетъ свѣчи, поетъ и читаетъ. Марко Богатой спрашиваетъ игумна: «давно ли онъ поступилъ къ вамъ въ монастырь?» Игуменъ рассказалъ все, какъ вынули его изъ боченка, и сколько тому лѣтъ назадъ. Марко рас-счелъ и узналъ, что это его крестникъ. Вотъ онъ и говоритъ игумну: «какъ-бы у меня былъ такой расторопной чело-вѣкъ, какъ вашъ ключарь, я бы сдѣлалъ его главнымъ прикащикомъ, и всю казну поручилъ бы ему подъ смотрѣнье; нельзя ли вамъ отдать его мнѣ?» Игуменъ долго отговаривался. Марко посу-лилъ за него монастырю двадцать пять тысячъ рублей. Игу-менъ посоветовался съ братіей; удумали и согласились отпу-стить Василья Безсчаснаго.

Марко послалъ Василія домой и написалъ съ нимъ къ же-нѣ такое письмо: «жена! какъ получишь мое письмо, сейчасъ-же отправься съ этимъ посланнымъ на мыльной заводъ, и какъ пойдешь возлѣ большаго кипучаго котла, толкни его ту-да; да непременно исполни! а не исполнишь, я на тебѣ взыщу строго: этотъ малой — мнѣ злодѣй!» Василій получилъ пись-мо и пошелъ путемъ-дорогою; попадаетъ ему на встрѣчу ста-ричокъ и сказалъ: «куда ты, Василій Безсчасной, идешь?» Василій сказалъ: «въ домъ Марка Богатаго къ женѣ съ пись-момъ.»—Покажи письмо. Василій вынулъ письмо и далъ ста-ричку; старичокъ сломилъ печать, далъ Василью прочитать; Василій прочиталъ и прослезился: «что я этому чело-вѣку

сдѣлалъ, что послалъ меня на погубленіе!» Старичокъ ему сказалъ: «не печалься, Богъ тебя не оставитъ!» — дунулъ на письмо, печать и письмо сдѣлались такія-жъ, какъ и были. «Ступай теперь и отдай письмо женѣ Марка Богатаго.»

Василій пришелъ въ домъ Марка Богатаго, отдалъ письмо его женѣ. Жена прочтала, задумалась, позвала свою дочь Анастасію и прочтала ей отцово письмо, а въ письмѣ написано: «жена! какъ получишь мое письмо, на другой же день обвинчай Анастасію съ этимъ посланнымъ; да непременно исполни! а не исполнишь, будешь мнѣ отвѣчать.» У богатыхъ людей не пиво варить, не вино курить — все готово, веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Василья нарядили въ хорошее платье, показали Анастасіи, и Василій ей полюбился. Вотъ и обвинчали ихъ.

Въ одинъ день женѣ Марка Богатаго повѣстили, что прибылъ къ пристани ея мужъ, и она съ зятемъ и дочерью отправилась встрѣчать его. Марко увидѣлъ зятя, рассердился и говоритъ своей женѣ: «какъ ты осмѣлилась обвинчать съ нимъ дочь нашу?» — По твоему приказанію, отвѣчала жена. Марко спросилъ свое письмо, прочталъ и увѣрился, что точно онъ самъ то написалъ.

Пожилъ Марко съ зятемъ мѣсяць, другой и третій; въ одинъ день позвалъ онъ зятя къ себѣ, и говоритъ ему: «вотъ тебѣ письмо, иди съ нимъ за тридевять земель, въ тридесятое государство, къ другу моему царю Змію, получи отъ него дань за двѣнадцать лѣтъ за то, что построилъ онъ дворецъ на моей землѣ, и узнай тамъ о двѣнадцати моихъ корабляхъ, что пропадаютъ цѣлые три года. Завтра же поутру отправляйся!» Василій взялъ письмо, пошелъ къ женѣ своей и рассказалъ все, что ему Марко приказывалъ. Анастасія горько заплакала, а упрашивать отца не посмѣла.

Василій поутру рано, помолясь Богу, взялъ съ собою въ

котомочку сухариковъ и пошелъ. Шелъ онъ путемъ-дорогою, долго ли—коротко ли, близко ли—далеко ли, только слышитъ въ сторонѣ голосъ: «Василій Безсчастной, куда ты идешь?» Онъ оглядывается на всѣ стороны и говоритъ: «кто меня кличетъ ¹⁾?» — Я — дубъ тебя спрашиваю, куда ты идешь? «Я иду къ царю - Змію за двѣнадцать лѣтъ взять съ него дань.» Дубъ сказалъ: «какъ будешь во времени — обо мнѣ вспомяни: что́ стоитъ дубъ триста лѣтъ, долго ли еще ему стоять?» Василій выслушалъ и отправился въ путь-дорогу. Пришелъ Василій къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевозчикъ. Василій сѣлъ на паромъ, перевозчикъ его спрашиваетъ: «куда ты, мой другъ, идешь?» Василій ему отвѣчалъ тоже, что и дубу. И перевозчикъ проситъ его напомянуть царю, что «перевозитъ онъ тридцать лѣтъ; долго ли еще ему перевозить?» — Хорошо, сказалъ Василій, скажу! — и пошелъ. Приходитъ къ морю, черезъ море лежитъ китъ-рыба, по ней идутъ и ѣдутъ. Какъ пошелъ по ней Василій, китъ-рыба заговорила: «Василій Безсчастной, куда ты идешь?» Василій сказалъ ей тоже, что и перевозчику, и китъ его проситъ: «когда будешь во времени, обо мнѣ вспомяни: что́ лежитъ китъ-рыба черезъ море, конные и пѣшіе пробили у нея тѣло до рѣберъ; долго ли ей еще лежать?»

Василій общался, и пошелъ. Приходитъ онъ на зеленой лугъ; на лугу стоитъ большой дворецъ. Василій вошелъ во дворецъ, ходитъ по комнатамъ; комната комнаты лучше убрана. Приходитъ онъ въ послѣднюю и видитъ: на постелѣ сидитъ дѣвица-красавица и горько плачетъ. Какъ увидала Василья, встала она, подошла къ нему и спрашиваетъ: «что ты за человѣкъ и какъ зашелъ въ эдакое проклятое мѣсто?» Василій показалъ ей письмо, и сказалъ, что Марко Богатой

¹⁾ Зоветь.

велѣлъ взять съ царя - Змія дань за двѣнадцать лѣтъ. Дѣвица бросила письмо въ печь, а Василью сказала: «ты ни за данью сюда присланъ, а Змію на съѣденіе. Да какими путями ты шелъ? не случилось ли тебѣ дорогою что видѣть и слышать?» Василій разсказалъ ей про дубъ, перевозчика и кить-рыбу. Только успѣли они переговорить, затряслась земля и дворецъ; дѣвица тотчасъ заперла Василя въ сундукъ подъ кроватью и сказала ему: «слушай - же, что мы съ Зміемъ будемъ говорить.»

А сама стала встрѣчать Змія. Какъ взошелъ онъ въ комнату, сказалъ: «что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?» Дѣвица отвѣчала: «какъ сюда можетъ зайти русской духъ? ты по Руси леталъ, русскаго духу наймался!» ¹⁾ Змій сказалъ: «я сильно усталъ, поищи - ка у меня въ головѣ!» и легъ на постелю. Дѣвица сказала ему: «царь, какой я безъ тебя сонъ видѣла! будто я иду по дорогѣ, кричитъ мнѣ дубъ: скажи царю - та, долго ли мнѣ еще стоять?» — Ему стоять до тѣхъ поръ, сказалъ царь: какъ подойдетъ къ нему кто да толкнетъ его ногою, тогда онъ выверотится съ корнемъ и упадетъ, а подъ нимъ злата и серебра многое множество — столько нѣтъ у Марка Богатаго! «А еще пришла я къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевозчикъ; онъ спрашивалъ, долго ли ему перевозить?» — Пусть онъ перваго, кто прійдетъ къ нему, посадить на паромъ и толкнетъ паромъ отъ берегу — тотъ и будетъ вѣчно перевозить, а онъ пойдетъ домой. «Еще будто я шла по морю черезъ кить-рыбу, и она мнѣ говорила, долго ли ей лежать?» — Ей лежать до тѣхъ поръ, покуда вырыгнетъ двѣнадцать кораблей Марка Богатаго: тогда пойдетъ въ воду и тѣло ея наростетъ. Сказалъ царь - Змій и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

¹⁾ Набрался.

Дѣвица выпустила изъ сундука Васи́лія Безсчаснаго и дала ему наставленіе: «по эту сторону кить-рыбѣ не сказывай, чтобы она вырыгнула двѣнадцать кораблей Марка Богатаго, а перейди на ту сторону и скажи. Равно́ придешь къ перевозчику, на этой сторонѣ не говори ему того, что слышалъ; а къ дубу придешь — толкни его ногою на восходъ, и тутъ увидишь несчетное богатство.» Васи́лій Безсчасной поблагодарилъ дѣвицу и пошелъ.

Приходитъ къ киту-рыбѣ; она его спрашиваетъ: «говорилъ ли обо мнѣ?» — Говорилъ; вотъ перейду и скажу. Какъ перешелъ и сказалъ: «вырыгни двѣнадцать кораблей Марка Богатаго.» Кить-рыба рыгнула, и корабли пошли на парусахъ, ни въ чемъ невредимы; а Васи́лій Безсчасной очутился отъ того въ водѣ по колѣна. Пришелъ Васи́лій къ перевозчику. Перевозчикъ спрашиваетъ: «говорилъ ли царю-Змію обо мнѣ?» — Говорилъ, сказалъ ему Васи́лій; напередъ перевези меня. Какъ переѣхалъ на другой берегъ, и сказалъ перевозчику: «кто къ тебѣ придетъ первой, посади его на паромъ и толкни паромъ отъ берегу; тотъ вѣчно и будетъ перевозить, а ты отправляйся въ свой домъ.» Пришелъ Васи́лій Безсчасной къ дубу, толкнулъ его ногою, дубъ свалился; подъ нимъ злата и серебра и каменья драгоцѣннаго, что ни есть числа! Оглянулся Васи́лій назадъ, видитъ — плывутъ прямо къ берегу двѣнадцать кораблей, что вырыгнула кить-рыба. Кораблями управлялъ тотъ самой старичокъ, что попался Васи́лію на встрѣчу, когда онъ шелъ къ женѣ Марка Богатаго съ письмомъ. Старичокъ сказалъ Васи́لیю: «вотъ, Васи́лій, чѣмъ тебя Господь благословилъ!» — а самъ сошелъ съ корабля и пошелъ своею дорогою.

Матросы переносили злато и серебро на корабли, и какъ всеѣмъ исправились — пустились въ путь, а съ ними и Васи́лій Безсчасной. Дали знать Марку Богатому, что плыветъ его

зять съ двѣнадцатью кораблями и что наградишь его царь-Змій несчетнымъ богатствомъ.

Марко разсердился, что не сбылось по его желанію, велѣлъ запречь повозку, и поѣхалъ самъ къ царю-Змію попѣнять ему. Пріѣхалъ къ перевозчику, сѣлъ на паромъ; перевозчикъ отпихнулъ паромъ — и Марко остался вѣчно перевозить. А Василій Безсчасной прибылъ къ женѣ и тещѣ, сталъ жить да поживать, да добра наживать, бѣднымъ помогать, нищихъ награждать, поить и кормить, — и завладѣлъ всѣмъ имѣніемъ Марка Богатаго.

(Записана въ лукояновскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи — въ селѣ Гавриловѣ, Никольское тожъ, В. Яшеровымъ.)

14.

ОЕДОРЪ ТУГАРИНЪ И АНАСТАСІЯ ПРЕКРАСНАЯ ¹⁾).

Живъ сабѣ царь да царица, и бывъ у ихъ адинъ сынъ па имени Оедаръ, па празванію Тугаринъ, и три дачкѣ. Ти мала, ти багата яны жили, во и умирають, да и приказуютъ сыну свайму, штобъ јонъ паадававъ сясѣръ сваихъ замужъ за первыхъ жаниховъ. Прашѣвъ годъ, якъ царь да царица памерли. Во въ адинъ день схватилась буря, завѣявъ Вѣтяръ — такъ што Боже сохрани! Якъ только Вѣтяръ далятѣвъ да крыльца, и затихло все. Во Вѣтяръ и кажа Оедару Тугарину: «аддай за мене старшаю сваю сясѣру, а якъ не аддашь, я тваю хату перевяру и тебе убью!» Јонъ вывевъ сясѣру на

¹⁾ См. вып. VIII, № 8.

крыльцо: якъ ухватило яё, якъ заревло да загуло—не знать, куда яна и дѣлась! На третій годъ Оедаръ аддавъ также среднюю сваю сестру въ замужство Граду, а на четвертый и меньшую — Грому.

Пааддававши замужъ сестёръ, Оедаръ Тугаринъ пашовъ странствовать. Ишовъ, ишовъ, ажъ глядитъ: ляжить рать-сила пабитая. Іонъ и спрашивая: «а хто тутатчка есть живой, скажи, хто пабивъ сюю рать?» Во абазвався адинъ голасъ и кажа: «падай вады напицца.» јонъ падавъ; той раненый и гавора: «иди папитай ¹⁾ у другой рати.» Іонъ пашовъ и убачивъ другую рать-силу пабитую, спрасивъ у той: хто яё пабивъ? Тутъ голасъ сказавъ, штобъ јонъ ишовъ дальше и спрасивъ у третьей. Якъ дайшовъ јонъ да етай рати и спрасивъ, тутъ голасъ сказавъ яму, што усѣ три рати пабѣдила Анастасія Прекрасная, а сама яна тяперь въ шатрѣ аддыхаѣ. Оедаръ паѣхавъ. Пріѣхавши да шатра, привязавъ каня, и вашедши въ палату, легъ съ боку. Анастасія Прекрасная праснулась, и разбудивши Тугарина — кажа: «а што, ти ²⁾ будимъ бицца, ти мирицца?» Іонъ кажа: «кали наши кони стануть бицца, тагда и мы будимъ.» Во яны спустили сваихъ каней. Кони панюхались и стали лизать адинъ другога, а воупасли ³⁾ начали пастись. Дакъ ⁴⁾ Анастасія Прекрасная и кажа Оедару Тугарину: «будь ты мнѣ мужъ, а я тябѣ жана.» И пасѣдавши на каней, паѣхали домовъ. Живуть сабѣ да паживають Оедаръ и Анастасія, якъ галубки.

Во разъ Анастасіи захатѣлась паѣхать на ахоту; сабравшись, яна кажа мужу свайму: «усюды ⁵⁾ хади па майму дому, только не иди туда, гдѣ лычкомъ завязана и глиною залѣплена!» Тамъ висѣвъ Змѣй, якій хатѣвъ силаю взять за себе за-

¹⁾ Попытай, спроси. — ²⁾ Въмѣсто: *чи*. — ³⁾ Послѣ. — ⁴⁾ Итакъ. —

⁵⁾ Всюду.

мужъ Анастасію; яна ягò пабѣдила и павѣсила за рябро. Якъ паѣхала Анастасія на ахоту, Оедаръ усюды хадивъ, усё разглядавъ, а далѣ не втерпѣвъ и пашовъ, куда ямѹ не вялѣла жана яго. Глядитъ, ажъ тамъ висить Змѣй на-дномъ ¹⁾ рябрѣ. Убачивши Оедара, јонъ кажа: «а здрастуй, храбрый Оедаръ Тугаринъ! пасаби мини трошки ²⁾». Іонъ пасабивъ. «Ящѣ!» — јонъ и ящѣ; «ящѣ!» — јонъ и ящѣ. Вò Змѣй знявся съ крюка, палятѣвъ, да й кажа: «спасиба-жъ тябѣ! я тябѣ въ великой пригодѣ знадоблюсь.» Пустивши Змѣя на волю, Оедаръ адумавсь, да и кажа: «разсердицца на мене тяперъ жана!» Падумавши такъ, јонъ узавъ да и пашовъ изъ жанинага дому.

Ишовъ Оедаръ да ишовъ, глядитъ, яжъ стаить домъ. Іонъ падашовши къ таму дому, приходя къ дверямъ, да и кажа: «Господи Іисусе Христе, сыне Божій, памилуй насъ грѣшныхъ!» Женскій голасъ изъ свѣтлицы ямѹ атвѣчая: «кали добрый—явися, а кали ледач(щ)ій—прахомъ вазьмися!» Оедаръ вхòдя въ свѣтлицу, глядитъ, ажъ тамъ ягò сястра. Убачивши брата, яна ямѹ кажа: «чаго ты, братику, пришовъ? Мой мужъ—Вѣтяръ; будя бѣда!» А далѣ взяла ягò, да и схавала. ³⁾ Вò лятитъ Вѣтяръ; улятѣвши въ хату, кажа: «фу! Русь-кость пахня!» Жонка ямѹ гавòря: «вы летали па Руси и набрались рускага духу!» А далѣ: «што, каже, якъ бы мой братъ пріѣхавъ?»—А што-жъ, кажа Вѣтяръ, мы-бѣ пили, ѣли да гуляли! Яна кажа: «я вамъ ягò преставлю», пашла и вывела брата. Вѣтяръ, пабачивши Тугарина, ставъ радъ; стали пить да гулять, да добры мысли мать; гуляли усю недѣлю. А далѣ Оедаръ, папращавшись, пашовъ да другой сястры, што була замужемъ за Градомъ. Оедаръ разскáзувавъ зятямъ сваймъ и сястрамъ, якъ јонъ наживъ сабѣ жану, да безуміемъ патерявъ.

¹⁾ На одномъ. — ²⁾ Немножко. — ³⁾ Спрятала.

Іонъ знавъ, што Змѣй, якъ јонъ атпустивъ ягò, схватилъ изненацку ¹⁾ Анастасію и унёсъ у сваю берлогу.

Пабывши у двухъ сестёръ, Тугаринъ ишовъ да третьей. На дарогѣ ягò застигла ночь, а јонъ ящё не вышавъ изъ дремучага лѣсу, па якому ямѹ треба было итти. Іонъ падумавъ, падумавъ, да и аставсь начевать въ лѣсу подлѣ крыницы. На другій день јонъ только што праснувся, ажъ иде Анастасія Прекрасная па вадѹ въ крыницу. Якъ пабачили яны адинъ другога—возрадовались. Яна рассказала ямѹ, што Змѣй ухвativъ яё на ахотѣ и принёсъ яё въ етатъ лѣсъ, и што тутъ яны живутъ. Пагаваривши, яны сѣли на каней, да и давай утыкать ²⁾. Якъ ета все тварилась, Змѣй, мужъ Анастасіи, бывъ на ахотѣ; конь падъ нимъ спаткнувся. Іонъ спрашивая ягò: «чаго ты спаткнувся, коню мой милый?»—Якъ-жа мини не спатыкацца, кажа конь: Анастасія утыкла съ Ѳедаромъ Тугариномъ, «Што-жъ, ти можемъ мы ихъ дагнать?» гавóря Змѣй. Конь кажа: «можемъ пшеницы нажать, намалатить, паѣсть—и дагнать.» Ета все сдѣлавши, паѣхали яны даганять Ѳедара и Анастасію. Якъ только Змѣй пабачивъ ихъ, ставъ кричать, штобъ стали; а яны все сабѣ ѣдутъ. Змѣй разсердився, да якъ припудя ³⁾ каня, и дагнавъ бѣгляцовъ, да и кажа Ѳедару: «я тябѣ кричавъ, штобъ ты астанавився; я-бѣ тябѣ прастивъ. Ты мене не послухавъ, такъ óтъ ⁴⁾ тябѣ!» Взявъ да и убивъ Тугарина, и взявши Анастасію, паѣхавъ дамовъ.

Зятъя Ѳедаравы, узнавши, што Змѣй ягò убивъ, палятѣли, дастали цялющей и живущей вады, и прилятѣвши исцялили и аживили Тугарина. Аживши, Ѳедаръ кажа зятямъ сваймъ: «фу! якъ я заснувъ!» Яны кажутъ ямѹ: «заснувъ бы на вѣки,

¹⁾ Невзначай (Малор. словарь Чужбинскаго, стр. 176). — ²⁾ Убѣгать. (Опытъ обл. вел. слов., стр. 241). — ³⁾ Пудить — гнать (ibidem, стр. 183). — ⁴⁾ Вотъ.

кали-бъ не мы.» Іонъ ихъ паблагадаривъ, да и пашовъ изновъ да крыницы, гдѣ бачивъ Анастасію. Глядитъ, ажъ яна иде па вадѹ; якъ убачила Ѳедара, возрадувалася. Вó јонъ и ставъ прасить яё, штобъ яна выпитала у Змѣя: гдѣ можно дастать такога каня, штобъ адъ ягó утекти, и гдѣ ягó смерть? Анастасія абѣщала ямѹ ета, и набравши вады, пашла да дому; а Змѣй бывъ на ахотѣ. Анастасія пашла дамовъ, пагаваривши съ Ѳедарамъ; а јонъ астався у крыницы дажидацца, што ямѹ скажа ягó любезная.

Вó ѣде Змѣй зъ ахоты. Анастасія вышла ямѹ на встрѣчу, взяла каня за узду и увела въ канюшню, и пришедши въ хату—стала цѣлавать и милавать Змѣя, а далѣ и кажа: «якій у васъ конь скорый! ти можна гдѣ-нибудь дастать такога другога каня, штобъ адъ вашего утѣкѣ?» Змѣй разнѣжився адъ ласакъ Анастасіи, бо яна ягó никали не ласкала, савсѣмъ забывся да и признався на сваю бѣду. «Есть, гавóря, адна баба, у каторай двѣнадцать кабылицъ, и якъ дастать адъ тыхъ кабылицъ каня, то той майго перегоня; только трудна дастать у той бабы, бо яна таго, хто сяго хоча, нанимая на три дни стерегти кабылицъ, и якъ только сторожъ засне (бо баба дае всякаму соннае зелье)—кабылицы утякутъ. Вó баба сама ихъ нáйдя, а сторожу здяре зъ спины паласѹ, да и прагоня.» Анастасія, приласкавшись, гавóря Змѣю: «а гдѣ твая смерть?» Іонъ кажа: «есть на остравѣ камень, а въ томъ камнѣ заяцъ, а въ томъ зайцѣ вутка, а въ той вуткѣ яйцо, въ томъ яйцѣ жавтокъ, а въ томъ жавткѣ каменёкъ: то мая смерть!» Выпитавши все ета, Анастасія пересказала Ѳедару. Іонъ рассказавъ зятямъ; вó яны палятѣли шукать ¹⁾ таго камня, а самъ Тугаринъ пашовъ да бабы даставать каня.

Иде да иде Ѳедаръ, ажъ вавкѣ ²⁾ бюцца за кости. Іонъ имъ падяливъ; яны ямѹ паблагадарили и сказали, што будутъ ямѹ

¹⁾ Искать (Опытъ обл. вел. слов., стр. 268). — ²⁾ Волки.

въ великой пригодѣ. Иде Оедаръ да иде, ажъ пчолы бюцца за медъ. Іонъ имъ падыливъ; яны ягó паблагадарили и абѣщали тожъ. Далѣ јонъ убачивъ, што раки бюцца за икру. Іонъ имъ падыливъ; яны ямѹ абѣщали тожъ, што вавки и пчолы. Ишовши ти мала, ти багата, Оедаръ прихóдя къ хатѣ, а въ той хатѣ жила баба, у якой были двѣнадцать кабылицъ. Вашóвши у хату и паздаровавшись зъ бабою, Тугаринъ ставъ яё прасить, штобъ яна приняла ягó стяречь кабылицъ. Баба и кажа ямѹ: «што жъ ты вазьмешъ зъ мене?» Іонъ кáжа: «аднаго жеребчика.» Баба кажа: «кали устережешъ три дни, то дóбре!» Онъ сагласився.

На другій день Оедаръ уставъ, умывся, Богу памалився, да и пагнавъ кабылицъ на лугъ. Баба дала яму на снѣданье пиражокъ, а въ томъ пиражку соннае зельё. Тугаринъ, пригнавши кабылицъ на лугъ, разпустивъ ихъ пастись, а самъ ставъ ѣсти пиражокъ, штò дала яму баба. Якъ паѣдавъ јонъ таго пиражка, и заснувъ, и спавъ два дни, а кабылицы далеко парасходились. На третій день Оедара штось ¹⁾ начало кусать; јонъ праснувся, глядитъ, ажъ то тые раки, што јонъ имъ икру падыливъ. Вó яны и кажутъ ямѹ: «вставай да шукай кабылицъ, а то приде баба, буде тябѣ бѣда!» Іонъ стрепянувся, да и хатѣвъ шукать кабылицъ; глядитъ, ажъ тые вавки, што јонъ имъ падыливъ кости, и тыя пчолы, што јонъ падыливъ имъ медъ, женуть ²⁾ кабылицъ. Тугаринъ, пабачивши ихъ, возрадувався, паблагадаривъ раковъ, пчолъ и вавкóвъ, да и пагнавъ кабылицъ да дому. Баба, убачивши, што Оедаръ жане кабылицъ, вышла ямѹ на встрѣчу, да и кажа: «счасливъ-жа ты, што устерегъ, а то была-бъ тябѣ бѣда!» А далѣ привяла ягó у хату, дала ямѹ ѣсть, а сама пашла у канюшню да кабылицъ. Оедаръ ти ѣвъ, ти не ѣвъ, вставъ да и пашовъ, и пришовши

¹⁾ Что-то. — ²⁾ Гонять.

да канюшни, такъ што баба ягò не бачила, ставъ падслухать, што баба будя рабить. Яна взяла жалѣзный пруть, стала бить кабылицъ, приказывать, штобъ усѣ яны дазавтра ¹⁾ привяли па жеребѣнку, а самая лучшая штобъ привяла каростливага, штобъ Тугаринъ не узнавъ, гдѣ лучшій. Іонъ, выслушавши все ета, пашовъ у хату и лёгъ спать.

Уставши на завтра рана, Оедаръ ставъ требавать у бабы платы; яна павяла ягò въ канюшню и паказывая жеребятъ, што ночью привяли кабылицы, да и кажа: «выбирай любого!» Оедаръ, узавши таго канька, павѣвъ ²⁾; во јонъ и кажа Тугарину человѣческимъ голасамъ: «дай мини три зари попастись на расѣ, тагда павидишь!» Оедаръ сагласився. Якъ папасся той канѣкъ день, ставъ насить въ пол-дерева, на другій день паверхъ дерева, на третій па паднебесью, да такій ставъ красивый, што и узнать нельзя. Сѣвши на таго каня, Оедаръ паѣхавъ да зятьѣвъ. Яны яму дали каменѣкъ, што дастали на остравѣ.

Взавши ягò, јонъ паѣхавъ въ той лѣсѣ, гдѣ жила Анастасія. Пріѣхавши въ лѣсѣ, јонъ паѣхавъ и ставъ дажидацца яё у крыницы. Ти мала, ти багата ждавши, глядитъ, ажъ Анастасія бяжить па вадѹ. Іонъ яё узавъ, пасадивъ на каня, и якъ ударить ягò па крутымъ бедрамъ; конь панѣсѣ паверхъ дерева. Змѣй, бывши на ахотѣ, убачивъ, што Анастасія утякая, ударивъ и свайго каня и палятѣвъ даганять; ягò конь лятить паверхъ дерева, да и кáжа: «дагнать мы дагонимъ, бо у Тугарина мой меньшій братъ, да Анастасіи не атимешъ!» Якъ только Змѣй ставъ даганять Тугарина, јонъ кинувъ каменѣкъ и папавъ ямѹ въ лобъ. Змѣй упавъ и прапавъ; а Оедаръ Тугаринъ и Анастасія Прекрасная даѣхали благопалучна да свайго двара, стали жить да паживать, да добры

¹⁾ До-завтрева. — ²⁾ Повелъ.

мысли мать, да и теперь сабѣ живутъ. Я у гостяхъ у ихъ
бывъ, медъ-вино пивъ; у роти не было, а только па барадѣ
тякло.

церайни

(Записана въ городѣ Погарѣ, черниговской губерніи, учителемъ Н. Магро-
совымъ.)

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

ЛИСА.

Сказки о лисѣ, волкѣ, козѣ и другихъ звѣряхъ (Thiermärchen) составляютъ отрывки стариннаго животнаго эпоса. И въ другихъ народныхъ сказкахъ, повѣствующихъ намъ чудесныя походы и подвиги богатырей, являются дѣйствующими лицами звѣри, которымъ присвояются: умъ, чувство, даръ слова и разныя сверхъестественныя свойства; но тамъ болѣе или менѣе являются они для услугъ человѣка, поставляемаго на первомъ планѣ, хотя нерѣдко превосходятъ его догадливостью и смѣлостью. Напротивъ въ мелкихъ басняхъ, на которыя раздробился животный эпосъ, главный интересъ сосредоточивается на звѣряхъ: въ этихъ басняхъ являются они не только дѣйствующими лицами, но героями — каждый съ своимъ особеннымъ характеромъ. Вообще въ народныхъ памятникахъ вся природа представляется исполненною разумной жизни, надѣленною умомъ, чувствомъ и даромъ слова; у ней свои радости и страданія, которыя она нерѣдко раздѣляетъ съ человѣкомъ. Такой поэтически-живой взглядъ на природу обуславливается характеромъ доисторическаго развитія

народовъ; ибо въ основу этого развитія легло обожаніе таинственныхъ силъ природы и наивное преклоненіе предъ ея грозными и торжественными явленіями. По народнымъ преданіямъ, сохранившимся донынѣ, звѣри, птицы и растенія нѣкогда разговаривали, какъ люди; поселяне вѣрятъ, что наканунѣ новаго года домашній скотъ получаетъ способность разговаривать между собою по-человѣчески, что пчелы во всякое время могутъ разговаривать съ маткою и другъ съ другомъ, что дятель стучитъ въ дерево съ отчаянья, и т. п. Въ пѣсняхъ и сказкахъ цвѣты, деревья, насѣкомыя, птицы и звѣри ведутъ между собой разговоры, предлагаютъ человѣку вопросы и даютъ ему отвѣты. Въ шумѣ древесныхъ листьевъ, свистѣ вѣтра, плескѣ волнъ, жужжаніи насѣкомыхъ, крикѣ и пѣніи птицъ, ревѣ и мычаніи животныхъ — въ каждомъ звукѣ, раздающемся въ природѣ, поселяне думаютъ слышать таинственный разговоръ, доступный только чародѣйному вѣдѣнію колдуна ¹⁾.

Народныя басни о *лисъ*, въ теперешнемъ ихъ видѣ, представляютъ разрозненныя части одного древняго эпического сказанія, въ которомъ въ забавныхъ сценахъ показывается перевѣсъ хитрости, ловкости и ума, даже при недостаткѣ физическихъ силъ, надъ тупостью и слабоуміемъ, хотя бы эти послѣднія качества восполнялись огромною силою и крѣпостью тѣла. Сказаніе о лисѣ извѣстно почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и есть общее ихъ наслѣдіе, доставшееся имъ отъ эпохи доисторической. Переработанное въ средніе вѣка, оно дошло до насъ въ нѣмецкомъ и латинскомъ спискахъ XII вѣка; другіе списки относятся къ XIII вѣку (на франкскомъ и нидерландскомъ нарѣчіяхъ) и къ XV (на нижнесаксонскомъ). Во всѣхъ редакціяхъ поэма эта содержитъ въ себѣ

¹⁾ Москвит. 1846 г., № 11 и 12, стр. 153; Костомар. Славянск. Мнѳол., стр. 60.

много изрѣченій и подробностей, напоминающихъ наши народныя сказки. Въ изданіи братьевъ Гриммовъ: «Kinder- und Hausmärchen» помѣщено нѣсколько сказокъ о лисѣ (т. I, № 32, 72, 73, 75 и 86; т. 2, № 132). Русская сказка о томъ, какъ небитая лиса ѣхала на битомъ волкѣ, сходна съ нѣмецкою: «Der Fuchs und die Frau Gevatterin» (Грим., т. I, № 74); «Лиса на повоѣ» тождественна съ сказкою: «Katze und Maus in Gesellschaft» (ibid., № 2), въ которой роль лисы заступаетъ кошка; «Лиса и заяцъ» сходна съ окончаніемъ сказки, напечатанной въ собраніи братьевъ Гриммовъ подъ № 36 (т. I, стр. 223). Есть еще норвежская сказка (Norwegische Volksmärchen, ч. 1, № 17) о медвѣдѣ и лисѣ и сербская: «Лисица се освѣтила вуку» (Српске народne приповiјetke, № 50), сходныя съ нашею сказкою о «Лисѣ и волкѣ». Въ норвежской — медвѣдь ловить хвостомъ рыбу, подвергается одинаковому несчастію съ волкомъ нашей сказки, и оттого навсегда остается куцымъ; въ сербской разсказывается, какъ лиса стащила съ воза три сыра и какой разговоръ повела она при встрѣчѣ съ волкомъ. «Откуда ты добыла сыръ?» спрашиваетъ волкъ. — Изъ воды вытащила. «Гдѣ-жъ эта вода?» — Пойдемъ, я тебѣ покажу. Дѣло происходило ночью, небо было ясно и въ высотѣ блистала луна. Лиса подвела волка къ источнику, показала ему на отраженіе мѣсяца въ водѣ и сказала: «вонъ видишь, какой сыръ въ водѣ! локай воду, коли хочешь его вытащить.» Волкъ локалъ, локалъ, пока не ударила вода изъ него назадъ ртомъ, носомъ и ушами. — Съ напечатанною въ нашемъ изданіи сказкою: «Мужикъ, медвѣдь и лиса» сходны: а) польская о томъ, какъ мужикъ вмѣстѣ съ чортомъ варилъ пиво и сѣялъ рѣпу, а какъ дошло до дѣлежа — отдалъ ему отъ рѣпы верхушки, а отъ пива подлонки или гущу (Боричевск. Слав. нар. разсказы, стр. 195), и б) чувашская (Чувашск. разговоры и сказки, составлен. Спир. Ми-

хайловымъ, Казань, 1853, стр. 50—56) о черемисинѣ, который вмѣстѣ съ медвѣдемъ сѣялъ ячмень и рѣпу, и тоже обманулъ его при дѣлежѣ, отдавъ отъ ячменя корни, а отъ рѣпы верхушки (зелень).

Извѣстно, какъ мастерски съумѣлъ воспользоваться знаменитый Гёте средневѣковою поэмою о хитростяхъ лисы: см. его «Reineke Fuchs», перевод. на русской языкъ г. Достоевскимъ. У насъ г. Даль старался передать въ литературной формѣ сказанія о походеженіяхъ лисы (см. Повѣсти, сказки и рассказы казака Луганскаго, Спб., 1846, ч. IV, стр. 237). По свидѣтельству г. Даля, сказка о лисѣ и волкѣ извѣстна на Украинѣ подъ названіемъ: «Лисичка-сестричка та волкъ-панебратъ», а въ великорусскихъ губерніяхъ подъ названіемъ: «Лисы Патрикѣевны.» О походеженіяхъ Лисы Патрикѣевны, какъ она заставляла волка ловить рыбу, а потомъ, назвавшись лѣкаркою, сѣбла у медвѣдя весь припасенный медъ, напечатана сказка въ «Подснежникѣ» 1860 года, № 1; въ окончаніи сказки прибавлено: «Идетъ лиса по лѣсу, а хвостъ несетъ по вѣтру; вдругъ слышитъ жаренымъ что-то запахло. Побѣжала на запахъ и попала въ капканъ. Испугалась Лиса Патрикѣевна, начала голосить, кумовьевъ на помощь звать — анъ пришелъ мужикъ, у котораго она рыбу повытаскала; перерѣзалъ ей горло, шкурку содралъ и на базаръ понёсъ. Послѣ набѣжалъ на лису волкъ; увидѣлъ, что кума безъ шубки лежитъ, заплакалъ-потужилъ, да и скушалъ куму.» У белоруссовъ есть пословица, очевидно намекающая на какой-то народной эпической рассказъ о лисѣ: «лисица отъ дожджу и подъ борону ховалась: не всякая, казала, капля канецъ» (Архивъ историко-юридич. свѣд. о Россіи, изд. Калачова, 2-я половина II го тома, статья г. Буслаева, стр. 172—4). Въ IV-мъ выпускѣ (№№ 10 и 11) напечатаны сказки о Бухтанѣ Бухтановичѣ и Кузьмѣ Скоробогатомъ, въ которыхъ лиса

играетъ роль хитрой свахи и женить Бухтана и Кузьму на царевнахъ.

Сборникъ хорутанскихъ сказокъ Валявца (*Narodne pripovedke skupio u i oko Varaždina Matija Kračmanov Valjaves, u Varaždinu, 1858*) предлагаетъ нѣсколько любопытныхъ отрывковъ животнаго эпоса; сказка: «Zakaј nema zajec celoga gera» (стр. 281—2) совершенно сходна съ нашею о лисѣ-повитухѣ (подъ буквою *b*), только здѣсь вмѣсто двухъ лицъ выведено три: волкъ, лиса и заяцъ; на послѣдняго лиса и сваливаетъ свой грѣхъ. Когда изъ кумушки повыступилъ медъ, она легла позади зайца, обтерлась объ его шкурку, воротилась на свое мѣсто и стала будить волка: «вставай! изъ зайца медъ выступилъ.» Заяцъ испугался и кинулся бѣжать, а волкъ за нимъ въ погоню, ухватилъ его за хвостъ и оторвалъ. Отъ того-то у зайца такой кучой хвостъ. — Въ томъ же сборникѣ находимъ слѣдующій своеобразный вариантъ сказки о томъ, какъ лиса избавила человѣка отъ медвѣдя, напечатанной нами подъ буквою *e* (стр. 274—6): Недалеко отъ заячьей норки была медвѣжья берлога. Заяцъ сталъ ходить туда, насмѣхался надъ медвѣжатами и плевалъ на нихъ. Вотъ когда старой медвѣдь пришелъ домой, дѣти пожаловались ему на зайца. Старой разсердился: «подождите, говоритъ, я его изловлю!» Взялъ да и спрятался, и какъ только пришелъ заяцъ, онъ тотчасъ и выскочилъ. Заяцъ — гу! и бросился въ лѣсъ, а медвѣдь за нимъ. Гнался-гнался; гдѣ заяцъ проскочить, тамъ медвѣдь завязнетъ, и таки застрялъ въ расколѣ деревѣ. Случилось мимо идти мужику. Медвѣдь и молить: «освободи меня; я тебѣ покажу за то цѣлую бортъ меда. Только смотри, никому не сказывай, какъ надо мной насмѣялся малой зайчишка!» Мужикъ обѣщалъ никому про то не рассказывать, взялъ топоръ, обрубилъ одну часть дерева и освободилъ медвѣдя. Медвѣдь показалъ ему бортъ съ ме-

домъ. Вотъ мужикъ поскорѣй домой, запрѣгъ воловъ въ повозку, поѣхалъ въ лѣсъ, наклалъ меду и воротился назадъ. А медвѣдь тихонько подкрался къ его избушкѣ и сталъ подслушивать. Мужикъ складываетъ медъ съ воза; дѣти увидали и спрашиваютъ: «батъка, гдѣ набралъ столько меду?» — Нашелъ въ лѣсу. Тутъ и жена пристала: «кто же тебѣ помогъ найти?» — Да одинъ старой медвѣдь; гналъ онъ за зайцемъ да завязъ въ деревѣ, я его выпустилъ, онъ мнѣ и показалъ за то. Небось не станетъ теперь старой дурачина гоняться за зайцами! «Постой, думаетъ медвѣдь, заплачу я тебѣ эту насмѣшку!» На другое утро запрѣгъ мужикъ воловъ, положилъ на повозку мѣшокъ пшеницы, привязалъ сзади плугъ и поѣхалъ въ поле. Началъ было пахать, а медвѣдь тутъ какъ есть: «стой, обманщикъ! какъ-же ты обѣщался никому не рассказывать, какъ меня прищемило въ деревѣ, а добрался до дому и тотчасъ все женѣ и дѣтямъ разболталъ?» — Что ты, пріятель! я никому не рассказывалъ. «Да я самъ слышалъ, самъ стоялъ у твоей избы; а чтобъ ты больше не обманывалъ, я тебя задеру.» Услыхала то лисица и начала махать хвостомъ изъ чащи лѣса, а сама приговариваетъ: «человѣче! умъ у тебя въ головѣ, а дубина въ рукѣ.» Мужикъ вздумалъ попробовать, высыпалъ изъ мѣшка пшеницу и сказалъ медвѣдю: «я не приготовился къ смерти — ни исповѣди, ни эпитимьи не исполнилъ; полѣзай-ка ты, медвѣдь, въ этотъ мѣшокъ, и замѣсто эпитимьи я понесу тебя по полю; обнесу раза два-три, тогда и дѣлай со мной что хочешь.» Медвѣдь подумалъ: «э, какой я важной господинъ! человѣкъ меня на плечахъ носить будетъ.» Влѣзъ въ мѣшокъ, а мужикъ тотчасъ завязалъ его покрѣпче и такъ ударилъ по головѣ дубиною, что медвѣдь тутъ-же околѣлъ. Прибѣжала лиса: «мужикъ! вѣдь я тебя надоумила; что-жъ ты мнѣ пожелаешь?» — Хочешь утку? «Нѣтъ!» — Ну, пѣтуха? «Нѣтъ!» — Чего-жъ

тебѣ? «Давай отгрызу твой носъ.» Мужикъ растерялся, «od straha velikoga prdne jenkrat. Lesica poslušā, pak veli: oho, kaj je to? Pak človek i drugi put, pak i trejti put prdne. Lesica veli: kaj je to? Človek veli: ej, nikaj; včera sem pojel devet lovnih psov, pak vezda se 'sum silum očeju iti vun.» Лиса ударилась въ бѣгъ, а мужикъ остался съ цѣлымъ носомъ. (См. также Литовск. сказки, стр. 8.) Въ русской сказкѣ лиса, спрятавшись отъ собакъ въ нору, вступаетъ въ разговоръ сама съ собою и погибаетъ отъ вражды къ своему собственному хвосту. Тотъ-же комической эпизодъ встрѣчаемъ въ хорутанской сказкѣ: «Птица лиса и песъ» (стр. 273 — 4). Птица свела себѣ гнѣздо и стала нести яйца. Лиса изъясляетъ желаніе полакомиться этими яйцами. «Ахъ, какъ же ты глупа! говоритъ птица, развѣ ты наѣшься ими дѣсыта? Подожди, вотъ я выведу дѣтокъ, выкормлю ихъ; тогда пожалуй приходи, скушай и дѣтей и меня.» Лисица согласилась съ радостью. Тѣмъ временемъ птица подговорила гончаго пса, который спрятался за кусты. Приходитъ лиса, птица ей и говоритъ: «ну, теперь я могу тебѣ дать что общала; позволь только мнѣ спѣть послѣднюю пѣсню.» А это былъ условный знакъ у ней съ собакою, и какъ только птица запѣла, песъ выскочилъ и кинулся на лису, а та бѣжать и прямо въ нору. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстный разговоръ лисы съ своими ногами, ушами, глазами и хвостомъ.

Сказка о козѣ лупленой (вып. II, № 32), сходная съ напечатанною нами подъ буквою с — о лисѣ и зайцѣ, въ Малороссіи рассказывается полнѣе (см. Lud Ukrański przez Antonię Nowosielskiego (Марцинковскаго), Вильно, 1857, стр. 243; Малорусскій литерат. сборникъ Д. Мордовцева, стр. 361—6: «Коза-дереза»):

Бувъ соби дидъ та баба; у дида дочка, у баби дочка. Накупивъ дидъ кизъ та-й пославъ бабину дочку пасти. А вона

пасла-пасла, та-й гоне до дому. А дидъ сивъ на воритцяхъ въ червонихъ чобитцяхъ, та-й каже: «кози мои любі, кози мои мили! чи ви јили, чи пили?» А коза ёго и каже: ни, дидусю!

Якъ бигли черезъ мисточикъ,
Ухватили кленовій листочикъ;
Якъ бигли черезъ гребельку,
Ухватили води капельку—
Тилько пили и јили.

Отъ дидъ взявъ та-й убивъ бабину дочку, и одряжае свою дочку: «гони-жъ ти!» (И съ нею, и съ бабою было тоже самое, что случилось съ бабиной дочкою; погналъ козъ дѣдъ.) Накормивъ и напоивъ, та-й пишовъ попередъ до дому, та-й сивъ на воритцяхъ. (Спрашиваетъ козъ: «чи ви пили, чи ви јили?» Коза отвѣчаетъ тоже, что и прежде.) Отъ винъ тоди ји черкъ за рѣги та-й повисивъ дратъ; отъ дравъ-дравъ, та ножикъ и притупивъ, та-й пишовъ до коваля, щобъ ножикъ поточить. А коза одорвалась (съ ободраннымъ бокомъ), та-й утекла у лисиччину хатку. А лисиця бигала дѣсь на промысло, та якъ прійшла, а хтось у ји хатци; отъ вона и пита: «хто, хто, въ мојій хатци?»

— Я коза-дереза,
Пивъ-бока луплена,
За три копи куплена.
Тупу-тупу ногами,
Сколю тебе рогами,
Хвостикомъ вымету,
Ножками на двиръ вынесу!

Отъ лисичка пишла та-й сила пидъ березку, та-й плаче. (Вызываются помочь ей разные звѣри: волкъ, медвѣдъ, левъ, зайчикъ, и ничего не могутъ сдѣлать; наконецъ приходитъ кочеть и выгоняетъ козу. Въ хорутанскихъ приповѣдкахъ Валявца (стр. 285—6) мѣсто козы заступаетъ баранъ; волкъ взялся было выгнать его изъ лисицыной норки, да какъ услы-

халъ окрикъ барана: «*pol me odrtine, pol me kosmate!*» такъ и струсилъ: «тамъ, тетка, сказалъ онъ лисѣ, кто-то чудной!» Выгналъ барана ёжъ; онъ вкатился въ нору клубкомъ, и давай колоть его въ ободранный бокъ острыми иглами. Баранъ выскочилъ, и волкъ съ лисою скушали его. Вылѣзъ ёжъ: «что-жъ вы мнѣ оставили?» — Да ничего! Ёжъ разсердился: «пойдемте, говоритъ, на судъ.» Привелъ волка къ капкану, стукнулъ легонько заднею лапкою и сказалъ: «*gospon sudec! stante se.*» — Дай-ка я разбужу его! сказалъ волкъ, ударилъ по желѣзу сильнѣе и попалъ въ капканъ. Эта послѣдняя подробность напоминаетъ русской разсказъ о томъ, какъ волкъ давалъ лисѣ присягу (вып. III, № 23). Въ другой сказкѣ того-же сборника (стр. 287—8) выведены ёжъ и серна. Они поспорили, кто изъ нихъ скорѣе перебѣжитъ поле. Ёжъ свернулся въ клубокъ и покатился, а серна понеслась съ такой быстротою, что на бѣгу ударилась головой о дерево и ушиблась до смерти. Ёжъ захотѣлъ покушать ея печенокъ, но самъ не въ силахъ былъ разорвать серны, и потому отправился искать мясника. На дорогѣ попадаетъ ему заяцъ, потомъ лиса, и тотъ и другая вызываются быть мясниками; но ёжъ посмотрѣлъ имъ въ зубы и отказалъ. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ волка и беретъ его съ собою. Волкъ разорвалъ серну на четыре части: «первая часть (сказалъ онъ)—моему дядѣ, вторая — моему отцу, третья — моей матери, а эта — мнѣ самому.» — А мнѣ что? спросилъ ёжъ. «А тебѣ все что осталось.» Ёжу такой дѣлъёжъ показался несправедливымъ, и онъ сказалъ волку: «пойдемъ судиться!» — Пойдемъ! Ёжъ приводитъ волка къ капкану, послѣ чего слѣдуетъ таже сцена, какую видѣли въ предыдущей сказкѣ; волкъ попадаетъ въ тиски, является мужикъ съ топоромъ и начинаетъ бить его по лбу; за первымъ ударомъ ёжъ закричалъ: «это твоему дядѣ!» за вторымъ: «это твоему отцу!» за третьимъ: «это твоей матери!» а за чет-

вертымъ: «это тебѣ; самъ же ты достанешься мнѣ!» — Къ приведеннымъ варіаціямъ о лупленой козѣ надо прибавить еще венгерскую сказку (*Ungarische Volksmärchen. Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenem Urschrift, übersetzt von G. Stier, стр. 201—4*): вмѣсто ёжа здѣсь ту же роль играетъ дикобразъ, и какъ скоро онъ выгналъ козу, то волкъ, серна и заяцъ разорвали ее и съѣли; на долю лисы достались кишки. Волкъ и на то позарился; лиса научаетъ его разорвать собственное брюхо и лакомиться своими внутренностями (сличь съ рассказомъ въ IV-мъ вып., № 1, с, и въ III-мъ вып., № 22).

Коротенькая сказка о лисѣ, исповѣдающей пѣтуха (стр. 24), вѣроятно, послужила темою того сатирическаго стихотворнаго разговора между лисицею и куromъ, который былъ напечатанъ въ «Старичкѣ-весельчакѣ, рассказывающемъ давнія московскія были» и даже попалъ въ лубочное изданіе. (См. Русск. народн. сказки, изд. Сахаровымъ, предисловіе, стр. XXXII: «о курѣ и льстивой лисицѣ».) Разговоръ этотъ подъ заглавіемъ: «Слогъ виршевой о курѣ съ лисицею», встрѣчается въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца XVІІ или начала XVІІІ столѣтія, съ нѣкоторыми дополненіями противъ напечатаннаго въ «Старичкѣ-весельчакѣ». Въ одномъ спискѣ Пчелы, по замѣчанію г. Безсонова, при описаніи разныхъ учителей прибавлено: «не красенъ позоръ — лисица въ курятѣхъ, того же нестройнѣя учитель неподобенъ.» Этимъ сравненіемъ, вѣроятно, также на основѣ народнаго сказанія, лисица поставлена между курами въ положеніе учителя. Все это доказываетъ, что притча о лисѣ, изъ корыстной цѣли проповѣдующей пѣтуху о пагубѣ грѣховной жизни и суетѣ сего міра, была довольно распространена и составляла любимое народное чтеніе. Та же мысль выражена и въ слѣдующей притчѣ о котѣ:

«Коть Евстафій! ты постригся?» — Постригся. «И посхимился?» — И посхимился. «Пройди мимо тебя можно?» — Можно. Мышка побѣжала, а котъ ее цапъ. «Оскоромишься, котъ Евстафій!» — Кому скоромно, а намъ на здоровье! (См. Пословицы Даля, стр. 1094.)

При разборѣ народныхъ басней о хитрой лисѣ нельзя не обратить вниманія на хорутанскую сказку про больного льва (стр. 280). Захворалъ левъ и залёгъ въ свое логовище. Пришелъ къ нему на поклонъ медвѣдь. Левъ спросилъ его: «не слышишь ли ты, какъ смердитъ въ моей берлогѣ?» — Правда, отвѣчалъ медвѣдь, скверно воняетъ. Левъ озлобился и разорвалъ медвѣдя. Заяцъ это видѣлъ, и когда явился на поклонъ ко льву, то на сдѣланный ему такой-же вопросъ отвѣчалъ: «нѣтъ, нисколько не воняетъ, а напротивъ прекрасно пахнетъ!» — Лжешь ты! закричалъ левъ, не пахнетъ, а смердитъ! — и тутъ-же разорвалъ зайца. Потомъ явился волкъ, и на вопросъ льва отвѣчалъ: «нѣтъ, не смердитъ и не пахнетъ!» — Лжешь! возразилъ левъ; ни то, ни другое быть не можетъ — и разорвалъ волка. Послѣ всѣхъ пришла на поклонъ лиса. «Что, спросилъ ее левъ, смердитъ или пахнетъ въ моемъ логовищѣ?» Хитрая лиса отвѣчала: «прости меня, свѣтлой царь! у меня теперь насморкъ, и я не могу отвѣчать тебѣ, смердитъ ли здѣсь, или пахнетъ; а лгать не смѣю.» И левъ ее пощадилъ, за то что умна была. Съ приведенной сказкой очень близко сходна чешская о царѣ-хорькѣ (*Westslawischer Märchenschatz. Ein Charakterbild der Böhmen, Mähren und Slowaken in ihren Märchen, Sagen, Geschichten, Volkssängen und Sprüchwörtern. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, Лейпцигъ, 1857, стр. 203—5*): Когда лягушки выбрали себѣ королемъ долгоногого аиста, то и куры не захотѣли отстать отъ нихъ, собрались всѣмъ міромъ и стали совѣтъ держать. Такъ какъ никто не хотѣлъ стерпѣть, чтобы другой надъ нимъ властвовалъ; но

всякой самъ добивался власти; то всѣ пѣтухи перебрались и вступили въ битву. Они такъ долбили другъ друга клювами, что гребешки ихъ были въ крови и перья летѣли во всѣ стороны. Наконецъ одинъ старой и мудрой пѣтухъ посоветовалъ, что лучше всего взять имъ въ короли хорька; онъ и силёнъ и съ крѣпкими зубами, его всѣ станутъ бояться, и тогда навѣрно будетъ покой и порядокъ. Советъ этотъ понравился, и пѣтухи тотчасъ отправили пословъ съ предложеніемъ къ хорьку. Хорёкъ принялъ ихъ дружелюбно и обѣщалъ защищать своихъ новыхъ подданныхъ отъ ястребовъ, которые хватаютъ цыплятъ, отъ куницъ, которыя выпиваютъ куриныя яйца, и отъ воробьевъ, что прямо у нихъ изъ-подъ носу воруютъ кормъ. Хорёкъ сѣлъ на тронъ, и всѣ пѣтухи и куры были рады, что у нихъ такой могучій и доброй король. Спустя нѣсколько времени захотѣлось хорьку курятинки; не желая вызвать ропотъ открытымъ насиліемъ, онъ рѣшился подъ благовиднымъ предлогомъ предать смерти какого-нибудь пѣтуха и высосать изъ него кровь. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ самаго жирнаго пѣтуха и спросилъ его: «не слышитъ ли онъ какого запаха?» Пѣтухъ былъ честная душа и прямо отвѣчалъ: «извини, король! я слышу отвратительную вонь.» Это былъ обыкновенный непріятной запахъ хорька. «Безстыдная тварь! возразилъ хорёкъ, и ты осмѣлился сказать это въ лицо твоему государю?» Амъ!—и откусилъ пѣтуху голову и выпилъ изъ него кровь. Потомъ приказалъ онъ позвать другаго пѣтуха и предложилъ ему тотъ-же вопросъ. Видя обезглавленный трупъ своего товарища и мордочку хорька, замаранную въ крови, бѣдной пѣтухъ затрѣсся и не могъ выговорить ни одного слова. «Что ты дрожишь? спросилъ хорёкъ строго; у тебя, вѣрно, недоброе на умѣ? Отвѣчай сейчасъ!» Пѣтухъ собралъ всѣ свои силы и чистымъ, сладкимъ голосомъ отвѣчалъ: «я чувствую, что здѣсь чудно пахнетъ!»—Коварный лжець! закри-

чалъ хорёкъ злобно; ты хочешь собственную негодность прикрасить лестью!» Амъ! — и сорвалъ съ него голову, а кровь высосалъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ позванъ третій пѣтухъ. Тотъ былъ хитёръ, и на вопросъ хорька отвѣчалъ: «извини, король! погода дурна, и у меня сильной насморкъ.» Хорёкъ, видя, какъ онъ умно выпутался изъ разставленной ему петли, засмѣялся и принялъ этого пѣтуха въ свою особенную милость.

Вотъ еще одна записанная нами народная русская сказка, въ которой главную роль играетъ лиса: Шла свинья въ Питеръ Богу молиться. Попадается ей волкъ на встрѣчу: «свинья, свинья! куда идешь?» — Въ Питеръ Богу молиться. «Возьми и меня.» — Пойдемъ, куманёкъ! Шли-шли, попадается лиса на встрѣчу: «свинья, свинья! куда идешь?» — Въ Питеръ Богу молиться. «Возьми и меня.» — Иди, кума! Шли они-шли, попадается имъ заяцъ: «свинья, свинья! куда идешь?» — Въ Питеръ Богу молиться. «Возьми и меня съ собой.» — Ступай, косой! Потомъ выпросилась еще бѣлка, и вотъ они шли-шли... Глядь — на дорогѣ яма глубокая и широкая; свинья прыгнула и попала въ яму, а за ней и волкъ, и лиса, и заяцъ, и бѣлка. Долго они сидѣли, сильно проголодались — ѣсть-то нечего. Лиса и придумала: «давайте, говорить, тянуть: кто всѣхъ тоньше запоетъ, того и скушаемъ.» Волкъ затанулъ толстымъ голосомъ: о-о-о! Свинья немного помягче: у-у-у! Лиса и того мягче: э-э-э! а заяцъ съ бѣлкою тонкимъ голоскомъ: и-и-и! Тотчасъ разорвали звѣри зайца да бѣлку и съѣли со всѣми косточками. На другой день лиса опять говоритъ: «кто толще всѣхъ запоетъ, того и скушаемъ.» Волкъ всѣхъ толще затанулъ: о-о-о! ну его и съѣли. Лиса мясо скушала, а кишечки подъ себя спрятала. Дня черезъ три сидитъ да ѣстъ себѣ кишечки; свинья и спрашиваетъ: «что ты, кума, кушаешь? дай-ка мнѣ.» — Эхъ, свинья! вѣдь я свои кишечки таскаю; разорви и ты свое брюхо, таскай кишечки и закусывай. Свинья то и сдѣлала, разорвала

свое брюхо и досталась лисѣ на обѣдъ. Осталась лиса одна-одинёхонька въ ямѣ; вылѣзла ль она оттудова, или и теперь тамъ сидитъ? право, не вѣдаю. (Сравни въ Нар. сказкахъ, собран. сельскими учителями, изданіе Эрленвейна, стр. 105—6.)

3.

БАБА-ЯГА.

Баба яга является дѣйствующимъ лицомъ во многихъ народныхъ русскихъ сказкахъ; см. сказку о трехъ царствахъ мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ (№ 5 I-го вып.), лубочное изданіе сказки объ Иванѣ-царевичѣ и царь дѣвицѣ и многія другія ¹⁾. Вездѣ является она съ одинаковою обстановкою. Преданія представляютъ ее безобразною старухою; именемъ яги, точно также какъ именемъ вѣдьмы, поселяне называютъ въ брань старыхъ и некрасивыхъ бабъ. Слѣдуя эпическому описанію сказокъ — баба-яга, костяная нога, голова пестомъ, лежитъ въ своей избушкѣ изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ или черезъ грядку ²⁾: подобныя выраженія служатъ насмѣшливымъ указаніемъ на ея уродливость ³⁾. Наряжаясь на святкахъ бабою-ягою, крестьянки стараются придать себѣ больше безобразія: старое, сморщенное лицо и черные зубы — необходимая принадлежность такого ряженья.

¹⁾ Наприм. печатныя сказки: о трехъ королевичахъ (М. 1847), о лягушкѣ и богатырѣ (М. 1847), объ Игнатіи-царевичѣ и Суворѣ-невидимкѣ (М. 1838), въ изданіи Русск. нар. сказокъ Бровицына (Спб. 1838) — о Василисѣ-золотой косѣ; о весьма чудныхъ и прекрасныхъ гусяхъ-самогудахъ (Дѣдушк. прогулки М. 1819); объ Ивашкѣ-медвѣжьемъ ушкѣ (Собр. рус. сказокъ. М. 1830) и проч. — ²⁾ Или: сидитъ на полу, ноги въ потолокъ. — ³⁾ Сличи съ выраженіями укорительныхъ пѣсенъ: «а ты самъ шестомъ, голова пестомъ, уши ножницами....» и проч.

Народныя сказки часто упоминають о трехъ сестрахъ: бабахъ-ягахъ, представляя ихъ хотя сварливыми, но услужливыми, готовыми подать добрый и мудрый совѣтъ и оказать помощь тѣми сверхъестественными силами, которыя находятся въ ихъ полномъ распоряженіи. Онѣ предвѣщаютъ сказочному герою, что ожидаетъ его впереди, даютъ ему клубокъ, который катясь указываетъ путь въ таинственныя страны, или чудеснаго коня, сапоги-самоходы и другія диковинки; изъ святочныхъ игръ можно заключать, что баба-яга мастерица загадывать загадки и разрѣшать ихъ темный смыслъ. Яга живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ (?), которая поворачивается по просьбѣ къ лѣсу задомъ, а къ пришельцу передомъ. Она ѣздитъ или летаетъ на шабаши вѣдьмъ и колдуновъ въ желѣзной ступѣ, погоняя толкачомъ (клюкою, костылемъ) и заметая помеломъ слѣдъ, точно также — какъ дѣлають вѣдьмы, летающія на кочергахъ и ухватахъ. Бѣлоруссы говорятъ, что яга *погоняетъ огненною метлою воздушныя силы*, которыя приводятъ въ движеніе ея ступу; когда она ѣдетъ — *земля стонетъ, вѣтры свищутъ, звѣри воютъ, нечистая сила реветъ* ¹⁾.

По всѣмъ этимъ признакамъ, баба-яга принадлежитъ къ числу тѣхъ *вѣщихъ* женъ (вѣдьмъ), которыя играли весьма замѣтную роль въ нашей старинѣ. Она присутствуетъ на вѣдовскихъ сборищахъ, даетъ мудрые совѣты, можетъ предвѣщать, разумѣетъ таинственный языкъ загадокъ, распоряжается могучими силами природы, летаетъ съ тѣми-же особен-

¹⁾ Терещенко: Бытъ рус. нар., ч. VII, стр. 162; Иллюстр., годъ 1, стр. 298; Чтен. Общ. истор. и древн. росс., годъ 3, № 3, статья Макарова, стр. 106; Прибавл. въ Жур. мин. нар. прос., 1846 г., кн. 1, стр. 19—20; Повѣсти и предан. нар. слав. племени, Боричевского, стр. 94; Абевега, стр. 324—5; Русск. преданія Макарова, ч. 1, стр. 60—63; ч. 2, стр. 17—25. О значеніи полетовъ вѣдьмъ смотри въ Отеч. Запис. 1852 г., № 3, стр. 14: «Зооморф. божества у славянъ».

ностями, какъ и вѣдьмы, наконецъ живетъ близъ лѣсовъ ¹⁾), религиозное значеніе которыхъ въ эпоху язычества общеизвѣстно.

Кромѣ доброй стороны въ характерѣ бабы-яги (въ первой сказкѣ этого выпуска она награждаетъ простосердечіе и наказываетъ злость), преданія представляютъ ее и злою, враждебною человѣку: подобно вѣдьмѣ, она похищаетъ и поѣдаетъ дѣтей (см. вторую сказку о ягѣ въ настоящемъ выпускѣ), о чемъ подробнѣе сказано въ примѣчаніи къ № 4. — Любопытно бы объяснить филологически значеніе слова: *яга*, но для этого пока не сдѣлано ничего основательнаго ²⁾).

Тѣ-же преданія о бабѣ-ягѣ находимъ у всѣхъ славянъ. Словаки говорятъ, что она живетъ въ темной пещерѣ въ лѣсу и представляютъ ее безобразною: скулы что два пригорка, носъ съ добрый горшокъ. У одного короля было двѣнадцать сыновей; отправились они искать себѣ невѣстъ, долго ходили и пришли наконецъ къ хаткѣ на курьихъ ножкахъ. Хатка повернулась и къ нимъ вышла баба-яга; она пустила странниковъ переночевать къ себѣ. Ночью младшій королевичъ, проснувшись, увидѣлъ въ печи раскаленную косу, которою яга хотѣла отсѣчь головы всѣмъ двѣнадцати братьямъ. Онъ разбудилъ братьевъ, и захвативъ съ собой башмаки-самоходы, которые могли бѣгать поверхъ воды, скрылся. Бабу-ягу словаки называютъ проклятою и вѣрятъ, что если она захочетъ — то заставитъ своими чарами идти дождь или свѣтитъ солнце ³⁾).

¹⁾ Въ одномъ заговорѣ (Сахар. Сказан. рус. нар., т. 1, стр. 26) сказано о вѣдьмѣ кievской, что она живетъ въ лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору, въ избушкѣ ни шитой, ни крытой. — ²⁾ Булгаринъ (Россія въ отношеніи историческ. и проч., ч. 2, стр. 232) ищетъ корень этого слова въ эстонскомъ нарѣчьи. — ³⁾ Боричевск. Повѣсти и преданія народовъ славян. племени, стр. 123—6, 145, 181—2, 185. См. вып. VII, № 30.

При встрѣчѣ съ героями сказокъ или почуя присутствіе скрытаго человѣка, колдуньи и бабы-яги обыкновенно произносятъ эти слова: «Фу, фу! доселева *русскаго духа* видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ русской духъ въ очью проявляется!» или: «что это русскимъ духомъ пахнетъ!»¹⁾ Тѣже слова произносятъ при встрѣчѣ съ сказочными героями и другія миѳическія лица: чудо морское, змѣй и всякая нечистая сила. Въ сказкѣ: «Марко Богатой и Василій Безсчастной» (вып. I, № 13) Змѣй, при входѣ въ свои палаты, почуялъ духъ спрятаннаго Василя и сказалъ: «что здѣсь пахнетъ русскимъ духомъ?» «Какъ сюда зайти русскому духу! отвѣчаетъ дѣвица. Ты по Руси леталъ, русскаго духу и набрался!»²⁾ Въ нѣмецкихъ сказкахъ подобныя восклицанія замѣняются такимъ выраженіемъ: «у-у-у! я чую: здѣсь пахнетъ *человѣческимъ мясомъ!*» — замѣна весьма знаменательная. Это выраженіе произносятъ при нечаянной встрѣчѣ съ человѣкомъ колдуны, вѣдьмы, драконы, великаны и нечистые, слѣдовательно тѣ лица, которымъ народная сказка приписываетъ пожираніе человѣческаго мяса (Гримм., т. 1, стр. 180; Norweg. Volksmärchen, ч. 1, № 5, 24, 27; ч. 2, № 6), что вѣроятно состоитъ въ связи съ преданіями о кровавыхъ языческихъ жертвоприношеніяхъ (см. примѣчаніе ко № 4). Въ одной изъ напечатанныхъ нами сказокъ о ягѣ она приказываетъ приготовить для себя въ ѣству дѣвочку;

¹⁾ Въ одной сказкѣ это выраженіе замѣнено словами: «фу, фу, фу! *русская коска*, зачѣмъ сюда пришла?» (сказка о трехъ царствахъ, № 5 настоящаго выпуска; лубочное издан. сказки объ Иванѣ-царевичѣ и царь-дѣвицѣ и мн. др.) Выраженіе: «русской духъ» употребляется здѣсь просто въ смыслѣ *человѣка*, противоположаемаго нечистой силѣ. «Зачѣмъ ты, *русской*, пришелъ сюда?» говоритъ чортъ крестьянину въ сказкѣ о злой женѣ. Въ старинной малоросійской думѣ (Записки о Южн. Руси, т. I, стр. 177) орелъ, летая надъ кораблями и предвѣщая имъ гибель отъ бури, кричитъ: «пхе, Руська кость пахнетъ!»

²⁾ Тоже въ сказкѣ «Федоръ Тугаринъ» (№ 14) произноситъ Вѣтеръ.

г. Боричевскій (Повѣсти и предан. нар. слав. племени, стр. 181) передаетъ такую же сказку о людоедствѣ яги, какая сообщена нами о вѣдьмѣ (№ 4). Въ чувашской сказкѣ (см. Чувашск. разговоры и сказки, стр. 36 — 37) старая вѣдьма, какъ только вошла въ избу, такъ и закричала: «что это человѣческимъ духомъ пахнетъ?» — Матушка, возражаетъ ей дочь, да развѣ ты не каждый день употребляешь въ пищу человѣческое мясо: такъ какому же другому запаху быть въ нашей избушкѣ! У финновъ бабѣ-ягѣ соотвѣтствуетъ Сіѣэтеръ, т. е. пожируха (Записки Импер. Академіи наукъ 1862 г., т. I, кн. 1, стр. 136, статья Шифнера). См. также въ Тысячѣ и одной ночѣ (ч. I, стр. 132—3) рассказъ о бабѣ-людоедкѣ.

Обѣ напечатанныя нами сказки о бабѣ-ягѣ, подобно многимъ другимъ сказкамъ, основаны на злобѣ мачихи къ дѣтямъ отъ прежняго брака ея мужа. Эта нелюбовь мачихи къ падчерицамъ и пасынкамъ составляетъ любимый мотивъ, варьируемый народными сказками. Норвежская сказка (Norweg. Volksmärchen, ч. I, № 15): «Дочь мужа и дочь жены» представляетъ первую дѣвочку доброю и прилежною, а послѣднюю злою и лѣнливою. Мачиха заставляетъ падчерицу идти на службу къ вѣдьмѣ (Trollweib), которая задаетъ ей трудныя работы: принести воды въ рѣшетъ и т. под.; но добрая дѣвочка, пользуясь наставленіями одной птички, исполняетъ всѣ ея приказанія и возвращается домой съ златомъ-серебромъ. Разсчитывая на такое же счастье, мачиха посылаетъ къ вѣдьмѣ свою родную дочь, но той назначена другая награда: какъ только откроетъ она ротъ, каждый разъ падаютъ оттуда змѣи, жабы и всякая дрянь. Сличи съ сербскою сказкою (Српско нар. приповијетке, № 35: «Опет маћеха и пасторка»), въ которой вѣщая жена даетъ бѣдной сиротѣ, притѣсняемой мачихою, такой даръ: «Кудгод ходила, сретна била, кад плакала, бисер ти ишао из очију место суза, и кад говорила, ружа

ти златна из уста излазила!» а злой мачихиной дочери: «тамо твој крваве сузе из очију летеле кад плакала, а кад говорила, тамо она прскала и балила те те не могли људи слушати.» Сказка, записанная въ Буковинѣ (см. *Zeitschrift für D. M.*, изд. Вольфа, т. I, стр. 42): «Двѣ дочери» передаетъ подобный же рассказъ: дочь мужа, добрая и услужливая, не стерпя преслѣдованій злой дочери мачихиной, идетъ ѿ дому искать на чужбинѣ себѣ службы. На пути (согласно съ напечатанною нами сказкою о ягѣ подъ буквою b и съ вариантомъ въ изданіи Эрленвейна, № 9) попалась ей поршивая собаченка—она ее вычистила, дерево въ червяхъ—она его обобрала, колодезь съ жабами и ящерицами—очистила его, развалившаяся печь — собрала ее, и потомъ нанялась въ службу къ Воскресенью (*Sonntag*), которое поручило ей созывать и купать птицъ со всего міра. Дѣвочка старательно исполняла свое дѣло, и Воскресенье дало ей въ награду ящикъ, который она должна открыть дома. На возвратномъ пути печь предложила ей калачей, колодезь утолилъ ея жажду, дерево дало ей золотыхъ яблокъ, а собака кошелекъ съ свѣтлыми дукатами; въ ящикѣ оказались драгоценные камни, золото и серебро. Недобрая дочь мачихина, увлекаясь корыстными побужденіями, также отправилась за своимъ счастьемъ, но дорогою была немилосерда, и службу свою у Воскресенья выполняла небрежно: обожгла всѣхъ птицъ горячей водою—и тѣ разлетѣлись въ разныя стороны. Въ награду она получила ящикъ съ жабами и змѣями ¹⁾; а на возвратномъ пути печь не дала ей ѣствы, колодезь — воды, дерево только ударяло ее своими гибкими вѣтвями, собака укусила ее за ѣкры. — Кромѣ вышеуказанной сербской сказки, Караджичъ сообщаетъ и другія,

¹⁾ Сличи съ сербскою сказкою подъ № 36: изъ ящика, даннаго дракономъ злой дочери, выскочили двѣ змѣи, бросились одна на мачиху, другая на ея дочь и выпили у нихъ очи (стр. 181).

содержаніемъ которыхъ послужили отношенія мачихи къ дѣтямъ ея мужа отъ перваго брака; смотри Српске народне приповијетке, № 33: «Зла маћеха»; № 34: «Маћеха и пасторка»; № 36: «Како су радиле, онако су и прошле»; см. также собраніе сказокъ братьевъ Гриммовъ, т. I, № 21; *Walachische Märchen*, № 4 («Царевна-гусятница» — въ этой сказкѣ мачиха запираетъ падчерицу на трое сутокъ безъ питья и пищи, а потомъ даетъ ей кусокъ хлѣба и кружку воды, въ которую положила маленькую змѣйку; дѣвочка съ жадностію выпиваетъ эту воду вмѣстѣ съ змѣей); собраніе сказокъ Броницына, № 4 (объ Иванѣ-Кручинѣ, купеческомъ сынѣ); Сочиненія Пушкина, изданіе Анненкова, на стр. 437 I-го тома, и слѣдующую сказку, записанную г. Данилевскимъ (Степныя сказки, Спб., 1852):

Былъ себѣ дѣдъ да баба. У дѣда была дочь и у бабы была дочь. Вотъ и говоритъ баба дѣду: «завези да и завези, дѣдъ, свою дочь!» — и везетъ онъ ее въ темный лѣсъ. Приѣзжаетъ въ лѣсъ, въ лѣсу стоитъ хатка; вотъ и говоритъ дѣдъ своей дочкѣ: «сиди же тутъ, а я пойду дровъ нарублю.» Выходитъ онъ изъ хаты, привязываетъ къ березѣ дощечку и ѣдетъ домой... Ждетъ-пождетъ отца дѣвочка, а дощечка отъ вѣтру: стукъ да стукъ! «Это мой батюшка дрова рубить!» думаетъ дѣдова дочка, и снова ждетъ отца. Но день склоняется къ вечеру, солнце заходитъ, а отецъ не возвращается. Настаетъ ночь, и дѣвочка слышитъ: промежъ деревьевъ, стучитъ, бѣжитъ, гремитъ лошадиная голова... Прибѣжала голова къ хаткѣ и говоритъ: «дѣвка, дѣвка, отвори двери!» Дѣвочка отворила. «Дѣвка, дѣвка, пересади меня черезъ порогъ!» Она пересадила. «Дѣвка, дѣвка, давай ужинать!» Она подала. «Дѣвка, дѣвка, постели постель!» Она постлала. «Дѣвка, дѣвка, говори мнѣ сказки!» Она стала говорить сказки. «Дѣвка, дѣвка, влѣзай мнѣ въ лѣвое ухо, а вылѣзай въ правое!» Она влѣзла въ лѣвое ухо, а вылѣзла въ правое — и стала красо-

ты неописанной, и сѣла въ золотую карету, съ серебряными лошадьми, и поѣхала въ свои земли... По дорогѣ заѣхала къ отцу, къ матери, одарила ихъ всѣми на свѣтѣ богатствами, и только не одарила своей сестры, бабиной дочки.

Проходитъ годъ. Дѣдъ да баба опять говорятъ между собою, и баба приказываетъ дѣду: «завези да и завези, дѣдъ, мою дочь, куда знаешь! завези туда, куда завозилъ ты и свою дочку!» Беретъ дѣдъ бабину дочку и везетъ ее въ темный лѣсъ. Приѣзжаетъ въ лѣсъ, въ лѣсу стоитъ хатка; вотъ и говоритъ онъ бабиной дочкѣ: «сиди же тутъ, а я пойду дровъ нарублю.» Дощечка опять качается отъ вѣтра и стучить. «Что онъ тамъ засѣлъ, старый индюкъ?» говоритъ со злости бабина дочка, и слышитъ: промежъ деревьевъ стучить, бѣжить, гремитъ лошадиная голова. Прибѣжала голова къ хаткѣ и говоритъ: «дѣвка, дѣвка, отвори двери!» — Не велика паня! и сама отворишь. Голова отворила двери. «Дѣвка, дѣвка, пересади меня черезъ порогъ!» — Не велика паня! и сама переступишь. Голова переступила черезъ порогъ. «Дѣвка, дѣвка, давай ужинать!» — Не велика паня! и сама возмешь. Голова поужинала. «Дѣвка, дѣвка, постели постель и положи меня спать!» — Не велика паня! и сама ляжешь. Голова легла. «Дѣвка, дѣвка, влѣзай мнѣ въ лѣвое ухо, а вылѣзай въ правое!» Бабина дочка влѣзла въ лѣвое ухо, а вылѣзла въ правое — и стала старою-престарою цыганкой, безъ зубовъ, и съ клюкою, и пошла въ лѣсную трущобу, и съ горя утопилась въ лѣсномъ болотѣ. (Сличи вып. IV, № 41; вып. V, № 15.)

Въ напечатанной нами сказкѣ дѣвочка, слыша за собой погоню бабы-яги, бросаетъ *полотенце* — является *рыбка*, бросаетъ *иребень* — и возникаетъ цѣлый *лѣсъ*. Сходно съ этимъ въ сказкѣ, напечатанной въ «Повѣстяхъ и преданьяхъ нар. слав. плем.» Боричевскаго (стр. 103—6), царевна, спасаясь

бѣгствомъ отъ вѣдѣмы, кидаетъ *гребенку* — является *рѣка*, *щетку* — вырастаетъ *лѣсъ*: изъ каждаго волоска дерево, золотое *яблоко* — возникаетъ *гора*, *простыню* — показывается цѣлое *море*; въ сказкѣ объ «Иванѣ-Кручинѣ, купеческомъ сынѣ» *лѣсъ* появляется вслѣдъ за кинутымъ *голикомъ*, а *горы* вслѣдъ за кинutoю *щеткою*. Тѣже преданія сохраняются въ нѣмецкихъ сказкахъ, въ которыхъ дѣти, спасаясь бѣгствомъ, бросаютъ *щетку*, *гребень* и *зеркало* — и возникаютъ громадныя горы: Bürstenberg, Kammberg, Spiegelberg (Грим., т. I, стр. 462 «Wassernixe»); королевичъ, убѣжавшій отъ великана, кидаетъ *кусокъ соли* (Salzstein) — и возникаетъ высокая *гора*, выливаетъ изъ фляги одну-двѣ *капли воды* — и рождается *море*; другой сказочный герой, преслѣдуемый троллемъ, бросаетъ *терновую лозу* — и мгновенно вырастаетъ густой и дикой *терновникъ*, бросаетъ *камень* — подымается *скала*, брызгаетъ изъ фляги *водою* — и проливается цѣлое *море*; когда онъ принимался за это послѣднее средство, вѣрный конь сказалъ ему: «берегись, не брызгни на меня, чтобъ намъ не потонуть!» (Norweg. Volksmärchen, ч. I, № 14; ч. II, № 16.) Эти чудесныя щетки, гребни и другія вещи похищаются героями сказокъ у вѣдѣмъ, великановъ и разныхъ мифическихъ дѣятелей и составляютъ принадлежность чародѣйства. Вѣдѣмы, великаны, змѣи огненные могли свободно управлять стихіями: для нихъ довольно (по стариннымъ преданіямъ) капли воды, чтобъ явилось цѣлое море, одной лозы, чтобъ выросъ дремучій лѣсъ, и одного камня, чтобъ поднялись высокія скалы. Изъ волосъ щетки, брошенной бѣглецомъ, вырастаетъ лѣсъ: преданіе любопытное, если мы сблизимъ его съ другими старинными повѣрьями. По свидѣтельству азбуковниковъ тѣло человѣческое создано отъ земли, а волосы отъ травы ¹⁾. Народныя загадки метафорически называютъ

¹⁾ Бусл. О вліян. христ. на сл. яз., стр. 77. 84.

волоса — лѣсомъ, а траву — волосами: «ой на гори *гай*, пидъ гаємъ мигай, пидъ мигаємъ сопай, пидъ сопаємъ хапай» (значитъ: голова, *волоса*, очи, носъ, ротъ); «подъ *лѣсомъ-лѣсомъ* колеса съ повѣсомъ» (знач. подъ спущенными косами висятъ серьги); «летѣла тѣнь на Петровъ день, стала плакать, ажъ *волосы* вянуть» (знач. трава, которую скосили). ¹⁾

4.

ВѢДЬМА.—ТЕЛЬПУШОКЪ.

О значеніи вѣдьмъ въ древней русской жизни смотри мои статьи: «Вѣдунъ и вѣдьма» (Комета, альманахъ, изд. г. Щепкинымъ) и «Зооморф. божества у славянъ» (Отеч. Записки 1852 г. № 3, стр. 11—17).

Сказка о «вѣдьмѣ» встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ русскаго царства (см. сборникъ Худякова, вып. 2, № 52 и 53; Малорус. литер. сборн. Мордовцева, стр. 366—370; Записки о Южн. Руси, т. 2, стр. 17—20; Черниг. губ. вѣдом. 1855 г., № 17). Записанная нами въ воронежской губерніи, гдѣ великорусское населеніе смѣшано съ малорусскимъ, сказка эта носитъ на себѣ явные слѣды малороссійской редакціи ²⁾; въ «Маякѣ» (т. XV) помѣщена бѣлорусская ея редакція: здѣсь мѣсто дочери вѣдьмы заступаетъ ея сынъ, который приманиваетъ изъ сосѣднихъ селъ мальчиковъ игрушками и

¹⁾ Галицк. и малорус. загадки, стр. 9; Москвит. 1852 г., № 23, стр. 100, статья г. Терещенка. — ²⁾ Малороссійская сказка о вѣдьмѣ и Ивашкѣ передана въ стихахъ въ изданіи «Наськы украиньскы казкы» — подъ заглавіемъ: «Казка про маленького Ивася, Змію, дочку іп Алесю, та заднихъ гусенятъ.» Таже сказка есть и у болгаръ; сличи съ сербской сказкою—Српске народн. припов. № 35, стр. 174—5.

похищаетъ ихъ. Вѣдьма, покушавши своего собственнаго сына, катается по землѣ и приговариваетъ: «покатюся-повалюся, наѣвшия *человѣческаго мяса!*»—а смѣлый мальчикъ съ вершины дерева вторитъ ей: «покатись-повались, вѣдьмарскаго мяса наѣвшись!» Вѣдьма принялась грызть дерево; но мальчикъ увидѣлъ, что мимо летятъ гуси, которыхъ онъ пасъ, и сталъ просить: «гусочки, гусочки! *бросьте мнѣ по перу, я съ вами полечу.*» Гуси дали ему по перу, и *окрыленный мальчикъ обратился въ гуся и улетѣлъ.* Вѣдьма жила въ хатѣ на курьихъ лапкахъ, въ которой пахло запахомъ человѣческаго мяса; дверныя петли были изъ человѣческихъ суставовъ, закрутка изъ руки, а вся хата обтянута человѣчьей кожей (въ отдѣлѣ смѣси, стр. 21—22). Подобная же сказка напечатана въ «Повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ слав. племени» (стр. 123—6: славакская) и въ «Трудахъ Общества любит. россійск. словесности» (ч. XVII, 1850 г., стр. 127—130: русская), но здѣсь вмѣсто вѣдьмы названа баба-яга. У яги было три дочери. Мать заманила къ себѣ русскаго мѡлодца Фалю и потребовала, чтобъ онъ въ одинъ день, одинъ часъ и одну минуту сдѣлался мужемъ всѣхъ трехъ ея дочерей. Фаля не согласился, и баба-яга приказала его сжарить; но Фаля ухитрился и сжарилъ своихъ невѣстъ. Яга, покушавъ этого жаркаго, *разметала кости и стала по нимъ кататься*, приговаривая: «повалюся-покатюся по Фалеюшкинымъ косточкамъ!» А Фаля: «покатайся-ко ты, поваляйся-ко ты по дочернинымъ по косточкамъ!» Баба-яга превратила за то Фалю въ осла. О поѣданіи ягою человѣческаго мяса смотри сказку настоящаго выпуска подъ № 3. Бѣлоруссы увѣряютъ, что баба-яга показывается, когда не достанетъ человѣческаго мяса, которымъ она питается, и похищаетъ дѣтей; что *Смерть передаетъ умершихъ бабъ-ягъ, съ которою она часто разбѣзжаетъ вмѣстѣ; что яга и подчиненныя*

ей вѣдьмы питаются душами людей, и отъ того дѣлаются легкими, какъ души ¹⁾).

Есть еще бѣлорусская сказка: «Три сестры», основою которой послужила страсть вѣдьмы къ пожиранию дѣтей. Въ одной деревнѣ жили три замужнія сестры. Разъ мужья ихъ куда-то уѣхали. Въ это время приходитъ къ старшей сестрѣ вѣдьма попросить заступа, но когда та пошла за заступомъ и воротилась, то не нашла въ избѣ ни вѣдьмы, ни ребенка своего. Побѣжала она по дорогѣ, и спрашиваетъ у рябины: «рябинка, рябинка! не видала-ль ты вѣдьмы съ ребенкомъ?» — Очисти меня, подбери меня, тогда скажу. «Нѣту времени!» съ досадою сказала крестьянка и пустилась дальше. Тоже случилось и при распросахъ, обращенныхъ къ яблонѣ, грушѣ, коровѣ, колодцу и квашнѣ. Яблоня и груша просили очистить ихъ, корова — выдоить ее, колодецъ — накрыть его, квашня — замѣсить въ ней тѣсто; крестьянка всѣмъ отказала и прибѣжала наконецъ къ маленькой избушкѣ; входитъ въ нее, а тамъ сидитъ старая вѣдьма, въ печи на огнѣ кипитъ смола, а на припечкѣ лежитъ ребенокъ. «Зачѣмъ кипитъ смола?» спрашиваетъ несчастная мать. — Хочу сварить твое дитя, отвѣчаетъ вѣдьма. Мать стала молить и просить. «Почеши мнѣ голову», сказала вѣдьма. Крестьянка повиновалась, но только расправила ей волосы, какъ смола побѣжала черезъ край горшка. «Отставь горшокъ!» говоритъ вѣдьма; мать схватываетъ горшокъ со смолою, бросаетъ его на вѣдьму, потомъ беретъ своего ребенка и убѣгаетъ. Котъ продралъ вѣдьмѣ глаза, и она пустилась въ погоню; квашня, колодецъ, корова, груша, яблоня и рябина указали ей дорогу; вѣдьма догнала и разорвала ребенка на части. На другой день тоже несчастіе постигло среднюю сестру, а на третій день вѣдьма посѣтила младшую сестру-дурочку и похитила у нея

¹⁾ Прибавл. къ Жур. мин. нар. пр. 1846, кн. I, стр. 19—20; кн. IV, стр. 110.

ребенка. Сестра-дурочка исполнила требованія рябины, груши, яблони, коровы, колодца и квашни; отъ деревьевъ получила за то плоды, отъ коровы кринку молока, отъ колодца бутыль воды, отъ квашни хлѣбъ. Она залила вѣдьму смолою, но убѣгая бросила коту всѣ полученные ею припасы. «Коть, продери очи!» кричала вѣдьма.—Постой, съѣмъ хлѣбъ! Съѣлъ хлѣбъ; вѣдьма опять кричитъ: «котъ, продери очи!»—Подожди съѣмъ молоко, и такъ далѣе. Когда онъ собрался продирать вѣдьмѣ очи, мать съ ребенкомъ была уже дома (Маякъ, т. XV, смѣсь, стр. 17—19).

Такъ люди сострадательные и простосердечные постоянно дурачатъ и обманываютъ въ сказкахъ колдуновъ, вѣдьмъ и всякую нечистую, злую силу. Народный эпосъ отдаетъ перевѣсъ нравственнымъ достоинствамъ.

Подобныя сказки встрѣчаемъ у другихъ славянъ (въ изданіи Гаупта и Шмалера: *Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz*, т. II, стр. 172—4; Этногр. сборн., вып. V, стр. 132, въ статьѣ о кашубахъ, гдѣ мѣсто вѣдьмы заступаетъ великанка) и у нѣмцевъ. Въ изданіи братьевъ Гриммовъ (т. I, № 15) помѣщена сказка «Hänsel und Grethel»: здѣсь сама вѣдьма попадаетъ въ западню хитрой дѣвочки; братъ и сестра спасаются бѣгствомъ, прибѣгаютъ къ водѣ и просятъ утку перевезти ихъ на другую сторону:

Entchen, Entchen!

Da steht Grethel und Hänsel,

Kein Steg und keine Brücke,

Nimm uns auf deinen weissen Rücken.

Утка перевезла ихъ. Въ другой нѣмецкой сказкѣ упоминается о человѣческомъ мясѣ и крови въ домѣ колдуна (т. I, стр. 264). Въ собраніи норвежскихъ сказокъ встрѣтили мы двѣ, весьма близкихъ по своему содержанію съ нашими сказками.

Вотъ содержаніе одной сказки (Norweg. Volksmärchen, ч. I, № 1): Замарашка (Aschenbrödel) похитилъ у тролля ¹⁾ серебряныхъ утокъ, одѣяло съ серебряными и золоты миузорами и золотую арфу, отъ звуковъ которой всякой дѣлался веселъ. Тролль захватилъ вора и сталъ его откармливать, чтобы потомъ съѣсть. Прошло восемь дней. Тролль сказалъ своей дочери: «пойди и отрѣжь у вора мизинецъ, чтобы я могъ видѣть: жиренъ ли онъ?» Дочь пошла; «дай свой пальчикъ!» сказала она заключенному бѣдняку. Замарашка протянулъ ей деревянный колокъ (гвоздь). «Ахъ, сказала дочь тролля; не годится для ѣды, онъ еще жѣстокъ, какъ бревно!» Тоже было и въ другой разъ, но въ третій Замарашка протянулъ ей свѣчной огарокъ. «Теперь пора!» сказала она. Замарашка взялся помогать ей и сталъ точить на себя ножъ. «Дай-ка я попробую о твою косу, остеръ ли ножъ?» сказалъ онъ. Дочь тролля позволила; Замарашка отрубилъ ей голову, изготавилъ изъ нея кушанье и поставилъ на столъ; а тролль спокойно съѣлъ свою собственную дочь.

Другая норвежская сказка: «Schmierbock» не менѣе любопытна. Была-жила баба, у ней былъ маленькой сынъ, да такой толстой да жирной, что его прозвали: Schmierbock (жирный козелъ). Разъ баба приготавлиала хлѣбы; вдругъ собака стала лаять. «Побѣги, Schmierbock, сказала мать, и посмотри, чего она лаетъ?» Мальчикъ сбѣгалъ, и воротясь, сказалъ: «Ахъ, Господи! къ намъ пришла высокая вѣдьма (Trollweib), съ головою подъ мышкой и съ мѣшкомъ на спинѣ.» — Влѣзай въ квашню и спрячься... Вошла вѣдьма. «Доброй день!» сказала она. — Спасибо, отвѣчала баба. «Schmierbock дома?» — Нѣтъ, онъ съ отцемъ въ лѣсу. «Жаль, а я хотѣла подарить ему серебряной ножицекъ.» — Пипъ, пипъ, я здѣсь! сказалъ

¹⁾ Колдуна.

мальчикъ и выползъ изъ квашни. «Я стара, спина у меня не сгибается, сказала вѣдьма; полѣзай самъ въ мѣшокъ и достань ножичекъ.» Мальчикъ полѣзъ. Вѣдьма схватила мѣшокъ вмѣстѣ съ нимъ на спину и ушла. Утомленная она легла на дорогѣ и заснула. Schmierbock прорѣзалъ въ мѣшкѣ дыру и ушелъ домой. Въ другой разъ случилось тоже, но въ третій разъ вѣдьма, не отдыхая на дорогѣ, принесла мальчика въ свой домъ и сказала своей дочери: «вотъ Schmierbock; возьми его, зарѣжь и свари супъ!»—а сама ушла. Дочь хотѣла зарѣзать мальчика, но не знала, какъ это сдѣлать. «Погоди, я тебѣ покажу!» сказалъ мальчикъ; положи голову на скамью.» Она положила голову на скамью; Schmierbock схватилъ топоръ и отсѣкъ ей голову, положилъ туловище въ котелъ и сварилъ супъ, а самъ залѣзъ въ трубу. Вѣдьма пришла домой и стала кушать, приговаривая: «вкусенъ супъ изъ Schmierbock'a!» А мальчикъ въ трубѣ переговариваетъ ее: «вкусенъ супъ изъ вѣдьмарской дочери!» Вѣдьма бросилась посмотрѣть, кто сидитъ въ трубѣ, а Schmierbock кинулъ ей въ голову камень и убилъ ее. Послѣ того онъ забралъ все золото и серебро вѣдьмы и воротился домой къ матери (Norwegische Volksmärchen, ч. 2, № 22). См. также Deutsche Volksmärchen in Siebenbürgen, изд. Гальтриха, № 37.

Вѣдьмамъ, по народнымъ преданіямъ, принадлежало совершеніе жертвенныхъ обрядовъ; существованіе человѣческихъ жертвъ у славянъ доказывается несомнѣнными свидѣтельствами старины (см. Изслѣдованіе о языч. богослуженіи древнихъ славянъ, соч. Срезневскаго, стр. 76 и дал.); эти человѣческія жертвы приносились, судя по ихъ мрачному значенію, божествамъ темнымъ, злымъ, во главѣ которыхъ стояла всепожирающая и вѣчноголодная Смерть. Вѣроятно, въ связи съ этими данными, народная сказка приписываетъ колдунамъ и вѣдьмамъ пожираніе человѣческаго мяса, а бѣлорусское

повѣрье, поставляя вѣдьмъ въ близкія отношенія съ ненасытною Смертію, утверждаетъ, что онѣ питаются душами умершихъ.

Любопытно начало сказки «Тельпушокъ»: бездѣтные родители берутъ чурбанъ, кладутъ его въ колыбель, начинаютъ качать и причитывать надъ нимъ, какъ надъ ребенкомъ, и вотъ силою припѣва (заговора) они достигаютъ исполненія своего завѣтнаго желанія — изъ обрубка дерева рождается мальчикъ.¹⁾ Если мы припомнимъ свидѣтельство древней Эдды о первозданныхъ людяхъ-ясени и ольхѣ и остановимъ вниманіе на остроумныхъ выводахъ Куна (*Die Herabkunft des feuers*, стр. 70—78) о мифической связи живаго огня, добываемаго треніемъ двухъ полѣньевъ, съ происхожденіемъ перваго человѣка; то необходимо признаемъ и за нашимъ сказочнымъ преданіемъ глубочайшую древность.

5. 6.

СКАЗКА О ТРЕХЪ ЦАРСТВАХЪ — НОРКА-ЗВѢРЬ.

Обѣ названныя сказки представляютъ только разныя редакціи одного и того же разсказа, и обѣ основаны на обычномъ эпическомъ мотивѣ о трехъ братьяхъ: двухъ умныхъ, но злыхъ, и третьемъ — простодушномъ и довѣрчивомъ. На этомъ мотивѣ народная фантазія создала много различныхъ разсказовъ. Укажемъ на сказку о жарь-птицѣ, встрѣчаемую у разныхъ народовъ²⁾; здѣсь также выведены на сцену три брата; меньшой братъ смѣлъ и рѣшителенъ, онъ добываетъ чудесную жарь-

¹⁾ Въ другихъ сказкахъ (вып. VI, № 17, б; вып. VIII, № 6, б) ребенокъ рождается изъ полѣна, положеннаго на печь. — ²⁾ См. Грим. *Kinder- und Hausmärchen*, *Walachische Märchen* и лубочное изданіе (вып. VII, № 11).

птицу, коня золотогриваго и прекрасную царевну, а старшіе братья, пользуясь его сномъ, убиваютъ бѣдняка и все добытое имъ присвоиваютъ себѣ. Сказка эта, даже по своему изложенію, въ началѣ весьма сходна со сказкою: «Норка-звѣрь»; только вмѣсто жарь-птицы, похищающей золотыя яблоки, въ послѣднемъ разсказѣ является чародѣй въ образѣ чудеснаго Норки-звѣря, который когда спитъ, то отъ его храпа бьетъ волна на семь верстъ. Въ другихъ вариантахъ этой сказки, вмѣсто звѣря-Норки, является вѣдьма въ видѣ большого сокола (Повѣсти и предан. нар. слав. плем., стр. 107—111) или волкъ, захватывающій табуны лошадей (въ издан. Эрленвейна, стр. 164).

Меньшой, третій братъ въ сказкѣ о трехъ царствахъ, названъ Ивашко *Запечный*; тоже прозванье дано въ венгерской сказкѣ меньшому брату, который постоянно сидѣлъ у печки (Повѣсти и предан. нар. славян. племени, стр. 127—9), что напоминаетъ намъ сказочнаго Емелю: тотъ весь вѣкъ свой лежалъ на печи и даже отправился на ней къ царскому двору. Въ одной сказкѣ (вып. II, № 30) третій братъ названъ Иванъ *Попяловъ*: «ѡнъ двѣнадцать лѣтъ ляжавъ у попялѣ, вопася таго вставъ изъ попялу, и якъ стряхнувся, дакъ изъ ягò злятѣло шесть пудовъ попялу.» Такое представленіе вполне согласуется съ показаніями сказокъ норвежскихъ и нѣмецкихъ. Въ норвежскихъ (ч. I, № I, 6, 27; ч. II, № 1, 6, 19, 21) третій, глупой сынъ, на долю котораго подъ конецъ выпадаетъ довольство и счастье, называется *Aschenbrödel*, ибо онъ постоянно сидитъ у роднаго очага, возится въ золѣ и ходитъ замарашкою; въ нѣмецкихъ сказкахъ ему придаютъ названіе: *Aschenputtel* (Грим., т. I, № 21). Сидѣть близь очага, нѣкогда обожаемаго цѣлой семьей, — знакъ, что чело-вѣкъ отдаетъ себя подъ покровительство и охраненіе родныхъ пенатовъ, знакъ особенной привязанности къ домашнему кро-

ву, семейной жизни и ея кроткимъ добродѣтелямъ, знакъ полного подчиненія семейной власти и принятія на себя хозяйственныхъ заботъ и трудовъ. Подъ замаранною отъ дыму и пепла одеждою таятся чувства набожности, любви, кротости, распорядительность и трудолюбіе; всѣми этими качествами и надѣлены сказочные герои, извѣстные подъ именами: Aschenbrödel и Aschenputtel. По польскимъ и чешскимъ преданіямъ родоначальникомъ и представителемъ славянскаго племени былъ *Попель*.

Въ напечатанной нами сказкѣ три брата отправляются *искать себѣ невестъ*. Такое исканіе невесты есть тоже обычный мотивъ народныхъ эпическихъ сказаній; оно сопряжено съ преодоленіемъ многихъ трудностей и опасностей, описаніе которыхъ и наполняетъ содержаніе сказки. На такой основѣ создалась бѣольшая часть народныхъ сказокъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Обыкновенно сказка начинается желаніемъ героя добыть себѣ славную красотой невесту или освободить мать, жену, сестеръ, похищенныхъ враждебными силами. На первомъ планѣ народныхъ эпическихъ рассказовъ является поразительная красота женщины, ради которой совершаются многіе трудные подвиги. Вѣрный избранной цѣли, герой сказки отправляется странствовать, дѣлается вольнымъ искателемъ приключеній и подвергается страшнымъ опасностямъ: путь его есть путь постоянныхъ лишеній, долгихъ трудовъ и почти неотразимыхъ препятствій. Онъ знаетъ, что эти препятствія внѣ власти слабыхъ человѣческихъ силъ, но, съ избыткомъ надѣленный чрезвычайною смѣлостію духа и добротою сердца, рѣшается на борьбу съ ними. Чтобы преодолѣть всѣ затрудненія, какія противопоставляются сказочному герою гигантскими силами природы и чародѣйства, необходимы ему и необычайная крѣпость мышцъ, и сверхъестественная помощь «вѣщихъ» людей и мѣстическихъ дѣяте-

лей. Иліада рассказываетъ про героическую борьбу боговъ и витязей, вызванную похищеніемъ прекрасной Елены, жены Менелая. Финская поэма «Калевала» повѣствуетъ о трехъ братьяхъ, одаренныхъ высшими божественными силами, какъ они добываютъ себѣ невѣсту, о красотѣ которой идетъ далекая молва, и какимъ ради ея подвергаются страшнымъ опасностямъ. Въ кельтской сказкѣ: «Кильвшъ и Ольвена» Кильвшъ, сынъ правителя Келиддона Килидда, ищетъ красавицу Ольвену, и чтобы получить ее — долженъ, по условію съ ея отцемъ, совершить многіе трудные подвиги, повѣствованіе о которыхъ и составляетъ содержаніе эпопеи ¹⁾. Сказанія о подвигахъ, совершаемыхъ съ цѣлю добыть красавицу-невѣсту, встрѣчаемъ у славянъ, нѣмцевъ, скандинавовъ, и въ подробностяхъ этихъ сказаній замѣчается большое сходство. Зная характерическія черты первобытныхъ обществъ, въ обычаяхъ которыхъ долго удерживались *похищеніе* и *купля женъ*, для насъ понятно, почему такимъ богатымъ мотивомъ народныхъ эпическихъ сказаній послужило добываніе невѣсты. Чтобы добыть невѣсту, славящуюся своей необычайной красотой, необходимы были: доблесть, сила, хитрость (умъ); не удивительно, что искатели обязаны были подчиняться волѣ ея родителей и выполнять много трудныхъ *задачъ*, въ уплату за несказанную красоту невѣсты. А что же составляетъ содержаніе народнаго эпоса, какъ ни доблесть, сила, хитрость и совершеніе трудныхъ и опасныхъ подвиговъ?

Въ сообщенныхъ нами сказкахъ «о трехъ царствахъ» и «Норка-звѣрь» герой, искатель приключеній, спускается въ подземный край чрезъ глубокое отверстіе (*нору*), которое прикрито громадною скалою; а въ лубочномъ изданіи сказки «о трехъ царствахъ» герой напротивъ подымается на верши-

¹⁾ Кельтич. поэзія британскихъ бардовъ — въ Отеч. Записк. 1854 г., № 8, стр. 27—28.

ну крутой и высокой горы. Хотя текстъ лубочнаго изданія и носитъ на себѣ явные слѣды испорченности; но какъ изданіе это представляетъ нѣкоторыя любопытныя подробности, согласныя съ народными преданіями, то мы перепечатаваемъ его здѣсь:

СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ, СЕРЕБРЕНОМЪ И МѢДНОМЪ ЦАРСТВАХЪ¹⁾.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ царь съ супругою своею, и имѣли они у себя трехъ прекрасныхъ сыновей, изъ которыхъ называли большаго: Василій-царевичъ, а средняго: Ѳедоръ-царевичъ, а меньшаго: Иванъ-царевичъ. Въ одинъ день царь прогуливался въ саду и съ супругою своею. Вдругъ поднялся вихоръ и унесъ царицу изъ глазъ его²⁾, о чемъ царь весьма былъ печаленъ, долгое время соболѣзнуя о своей супругѣ. Старшіе его два сына испросили у печальнаго отца своего благословеніе и отправились въ путь свой искать матери своей. Бдучи съ своими людьми долгое время, заѣхали они въ дикую степь, раскинули палатки и ожидали, не увидятъ ли кого, кто бы указалъ имъ дорогу; однако чрезъ три года никого не видали, а между тѣмъ подросъ меньшей братъ Иванъ-царевичъ. И тотъ также, испрося у отца своего благословеніе и простясь, отправился въ путь. По долговременномъ путешествіи увидѣлъ онъ вдали палатки и поѣхалъ къ нимъ, и какъ сталъ подъѣзжать ближе, то и узналъ, что это были его братья. Пріѣхавши, сказалъ онъ: «что вы, братцы, въ такой дикой степи остановились? Отпустимте своихъ людей въ наше государство, и поѣдемъ лучше одни искать своей матери.» Братья по его совѣту учи-

¹⁾ Въ другихъ спискахъ: «Сказка о золотой горѣ». — ²⁾ Сличи съ подобнымъ же рассказомъ въ лубочномъ и печатномъ изданіяхъ сказки объ Иванѣ-царевичѣ и царь-дѣвицѣ.

нили, и поѣхали въ путь, и ѣхали они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро-то сказка сказывается, а дѣло-то нескоро дѣлается, и усмотрѣли вдали дворецъ хрустальной, обнесенъ такою же стѣною вокругъ, и пріѣхали къ оному. Тогда Иванъ-царевичъ, найдя ворота, взѣхалъ на дворъ, и подѣзжая къ крыльцу, увидѣлъ столбъ, въ которомъ было два кольца: одно золотое, другое серебряное. Продѣвши поводъ въ оба кольца, привязалъ онъ своего коня богатырскаго; потомъ пошелъ на крыльцо. И встрѣчаетъ его самъ король, и по довольномъ разговорѣ король узналъ, что онъ былъ ему племянникъ, и повелъ его въ покои, куда и братьевъ Ивана-царевича пригласилъ. Погостили они недолгое время и получили отъ короля въ подарокъ волшебный шаръ, который поката передъ собою — доѣхали до высочайшей горы, гдѣ и остановились. Крутизна горы была столь высока, что на нее взлѣсть имъ никакъ было не можно. Послѣ того Иванъ-царевичъ нашелъ скважину, гдѣ попались ему на руки и на ноги желѣзные когти, помощію коихъ взошелъ онъ на самый верхъ горы. Уставши, сѣлъ онъ подъ дубъ для отдохновенія, и лишь только снялъ съ себя когти — вдругъ оные исчезли. Вставши, увидѣлъ онъ вдали палатку, сдѣланную изъ самага тонкаго батисту, на коемъ изображалось мѣдное государство, а на верху оной палатки поставленъ былъ шаръ мѣдной. При входѣ оной лежали два превеликіе льва, которые не допускали войти въ палатку. Иванъ-царевичъ, увидя стоявшіе при нихъ тазы пустые, налилъ воды и утолилъ ихъ жажду, и они дали свободный входъ въ палатку. По входѣ въ оную увидѣлъ онъ на софѣ сидящую прекрасную царевну, а въ ногахъ у ней спалъ змѣй треглавоу, которому онъ однимъ махомъ всѣ три головы отсѣкъ, — за что царевна его благодарила, и подарила ему яйцо мѣдное, скрывающее въ себѣ мѣдное государство. И такъ царевичъ, простясь съ нею, отправился въ путь, и

шедши долгое время увидѣлъ вдали палатку, сдѣланную изъ самаго тонкаго флеру и привязанную къ кедровымъ деревьямъ серебряными шнурками, у коихъ кисти были изумрудныя, а на палаткѣ изображено серебряное государство и на верху былъ поставленъ серебряной шаръ. При входѣ оной палатки лежали два превеличайшіе тигра, которыхъ жажду отъ солнечнаго зноя утолилъ водою, и сдѣлалъ себѣ свободный входъ въ палатку. И какъ вошелъ туда Иванъ-царевичъ, то увидѣлъ на софѣ сидящую весьма богато-убранную царевну, красотою превосходнѣе первой. У ногъ ея лежалъ шестиглавой змѣй и вдвое противъ прежняго бѣльшій, которому онъ за одинъ разъ отрубилъ двѣ головы,—за что царевна, видя его силу и неустрашимость, подарила ему серебряное яйцо, сокрывающее въ себѣ серебряное государство. Простясь и съ этой царевной, пошелъ Иванъ-царевичъ далѣе, и достигъ наконецъ до третьей палатки, которая была сдѣлана изъ самаго чистаго каротку (?), на коемъ было вышито золотое государство, а на палаткѣ былъ шаръ изъ самаго чистаго золота; она была прикрѣплена къ лавровымъ деревьямъ золотыми шнурками, у коихъ были привѣшены алмазныя кисти. При входѣ оной лежали два великіе крокодила, которые отъ великаго жару испускали огненное пламя. Царевичъ, видя ихъ жажду, наполнилъ ихъ пустые тазы водою, и тѣмъ учинилъ себѣ свободный входъ въ палатку. И тамъ увидѣлъ царевичъ на софѣ сидящую царевну, красотою превосходнѣе прежнихъ; у ногъ ея лежалъ двѣнадцатиглавой змѣй, которому съ двухъ разъ всѣ головы отрубилъ. Царевна за сіе подарила ему золотое яйцо, содержащее въ себѣ золотое государство, а съ яйцомъ вручила ему свое сердце, и по довольномъ разговорѣ указала ему, гдѣ живетъ его мать, и желала ему счастливо предпріятіе окончать. По довольномъ путешествіи достигъ Иванъ-царевичъ до великолѣпнаго дворца и въ немъ прошелъ многіе

покои, и не нашелъ ни одного человѣка. Напослѣдокъ пришелъ въ пребогато-убранную залу и увидѣлъ мать свою въ царской одеждѣ, сидящую въ креслахъ, и по нѣжныхъ между ими ласкательствахъ и учтивыхъ разговорахъ объявилъ ей, что онъ съ братьями многія лѣта странствовалъ. Вдругъ мать почувствовала Духа и сказала Ивану-царевичу: «спрячься подъ мою одежду, и какъ Вихрь прилетитъ и станетъ меня ласкать, то старайся ухватиться руками за его волшебную палицу; онъ подыметъ на воздухъ—ты не страшися, а какъ опустится на землю и рассыпится на мелкія части—ты все собери и сожги, а пепелъ развей по полю.» Лишь только мать успѣла сказать и спрятать Ивана-царевича подъ свою одежду, ту минуту Вихрь прилетѣлъ и началъ ласкаться къ царицѣ. Тогда царевичъ, по совѣту матери своей, ухватился за волшебную палицу. Вихрь, осердясь на царевича, поднялся на высоту, потомъ опустился на землю и рассыпался на мелкія части. Царевичъ, все части подобравъ, сжогъ, а пепелъ развѣялъ по полю, и овладѣлъ волшебною палицею. Взявши мать свою и трехъ царевенъ, Иванъ-царевичъ пришелъ къ дубу, гдѣ всехъ по полотну спустилъ внизъ. Братья его, какъ Иванъ-царевичъ одинъ остался на горѣ, обрѣзали полотно и уѣхали съ матерью и царевнами въ свое государство, и велѣли имъ клясться, что отцу скажутъ, будто онѣ найдены старшими царевичами. А Иванъ-царевичъ, оставшись одинъ на горѣ, не смѣлъ спуститься съ оной, видя, что полотны обрѣзаны, и ходилъ по горѣ, перекидывая палицу съ руки на руку. Какъ вдругъ предсталъ передъ него человѣкъ, который снесъ его съ горы и поставилъ на площади его государства, гдѣ Иванъ-царевичъ встрѣтился съ однимъ башмашникомъ, у коего нанялся онъ въ работники. Хозяинъ, купя кожъ довольное число, напился пьянъ и легъ спать. Иванъ-царевичъ, видя, что въ хозяинѣ проку мало, призвалъ Духа, который снесъ его съ

горы, и приказалъ ему къ утру сдѣлать башмаки; Духъ по приказу его все учинилъ. Поутру Иванъ-царевичъ, разбудя хозяина, послалъ съ товаромъ въ городъ, гдѣ тотъ и продалъ башмаки купцу, который рекомендовалъ его знатымъ господамъ. Наконецъ самъ царь, увидя его работу, приказалъ ему носить къ себѣ во дворецъ; а между тѣмъ находившаяся тутъ золотого государства царевна, примѣтя, что сія работа золотого государства Духа, приказала призвать къ себѣ сапожника. А какъ скоро онъ пришелъ, то и приказала ему, чтобы завтрашняго дня поутру предъ симъ дворцомъ поставилъ дворецъ золотого государства, а отъ него золотой мостъ до самаго царскаго дворца, покрытый зеленымъ бархатомъ — и съ тѣмъ отъ него пошла. Хозяинъ пришелъ домой весьма печалень, и сказалъ все то работнику, а самъ съ горя такъ напился пьянъ, что и самъ себя не помнилъ, только и говоритъ: «теперь хотя голову руби, такъ и нужды нѣтъ!» Царевичъ, услыша сіе, приказалъ Духу, чтобъ немедленно къ завтраму поставилъ дворецъ и золотое государство, сокрывающееся въ золотомъ яйцѣ; Духъ по приказанію все исполнилъ, и поутру рано перенесъ туда Ивана-царевича, который, изготовясь для встрѣчи отца своего и матери, послалъ по нихъ великолѣпныя колесницы, а по братьевъ самыя срамныя телеги, прося притомъ всѣхъ откусать. Царь, услыша, что сынъ его меньшей Иванъ-царевичъ живъ и здравствуетъ, весьма обрадовался, и сѣлъ съ царицею и съ тремя царевнами въ присланную для нихъ пребогато-убранную колесницу, а дѣтей своихъ насильно приказалъ посадить въ срамныя телеги, говоря притомъ, что вы по винѣ своей и того не заслуживаете. Иванъ-царевичъ встрѣтилъ ихъ великолѣпно, и простилъ братьямъ своимъ ихъ вину; потомъ назначилъ Василью-царевичу въ супруги серебрянаго государства царевну Елену, а Ѳедору-царевичу мѣднаго государства царевну Земиру, а себѣ взялъ золота-

го государства царевну Плѣниру, и отдалъ братьямъ серебряное и мѣдное яйца, сокрывающія въ себѣ оныя государства. На другой день совершенъ былъ бракъ всѣхъ братьевъ къ великой радости подданныхъ. И такъ обладали они своими подданными и всѣми государствами, которыя были поставлены на одномъ морѣ.

Дорога въ подземный край или на чудную гору сопряжена съ большими затрудненіями; по указанію лубочнаго изданія сказки, въ эти невѣдомыя страны ведетъ волшебной шаръ. Тамъ герой странствуетъ по тремъ царствамъ *мѣдному*, *серебряному* и *золотому* и сражается со змѣями о трехъ, шести и двѣнадцати головахъ. Эти металлическія названія царствъ находятся въ тѣсной связи съ мифическимъ значеніемъ металловъ и съ преданіями о мѣдной (или золотой) горѣ и огненномъ змѣѣ, который стережетъ злато, серебро и похищаетъ красавицъ. Простолюдины суевѣрно убѣждены, что душа во время обмиранья, руководимая Николою-угодникомъ, странствуетъ въ *подземномъ* царствѣ и видитъ тамъ и адъ, и рай.—Въ славакской сказкѣ одинъ охотникъ ѣздилъ, по указанію бабы-яги, въ адъ, въ который надо было спускаться въ глубокое отверстіе (яму). Его везъ драконъ (огненной змѣѣ), и когда не хватило взятаго для него охотникомъ мяса — сказочный герой отрѣзалъ кусокъ отъ собственной икры и остался навсегда хромъ (Повѣсти и преданія народ. слав. племени, стр. 153 — 5), что совершенно сходно съ возвращеніемъ героя нашихъ сказокъ съ того свѣта на Русь. Драконъ здѣсь заступаетъ мѣсто той громадной птицы, которая затемняетъ собою дневной свѣтъ и на которой переносятся на Русь искатели приключеній нашихъ сказокъ. Подобные рассказы встрѣчаемъ въ изданіи Боричевского (*ibid.*, стр. 107—111) и въ собраніяхъ нѣмецкихъ и норвежскихъ сказокъ. «Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени» сообщаютъ

сказку: «Подземный край», но здѣсь выносить сказочнаго героя изъ подземнаго царства колдунъ.¹⁾ Норвежская сказка (ч. I, № 3): «Der Vogel Dam» основана на тѣхъ-же преданіяхъ. Двѣнадцать царевенъ были похищены троллемъ; онѣ осуждены были сидѣть вокругъ тролля и искать вшей въ его двѣнадцати головахъ. На спасеніе явился царевичъ; онъ отрубилъ троллю всѣ двѣнадцать головъ и кровь изъ него за журчала цѣлою рѣкою. Отправляясь на корабль, царевны забыли взять свои золотые вѣнцы. Царевичъ возвратился за вѣнцами, но братья его и дядька, не дожидаясь, пустились въ путь. Обманутый царевичъ долго грустилъ. Разъ онъ заснулъ и слышитъ во снѣ голосъ: «приготовь для меня четыре бочки ржи, чтобъ я могла насытиться и укрѣпить свои силы.» Царевичъ проснулся и увидѣлъ близъ своей постели огромную птицу «Dam», которая имѣла на затылкѣ перо — столь великое, что оно равнялось наполовину-выросшей ели (Nackenföder). Царевичъ исполнилъ требованіе птицы, потомъ сѣлъ ей на спину, схватился за чудесное перо, и она вынесла его въ родныя страны. Царевны узнали своего избавителя по доставленнымъ золотымъ вѣнцамъ. — Когда уже дѣйствіе близко къ счастливому концу, народная сказка, вѣрная обычному эпическому приему, умѣетъ нѣсколько продлить его: возвратившійся герой никогда не открывается прямо, а скрываясь въ нищенскихъ лохмотьяхъ или въ скромной одеждѣ простолюдина, заставляетъ узнавать себя по разнымъ вещамъ, съ которыми связано воспоминаніе прошлаго и по которымъ царевны узнаютъ близость своего избавителя.

¹⁾ Сличи съ печатной сказкою объ Ивашкѣ-медвѣжьѣмъ ушкѣ (Собран. старин. рус. сказокъ, 1830) и съ сказкою объ Иванѣ-царевичѣ и волкѣ-мѣдномъ лбѣ (Москвит. 1852 г., № 21, стр. 28); см. Сочиненія А. Пушкина, т. I, стр. 439 (въ сказкѣ о царѣ Берендѣѣ упоминается «подземельное» царство).

О *сильной водѣ* смотри примѣчаніе къ сказкѣ: «Илья-Муромецъ»; *старикъ-самъ съ четверть, борода съ локоть* — одно изъ миѳическихъ лицъ народныхъ сказокъ, о которомъ см. въ примѣчаніи къ вып. VII, № 8.

7.

ВАСИЛИСА ПОПОВНА.

Сходная съ этою сказкою напечатана въ собраніи братьевъ Гриммовъ (Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 67: «Die zwölf Jäger»): царевна съ одиннадцатю дѣвицами одѣваются охотниками; для ихъ испытанія употреблены прялки и разсыпанный горохъ: будутъ ли онѣ ступать по гороху твердо, какъ прилично мужчинамъ, или станутъ скользить? Сличи также съ валахскою сказкою, № 16.

Старинныя эпическія сказанія запомнили о женщинахъ съ богатырскими свойствами, смѣлостью ловкостью и силою. Такъ Василиса-поповна одѣвалась по мужски, ѣздила верхомъ, стрѣляла изъ ружья, охоча была до вина и отличалась удалью вовсе не-дѣвичью; Анастасія Прекрасная (въ сказкѣ о Ѳеодорѣ Тугаринѣ, № 14 настоящаго выпуска) ѣздила на конѣ, охотилась, побѣдила сильнаго змѣя и побила три ратисилы; дѣвка-чернавка (въ сказкѣ: «Василій Буслаевичъ» — въ изданіи Сахарова, стр. 57) прогнала новгородскихъ мужиковъ коромысломъ: «гдѣ разъ махнетъ — тамъ улица, гдѣ два — тамъ съ переулочками, и побила дѣвка тысячу»; Настасья-королевишна давала зарокъ: кто побьетъ ее въ чистомъ полѣ, за того выйдетъ замужъ, и состязалась въ стрѣльбѣ съ богатыремъ Дунаемъ. По жребію досталось стрѣлять изъ тугаго лука Настасьѣ-королевишнѣ, а Дунаю держать на головѣ золотое кольцо.

Отмѣрили мѣсто на цѣлу версту тысячу,
 Держить Дунай на главѣ золото кольцо;
 Вытягала Настасья калену стрѣлу,
 Спѣла-де титивка у туга лука,
 Сшибло съ головы золото кольцо
 Тою стрѣлкою каленою;
 Князи и бояра тутъ металися,
 Усмотрѣли калену стрѣлу,
 Что на тѣхъ-то перушкахъ лежитъ то золото кольцо. ¹⁾

Жена Ставра - боярина, нарядившись въ посольское платье, пріѣзжала въ Кіевъ, боролась тамъ съ нарочными, удалыми борцами: одному руку изъ плеча выдернула, другому ногу выломала, а третьяго хватала поперегъ хребта и ушибла до смерти; стрѣляла она изъ лука стрѣлкой булатною,

Угодила въ сыръ кряковистой дубъ,
 Изломала въ черенья ножевыя.

Эта пѣсня о Ставрѣ-бояринѣ, сходно съ сказкою о Василисѣ-поповнѣ, рассказываетъ о томъ, какъ кіевской князь испытывалъ молодую жену Ставра борьбою, стрѣльбой изъ лука и игрою въ шахматы, чтобы разузнать: богатырь она или женщина? (Кирша Дан., стр. 125—131.) Новые варианты былины о Ставрѣ Годиновичѣ и Василисѣ Микуличнѣ, записанные г. Рыбниковымъ (см. его Пѣсни, ч. I, стр. 243—8 и ч. II, стр. 100) такъ рассказываютъ объ испытаніи, придуманномъ княземъ Владиміромъ: Василиса, наряжаясь грознымъ посломъ, ѣдетъ выручать своего мужа изъ княжей темницы и сватается за любимую дочь князя Владиміра. «Батюшка! говоритъ ему дочь, не выдай дѣвчины за женщину; походочка у посла частенькая, на мѣсто сядетъ — ноги подъ себя жмётъ, а гдѣ на рукахъ были жуковины (перстни) —

¹⁾ Древн. Росс. стихотворенія, стр. 95, 98—99; сличи съ пѣснею, напечатанною въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Академіи наукъ по II-му отдѣленію 1854 года, стр. 316.

тутъ и мѣсто знать.» Приказываетъ Владиміръ своимъ вѣрнымъ слугамъ: «истопите-ка парную баню; я самъ съ по-
словомъ схожу.» Еще наивнѣе другой способъ: «сведу я посла,
говоритъ Владиміръ-князь, на перину пуховую; если онъ
сильногогучій богатырь — будетъ яма подъ плечами, если
женщина — яма будетъ подъ задомъ.» ¹⁾ Очевидно, сказка
о Василисѣ-поповнѣ и былина о Ставровой женѣ Василисѣ
Микуличнѣ передаютъ одно и тоже эпическое сказаніе, толь-
ко въ различныхъ формахъ.—Въ одной пѣснѣ про Илью-Му-
ромца рассказывается, какъ молодая жена его, вмѣсто мужа,
котораго на ту пору дома не случилось, одѣвалась въ
платье богатырское, брала съ собой тугой лукъ, колчанъ ка-
ленныхъ стрѣлъ, саблю острую, выѣзжала подъ именемъ Ильи-
Муромца впереди княжеской рати и побѣдила Тугарина и его
войско ²⁾).

Такой сурово-воинственный, но тѣмъ не менѣе поэти-
ческой характеръ славяно-русской женщины доисториче-
скаго періода ярко рисуетъ передъ нами тотъ грубый перво-
начальный бытъ, въ которомъ смѣлость и сила физическая
почитались за главныя достоинства, и въ уваженіе этой смѣ-
лости и этой силы женщина могла равняться съ мужчиною и
свободно предаваться удали воинственныхъ забавъ и подви-
говъ. Отъ византійскихъ писателей мы узнаемъ, что славя-
но-русскія жены часто сопровождали мужей на войну. По
замѣчанію г. Шульгина, въ преданіи объ Амазонкахъ слы-
шится воспоминаніе о воинственномъ характерѣ древней жен-

¹⁾ Въ Великорус. сказкахъ Худякова, вып. 2, № 60, есть рассказъ о томъ, какъ дочь пошла за отца въ солдаты и какъ въ одной деревнѣ старались разузнать, впрямь ли она солдатъ, или женщина.

²⁾ Извѣст. II-го отдѣл. Акад. наукъ 1854 г. (Приложенія), стр. 257 — 9. Смотри также пѣсню о Василисѣ Даниловой (*ibid.*, 1852 года, стр. 81—86) и хороводную пѣсню о томъ, какъ дѣвица поборола молодца (Сахар. Сказан. рус. нар., т. I, стр. 261); сличи Вѣстн. Геогр. Общ. 1855 г., № 6, стр. 214, 221 (Богатырск. поэмы минусинскихъ татаръ).

щины, отголосокъ чего сохранился въ чешскомъ сказаніи о войнѣ дѣвушекъ съ мущинами и въ русскомъ — о Перепетовомъ курганѣ: близъ Кіева жилъ Перепеть; онъ собралъ дружину и пошелъ противъ непріятеля. Жена его, долго не получая извѣстій, собрала войско, отправилась по слѣдамъ мужа, встрѣтила его съ дружиной и приняла ихъ за непріятеля: она напала на мнимыхъ враговъ съ яростію и въ пылу битвы убила своего мужа (О состояніи женщины въ Россіи до Петра В., Кіевъ, 1850, стр. 67 — 68; *Podania i ligendy Семеньскаго*, стр. 36).

Сказочный мотивъ о тѣхъ средствахъ, какія придумывались, чтобъ отличить переряженую женщину отъ добрыхъ мѡлодцевъ, проникъ и въ книжную литературу; въ старинныхъ сказаніяхъ о Соломонѣ (Памятники старин. русск. литерат., изд. графомъ Кушелевымъ-Безбородко, вып. 3, стр. 54 и 62) читаемъ: «Се бысть загадка царицы Южской къ Соломону: совокупила бѣаше отроки и дѣвицы малы и облече а въ порты едины, и рече царю: по мудрости своей разбери, кое отрокъ и кое дѣвицы? Царь же по мудрости своей повеле просыпать оwoщъ (орѣхи), и принесше и просыпаша предъ ними (и повеле имъ грабити, т. е. собирать). Отроки же начаша брать въ приполы, а дѣвицы въ рукави. И рече Соломонъ: се отрокъ, а се дѣвицы. Она же о семъ подивись хитрости его.»

8.

РАЗБОЙНИКИ.

Подобныхъ преданій о разбойникахъ еще довольно слышится въ простонародьи ¹⁾; не смотря на сказочную обстановку,

¹⁾ См. сказку объ Иванѣ-богатырѣ, крестьянскомъ (мужицкомъ) сынѣ (Веселая старушка, 1790 г. и друг. изданія).

въ преданіяхъ этихъ нельзя не замѣтить отголоска суровой старины. Въ моршанскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи сказка эта разсказывается съ слѣдующими измѣненіями:

Узнавши, что попъ уѣхалъ, разбойники вздумали окрасть его; положили въ гробъ одного разбойника, пріѣхали къ попу на дворъ и спрашиваютъ: «дома ли батюшка? надо похоронить покойника.» Поповна говоритъ: «нѣту дома; онъ будетъ дня черезъ три.» — Куда-же дѣвать намъ мертвеца-то? мы поставимъ его у васъ въ избѣ. «А мнѣ что! говоритъ поповна, поставьте.» Разбойники поставили гробъ и уѣхали. Попова дочь стала разсматривать гробъ, замѣтила въ гробу отверстіе, поусомнилась и положила подлѣ себя на ночь саблю. Всѣ подружки ея заснули, а она не спитъ; вотъ разбойникъ, когда все утихло, всталъ изъ гроба и сталъ противъ солнца (*вар.* справа на лѣво) обводитъ уснувшихъ мертвою рукою, чтобы спали безпробудно; а самъ пошелъ въ чуланъ. Тутъ поповна улучила время и отрубила ему голову. Пріѣхали другіе разбойники; она имъ и выбросила въ окно отрубленную голову. Одинъ изъ разбойниковъ бросился было за нею въ окно; поповна и этому отхватила голову саблею. Разбойники подобрали убитого и уѣхали. Немного спустя, пріѣхали разбойники къ попу, сосватали его дочь и повезли ее съ собою въ лѣсъ; привезли къ большому каменному дому (а въ домѣ-то вездѣ золото да серебро) и заперли подъ стражу; на другой день положили бросить ее въ горячую смолу. Сторожа ночью заснули; поповна отрубила имъ головы, а сама думаетъ какъ бы уйдти. Вотъ увидѣлъ ее одинъ сѣдой старикъ — а этого старика взяли разбойники съ дороги и оставили жить у себя — и говоритъ ей: «бѣги ты глухими дорогами и берегись погони; разбойники ѣздятъ съ собакою, которая по слѣдамъ сыскиваетъ человѣка.» Поповна убѣгаетъ и спасается отъ погони, одинъ разъ взлѣзая на высокое вѣтвистое дерево, а въ другой разъ зака-

пываясь въ возѣ сѣна, съ которымъ ѣхалъ мужикъ въ городъ. Сказка оканчивается гибелью разбойниковъ; станъ ихъ былъ разорёнъ, а награбленные деньги розданы по церквамъ.

(Сообщено учителемъ карельскаго приходскаго училища А. Добровольскимъ.)

Приводимъ еще варіантъ, записанный въ воронежской губерніи: Задумали отецъ съ матерью въ городъ ѣхать, а дочери говорятъ: «останься ты, дочка, здѣсь; на ночь созови къ себѣ подругъ, тебѣ и нескучно будетъ.» Вечеромъ сидятъ подружки да прядутъ; уронила одна початокъ, початокъ (веретено съ намотанными нитками) покатилося да подъ полъ. Хозяйка зажгла лучину, подняла доску — а тамъ разбойникъ сидитъ. Дѣвицы испугались, жутко имъ стало и разбѣжались по дворамъ. Тутъ вылѣзъ разбойникъ: «гдѣ, говоритъ, деньги? подавай, не то худо будетъ.» Хозяйка отперла сундукъ, подняла крышку и держитъ: «бери!» говоритъ. Разбойникъ нагнулся въ сундукъ, а она хлопъ его крышкою по шеѣ и убила до смерти. Черезъ нѣсколько дней высватали ее разбойники и увезли съ собой въ густой, дремучій лѣсъ. Тамъ у нихъ домъ былъ выстроенъ. Входитъ дѣвица въ одну горницу — горница вся въ кровавыхъ пятнахъ; входитъ въ другую — тамъ коникъ весь полонъ человѣческими головами. Положили разбойники заживо сварить дѣвицу въ котлѣ, и посылаютъ ее воду носить. Нечего дѣлать — пошла за водой, пришла къ колодцу, сняла съ себя платокъ да платье, надѣла на столбикъ, а сама поскорѣй вонъ бѣжать.¹⁾ Бѣжитъ по лѣсу, и пристигла ее ночь

¹⁾ *Вар.* Привезли разбойники дѣвицу, а у нихъ была мать да малая дѣвочка-сестрица. Увидала эта дѣвочка, бѣжитъ къ матери и говоритъ: «матушка, матушка! братцы привезли дѣвушку да такую пригожую, заперли ее въ хлѣвъ, а сами ножи точатъ, зарѣзать хотятъ!» — Молчи, дитятко! мы ее выпустимъ. Разбойники сѣли пить да гулять, а старуха потихоньку въ хлѣвъ и выпустила дѣвицу: «скорѣе бѣги! будутъ на дорогѣ три колодца — загляни въ нихъ,

темная и непогода страшная, дождь такъ и поливаетъ. Увидала суковатой дубъ, влѣзла на него: «лучше, думаетъ, здѣсь переночую; авось не отыщутъ!» А тѣмъ временемъ женихъ-то ея хватился: «ребята! говоритъ товарищамъ, вѣдь дѣвка бѣжала; надо ее искать.» Поѣхали. Плутали-плутали по лѣсу и наткнулись на суковатой дубъ. «Не здѣсь ли она?» говоритъ одинъ разбойникъ и давай пикой ширять, да все ей въ пятки да въ пятки. Дѣвица молчитъ, а кровь такъ и каплетъ. Разбойникъ думаетъ: это дождь идетъ! На ея счастье такая темь была, что ничего не узнаешь; вотъ разбойники такъ ни съ чѣмъ и домой воротились. Утромъ, только свѣтать стало, она прибѣжала домой и рассказала про все отцу-матери. Заплакали отецъ съ матерью: «ахъ ты, дитятко милое! сгубили было тебя, а все польстились на синіе кафтаны, на красные шелковые кушаки да бархатныя шапки!» А разбойники на томъ положили, что куда ей уйдти, вѣрно въ лѣсу звѣри съѣли, и говорятъ межъ собой: «поѣдемъ къ дѣвкину отцу-къ матери, скажемъ, что ихъ дочь больна, зоветъ провѣдать; привеземъ ихъ сюда да и порѣшимъ всѣхъ, а худоба (платье) и деньги — все наше будетъ!» Осѣдлали коней и поѣхали, только на дворъ — увидала ихъ дѣвица и поскорѣй нарядилась работникомъ. Разбойники вошли въ избу, начали пиръ пировать. «Гдѣ же дочка наша? спрашиваетъ отецъ; что съ собой нѣ взяли?» — Да она захворала, приказала васъ въ гости звать. «Не хотите ли, спрашиваетъ хозяинъ, я позабавлю васъ сказочкой; есть у меня работникъ — большой мастеръ сказки сказывать.» — Что-жъ, это дѣло хорошее! рады послушать. Пришла передѣтая дочь и стала рассказывать все, что съ нею случилось; разбойники догадались, что это была, а не сказка; кинулись

узнаешь что дѣлается.» Дѣвица побѣжала, въ одинъ колодезь заглянула — ничего не видать, въ другой заглянула — и тамъ ничего, а какъ посмотрѣла въ третій — и видитъ, что за ней погоня послана, и влѣзла на дерево.

къ лошадямъ, да не тутъ-то было: тотчасъ ихъ схватили, веревками скрутили и отдали подъ судъ.—Сказка эта извѣстна и между литвинами (*Litauische Märchen, Sprichworte, Rätsel und Lieder, gesammelt und übersetzt von August Schleicher, Beïmarъ, 1857, стр. 9—10*).

Въ собраніи валахскихъ сказокъ находимъ сходный съ нашимъ разсказъ о хитрости дѣвушки: одинъ царь пожелалъ жениться на собственной своей дочери; царевна долго отговаривалась и придумывала разные затрудненія; наконецъ когда всѣ ея хитрыя требованія были исполнены, отецъ принудилъ ее и повелъ въ брачную комнату. Царевна стала молить отца, чтобъ позволилъ ей за чѣмъ-то сходить; но отецъ боялся, что она убѣжитъ. Тогда царевна обвязала себя за руку шнуркомъ и подала другой конецъ шнурка отцу, и онъ ее отпустилъ. Когда царевна вышла, она привязала шнурокъ къ рогамъ козы, а сама убѣжала и скрылась (№ 3).

9.

ЗЛАЯ ЖЕНА.

Вариантъ, записанный въ череповскомъ-же уѣздѣ г. Чернышевымъ:

Зла жона худо съ мужемъ жила, ничего мужа не слушала. Велитъ мужъ работать, такъ ёна трои сутки спитъ; велитъ спать, такъ нисколько не спитъ. Велитъ мужъ пироги пѣчи, а ёна вздумаетъ на полати лѣчи; не велитъ мужъ печку топить, а ёна нарочно истопитъ, и выпечетъ оладей цѣлое ведро. Долго мужъ съ ней бился, и пошолъ разъ по смородину, набрался смородины и пришолъ домой. Жонѣ стало завидно, ёна и сама взяла корзинку большую-пребольшую и пошла по

смородину. Мужъ гыть: «не ходи!» — Нѣтъ, нарочно пойду! Зла жона дошла до смородинника, не успѣла сорвать двухъ ягодъ, какъ провалилась въ яму, гдѣ черти сидѣли да горшки лѣпили. Прошла недѣля. Мужъ гыть: «дай схожу, посмотрю— что сдѣлалось съ жоной?» Подходить къ смородиннику и слышитъ въ ямѣ страшный крикъ и визгъ. Одинъ изъ чертей закричалъ: «христіанинъ! вытащи насъ отсюдова; зла жона пришла, всѣхъ насъ пріѣла, прикусая; вытащи! я самъ те ¹⁾ службу сослужу.» Жалко стало христіанину чорта; онъ спустилъ въ яму верёвку и вытащилъ оттуда чорта. Чортъ съ христіаниномъ заключилъ вотъ какое условіе: пойдутъ они въ большой городъ Вологду; чортъ будетъ селиться въ жоны знатныхъ купцовъ и бояръ, а христіанинъ лѣчитъ. Дошли они до города. Чортъ то въ ту, то въ другую женщину селится, и всякая только примѣтъ въ себя чорта, такъ и взбѣлнится, точно съ ума сойдѣтъ. Придѣтъ христіанинъ и точно водой смоетъ, вылѣчитъ — какъ вылѣчитъ. Христіанину славное житье; вездѣ его принимаютъ, кормятъ пирогами и рогульками ²⁾: умирать не надо! Чорту стало завидно; поселился онъ въ дочь воеводы и не выходитъ оттуда. Христіанинъ лѣчитъ, а толку нѣтъ; и выдумалъ онъ вотъ какую хитрость: велѣлъ, чтобъ всѣ горожане, лакеи съ кучерами бѣгали по улицѣ и кричали благимъ матомъ: «злая жона пришла! злая жона пришла!» Лишь только велѣлъ это сдѣлать, какъ чортъ на смерть перепугался, выпрыгнулъ изъ дочери воеводской — прыгъ за окошко! Воевода отдалъ дочь за христіанина, а злая жона и теперь сидитъ въ тартарары.

Другіе варіанты смотри въ сборникъ г. Худякова, вып. 2, № 65, и въ «Основѣ» 1861 года (ноябрь и декабрь, въ от-

¹⁾ Тебѣ. — ²⁾ Рогулька — лепёшка, загнутая съ краевъ; ватрушка (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 191).

дѣлѣ: «3 народныхъ устѣ», стр. 23—26). Туже сказку встрѣчаемъ у болгаръ (Памятн. нар. быта, изд. Каравелова, кн. I, стр. 158), сербовъ (Српске народне приповијетке, № 37), и между другими славянскими племенами.

Въ хорутанскомъ сборникѣ Валявца (стр. 260) чортъ спасается отъ своей собственной жены. Старая Магда не могла добыть себѣ мужа и разъ высказала: «еслибъ даже чортъ явился, я бы и за него пошла замужъ!» Чортъ тотчасъ пришелъ и женился на старой дѣвкѣ. Но Магда была такая злая, неугомонная, что и нечистому скоро не въ терпѣжъ стало; всякой день долженъ онъ былъ ходить за своей женой въ корчму, гдѣ она пьянствовала, а дома она то и дѣло его колотила. Бросился чортъ къ сосѣду: «какъ-бы, спрашиваетъ, уморить мнѣ бабу?» Вотъ сосѣдъ и научилъ: «выкопай подъ порогомъ большущую яму, утыкай внутри острыми ножами; вечеромъ, какъ прійдетъ она домой изъ корчмы, упадетъ въ яму и наколется; тутъ ты ее и закопай!» Чортъ такъ и сдѣлалъ, и въ благодарность говоритъ сосѣду: «я стану входить въ трехъ королевенъ; изъ двухъ ты меня выгоняй и бери за то съ короля деньги, а изъ третьей не смѣй и подумать!» Но сосѣдъ не послушался, выгналъ его и изъ третьей королевны, напугавши тѣмъ, что старая Магда ожила. У чеховъ сказка о злой женѣ (Westslawischer Märchenschatz, von J. Wenzig, стр. 167—173) передается съ нѣкоторыми особенностями: Злющая и безобразная дѣвка, которую никто не рѣшался взять замужъ, сама навязалась нечистому на шею да такъ крѣпко, что бѣдной чортъ не вѣдалъ, какъ отъ нея и отдѣлаться. Избавить его отъ такой бѣды взялся овчаръ. «Послушай, сказалъ онъ дѣвкѣ, вѣшайся лучше на меня!»—и та мигомъ повисла у него на плечахъ. Овчаръ потихоньку спустилъ съ себя овчину, въ которую былъ одѣтъ, и бросилъ ее вмѣстѣ съ дѣвкою въ глубокой прудъ. Въ той сторонѣ жилъ князь; и самъ онъ, и его

намѣстники творили много зла, и потому нечистой явился забрать ихъ въ пекло; но овчаръ прогоняетъ его, страшая злою дѣвкой. См. въ Народн. слав. разсказахъ, изд. Боричевского, стр. 9 («Чортова яма») и 99—100 — мазовецкій разсказъ о томъ, какъ чортъ, влюбившись, женился на сварливой бабѣ, и сличи съ подобнымъ-же преданіемъ, записаннымъ въ путешествіи Ковалевскаго во внутренность Африки, и со сказкою въ Тысячѣ и одной ночи.

Народныя поговорки утверждаютъ, что баба хитрѣе чорта, что гдѣ чортъ не осилитъ — туда пошли бабу. Между поселянами ходятъ разныя сказанія о томъ, какъ баба перехитрила дьявола. Засѣялъ мужикъ поле просомъ; просо не уродилось. Глянулъ мужикъ на свою ниву, и плюнулъ: «отъ тоби ѿ насіявъ ни попу, ни дьяволу!» Откуда нѣ взялся — выскочилъ чортъ: «отдай, говоритъ, мнѣ; мнѣ оно годится.» — Бери! Черезъ нѣсколько дней пошелъ мужикъ посмотреть, что чортъ съ просомъ сдѣлалъ; глядь, а поле такъ и зеленѣетъ; просо взошло чистое да хорошее! Воротился мужикъ домой и разсказалъ женѣ, какъ обдурилъ его нечистой. Выбранила его баба и послала къ чорту: «скажи, что ты и не думалъ отдавать ему проса, а только пошутилъ.» Видитъ чортъ, что съ мужикомъ добромъ не сдѣлаешься, и пустился на выгадки: «слушай, говоритъ, если угадаешь — на чѣмъ я прїѣду, то поле — твое; а то и не думай!» — Добре! отвѣчаетъ мужикъ, да вгадуй-же ѿ ти — на чѣмъ я буду ѿхатъ? Чортъ осѣдлалъ козу и ѣдетъ: «отгадывай!» кричитъ мужику. — Дурній ты, чорте! се-жъ и мали дити знаютъ, що чорти завжди на козахъ ѿздятъ. Въ свою очередь сѣлъ мужикъ на жинку верхомъ, «до переду задомъ; распустивъ ѿѿ коси — се-бѣ то хвистъ, та-ѿ ѿде передъ чортомъ». Смотрѣлъ-смотрѣлъ чортъ: «что за вража мати! на чѣмъ чоловікъ ѿде? Хвистъ е, а голови чортма! на чотирохъ ходитъ и ноги таки,

що ни въ одного звиря такихъ не бачивъ.» Думалъ-думалъ, и говоритъ мужику: «хай тобі бисъ! бери поле, тильки скажи, будь ласковъ, на чимъ їдешъ? бо їй Богу не вгадаю.» — На жинци. Чортъ ажъ плюнулъ! («Основа», 1862 г., августъ, стр. 25—26, зъ народныхъ устъ). Такой-же рассказъ находимъ въ народныхъ приповѣдкахъ Валявца (стр. 261), только въ хорутанской редакціи баба обмазываетъ себя медомъ и валяется въ перьяхъ, а мужикъ спрашиваетъ чорта: «что это за птица?» Чортъ, разумѣется, не узнаетъ.

Шлейхеръ сообщаетъ интересную литовскую сказку о хитрой бабѣ (стр. 50—53): Въ одной деревнѣ поселился хозяинъ съ молодой хозяйкою, и оба они жили такъ согласно, что ни разу не сказали другъ другу непріятнаго слова; только цѣловались да миловались завсегда. Цѣлые полгода хлопоталъ чортъ, чтобы какъ-нибудь ихъ поссорить, однако не успѣлъ, и сильно-раздраженный неудачею и отплевываясь, пошелъ было въ другую сторону. Тутъ повстрѣчалась ему старая баба, таскавшаяся по міру: «что ты, дядя, отплевываешься?» Чортъ рассказалъ ей свое горе, и баба за пару новыхъ лаптей да за пару башмаковъ вызвалась поссорить согласную чету. Она отправилась къ молодой женѣ въ то самое время, когда мужъ ея работалъ въ полѣ; попросила сначала милостины, и промолвила: «ахъ, мое сердце! какъ ты хороша и добра; твоему муженьку слѣдуетъ отъ души тебя любить. Я знаю, вы оба живете дружно, какъ никто въ цѣломъ свѣтѣ; но, дочка моя, я хочу тебя научить, чтобы вы еще дружнѣй были. На головѣ твоего мужа, у самого темечка, есть сѣдой волосъ; ты должна его срѣзать, только такъ, чтобы онъ того не примѣтилъ.» — Какъ-же это сдѣлать? «А вотъ, когда понесешь своему мужу обѣдъ, то скажи ему, чтобы прилегъ на твои колѣни отдохнуть, и какъ только онъ заснетъ, ты вынь изъ кармана бритву и срѣжь у него сѣдой волосъ.»

Хозяйка поблагодарила старуху и дала ей подарокъ. Тогда старуха отправилась въ поле и стала предостерегать мужа, что ему бѣда грозитъ, что любимая жена ему измѣнила и собирается послѣ обѣда зарѣзать его, и потомъ выйти за другаго болѣе богатаго замужъ. Въ полдень пришла жена и послѣ обѣда уложила мужа на свои колѣни; тотъ притворился, что спитъ, и жена вынула бритву, чтобы срѣзать сѣдой волосъ. Въ тотъ-же мигъ озлобленный мужъ вскочилъ на ноги, ухватилъ ее за косы и давай бить и ругать. Чортъ все это видѣлъ и глазамъ не вѣрилъ; послѣ взялъ онъ длинный шестъ, нацѣпилъ на одинъ конецъ обѣщанные лапти и пару башмаковъ и подалъ ихъ старухѣ издали: «я ни за что не пойду къ тебѣ ближе, сказалъ нечистой; не то, пожалуй, ты и меня обморочишь; вѣдь ты куда хитрей и лукавѣе меня!» Отдалъ ей башмаки и лапти, бросилъ шестъ и быстро исчезъ, словно выстрѣлъ изъ ружья. Разсказъ этотъ извѣстенъ и между нашимъ простонародьемъ (см. у Худякова, вып. 2, № 78 — впрочемъ списокъ, имъ сообщенный, лишенъ настоящихъ своихъ красокъ: вмѣсто чорта выведенъ мужикъ, а роль бабы играетъ жидѣнокъ).

Любопытно, что сказка о «злой женѣ», а равно и сказка о «правдѣ и кривдѣ», приписываютъ болѣзни враждебному дѣйствию нечистой силы, что согласно съ древнимъ воззрѣніемъ на болѣзни, которыя олицетворялись въ ужасающихъ образахъ злыхъ духовъ. Въ показаніи шуянъ 1666 г. читаемъ: «то намъ вѣдомо: Шуи посаду Яковъ Григорьевъ скорбѣлъ и котою и внѣ ума былъ весь всячески отъ нечистаго духа... а Василій Несмѣяновъ скорбѣлъ отъ нападенія нечистаго духа» (Описаніе города Шуи, соч. Борисова, стр. 428—9). ¹⁾

¹⁾ Сличи: «Нападе бѣсъ на Святополка и разслабѣша кости его» (Полн. собр. лѣтоп., т. I, стр. 26). Смотри Владим. губ. вѣдом., Прибавл. къ № 53 1844 года; Совр. 1854, № XI, стр. 2, смѣсь; Отеч. Записк. 1830 г., ч.

Филологическое сродство названій нечистой силы съ именами болѣзней до сихъ поръ наглядно сохраняется въ областныхъ нарѣчіяхъ (см. въ Современ. 1852 г., № 10, критика на I томъ исторіи г. Соловьева). Такой взглядъ на болѣзни необходимо вызвалъ тѣ разнообразныя обряды религіозныхъ очищеній, которыя донынѣ соблюдаются въ народной медицинѣ, какъ вѣрнѣйшія средства противъ всякой хвори и болѣстей.

10.

ПРАВДА И КРИВДА.

Сказку о «правдѣ и кривдѣ» удалось намъ слышать въ воронежской губерніи (бобровскаго уѣзда) съ нѣкоторыми особенностями:

Были - жили два мужика; у одного было четыре корабля, у другаго — три, и поспорили они, чѣмъ лучше жить: кривдой али правдой? Правдивой-то и проспорилъ своему супротивнику всѣ свои три корабля, и попросилъ онъ его перевезть себя на кораблѣ на другой берегъ. Такъ дѣло и сдѣлалось: переѣхалъ онъ на другой берегъ, и пошелъ по пробитой тропинкѣ и пришелъ къ дереву, а подъ деревомъ мѣсто кругомъ было утоптано, отъ того что сюда собиралась нечистая сила. Влѣзъ правдивой на дерево, чтобъ отдохнуть немножко, не боясь звѣря; а за нимъ вслѣдъ собралась туда всякая нечистая сила и стала похваляться своими дѣлами. Вотъ одинъ чортъ и рассказываетъ, какъ онъ испортилъ какую-то царевну: царев-

43, стр. 219 (статья Броневскаго о Киргизахъ), и лубочную картину, изображающую зараженнаго бѣса: если увидить онъ (въ домахъ) сосуды непокрытые, то измывается въ нихъ, и отъ того бываютъ разныя тяжкія боли и скорби и трясавицы.

на ослѣпла, оглохла, смутилась разумомъ, вылѣчить ее никто не сможетъ; а вылѣчить ее можно, надо только взять изъ такой то церкви крестъ, да облить его водою, и тою водою умывать и поить больную царевну, да еще надо изъ-подъ такого-то камня достать лягву (лягушку), вынуть у нея изо рта кусочекъ просвиры, что она утащила, и дать тотъ кусочекъ съѣсть больной царевнѣ. Правдивой подслушалъ все это, добылъ и крестъ и кусочекъ просвирки, и вылѣчилъ царевну. Царь отдалъ ему за то полцарства и въ жены дочь свою, а какъ умеръ царь — правдивой самъ сдѣлался царемъ. А у криводушнаго мужика все пошло прахомъ, богатство все изгбло, и сталъ онъ ходить по міру и собирать милостину. Вотъ разъ сдѣлалъ царь на нищихъ обѣдъ; пришелъ и криводушной. Царь узналъ его, приказалъ его остановить и позвать къ себѣ, и оставилъ его ночевать во дворцѣ, возлѣ себя. Ночью-то мужику захотѣлось испить, и видитъ онъ: стоитъ въ палатахъ вода, какою царь умывалъ свои ноги. «Ну, думаетъ онъ, ничего, напьюсь и этой; царскія ноги не поганы!» А царь увидѣлъ, что онъ хочетъ испить, и закричалъ: «эй, вѣстовой, дай человѣку напиться!» — и ему тотчасъ принесли чистой воды. На утро царь рассказалъ криводушному все, что съ нимъ случилось, наградилъ его и отпустилъ. Мужику захотѣлось попытать такого-жъ счастья, и пошелъ онъ подъ тоже дерево, гдѣ былъ и правдивой, да нечистая сила почуяла его и разорвала на части. Другіе варианты см. у Худякова, вып. 2, № 47; въ «Собраніи старин. русск. сказокъ» (въ типогр. Степанова, 1830 г.) — сказку о Климкѣ, стр. 3—12; въ Черниговск. губерн. вѣдомостяхъ 1860 г., № 15 — прекрасно-записанный малороссійской вариантъ: Правда, ослѣпленная Неправдою, возвращаетъ себѣ зрѣніе, помазавъ очи цѣлющею *росою съ одного дерева*, и тою-же росою исцѣляетъ потомъ слѣпую царевну.

Эта любопытная сказка, въ основу которой положена высоко-
нравственная идея, повторяется съ нѣкоторыми варіаціями
у многихъ народовъ. Въ изданіи «*Volkslieder der Wenden in der
Ober- und Nieder Lausitz*», т. II, стр. 181—4, сообщена сказ-
ка, весьма близкая къ русской, подъ заглавіемъ: «Правда
всегда останется правдою». Прямодушный спорить съ лука-
вымъ и поплачивается своими глазами; слѣпой тащится онъ
въ городъ, и въ полночь останавливается на дорогѣ, въ на-
деждѣ, что кто-нибудь поутру доведетъ его до заставы. Вдругъ
послышался шелестъ—на то самое мѣсто прилетѣли три духа,
которые обыкновенно по ночамъ покидаютъ свои тѣла и тво-
рятъ на свѣтѣ великія бѣды¹⁾. Они стали передавать другъ
другу свои дѣянія: одинъ посадилъ жабу въ источникъ, и отто-
го въ немъ вода изсякла; другой воткнулъ серебряной гвоздь
въ кровать королевны, и красота ея поблекла и бѣлое тѣло
до костей высохло; третій указалъ на близкой колодезь, вода
котораго можетъ возвратить потерянное зрѣніе. Бѣднякъ под-
слушалъ эти рѣчи и всѣмъ этимъ воспользовался; а лукавой
его соперникъ вскорѣ былъ разорванъ тѣми-же самыми дѣ-
хами. Въ сербской редакціи (Српске народне приповијетке, № 16:
«Правда и кривда», стр. 106) споръ о правдѣ и кривдѣ рѣша-
етъ дьяволъ; братъ злой выкалываетъ глаза правдивому и
оставляетъ его у того мѣста, гдѣ собираются вилы купаться
въ источникѣ; вилы, разговаривая между собой, открываютъ
ему цѣлебное свойство воды этого источника, излѣчающей
отъ слѣпоты, хромоты и глухоты. Въ валахской сказкѣ (№ 5:
«Чародѣйное зеркало») мать, завидуя чрезвычайной красотѣ
своей дочери, испекла сильно-посоленной пирогъ, взяла круж-

¹⁾ Почти у всѣхъ славянъ существуетъ повѣрье, что когда человѣкъ спитъ,
то душа его можетъ оставлять тѣло и странствовать по свѣту. Сербы припи-
сываютъ это вѣщимъ женамъ (колдуньямъ), и вылетающія души называютъ
вјештицами.

ку воды и отправилась вмѣстѣ съ дочерью въ лѣсъ, завела ее въ пустыню и истомила голодомъ, жаждою и усталостью до того, что дѣвушка не могла идти далѣе. — Ахъ! говорила дочь, я не могу идти дальше; я голодна. «Позволь выколоть себѣ одинъ глазъ, и я отдамъ тебѣ этотъ пирогъ.» Дѣвушка ужаснулась и заплакала. «Ну, пойдѣмъ дальше; видно, ты еще не голодна!» Дѣлать было нечего — она подчинилась нуждѣ, и жестокая мать выколола ей глазъ. Дѣвушка съѣла пирогъ и почувствовала невыносимую жажду; тогда мать выколола ей другой глазъ за обѣщанную кружку воды, но лишивъ ее зрѣнія, она разбила кружку и сказала: «иди, милое дитя! я поведу тебя туда, гдѣ ты не узнаешь болѣе жажды!» Она поставила бѣдную слѣпую на скалѣ, у подошвы которой бѣжалъ дождевой ручей, а сама ушла домой. Слепая стала на колѣни и обратилась съ теплою молитвою къ Богу; явилась скорая заступница несчастныхъ Пресв. Дѣва, повела ее къ источнику и велѣла умыться, и едва она омочила свое лицо — какъ тотчасъ же прозрѣла. Вотъ содержаніе норвежской сказки: «Treu und Untreu (ч. II, № 18): два бѣдняка, родные братья, взяли по мѣшку съѣстныхъ припасовъ и пошли искать счастья. Во время пути покончили они сперва припасы правдиваго; но послѣ, когда правдивой хотѣлъ взять кусокъ изъ братнина мѣшка, криводушной ему отказалъ. «Но, вѣдь ты-же ѣлъ изъ моего мѣшка!» сказалъ обиженный. — Да, а ты зачѣмъ былъ такимъ дуракомъ! «Неправдивымъ (Untreu) ты называешься, таковъ есть и будешь во всю жизнь!» Раздраженной этими словами криводушной братъ выкололъ ему глаза: «теперь ты, слѣпая скотина, не увидишь, кто правдивъ и кто — нѣтъ!» Слепой влѣзъ на липу, чтобы тамъ переночевать, не боясь дикихъ звѣрей; подъ это дерево сошлись медвѣдь, волкъ, лиса и заяцъ праздновать Ивановъ день. Медвѣдь разсказалъ, что у такого-то короля плохіе глаза, не видятъ дальше локтя, но если бы

онъ сталъ утромъ подъ этою липою и опрыскалъ свои глаза росой съ ея листьевъ — то видѣлъ бы все отлично. Волкъ замѣтилъ: «у короля есть глухонѣмая дочь; но еслибъ онъ зналъ то, что я знаю, то навѣрно помогъ бы ей: прошлаго года была королевна у причастія и уронила частицу св. хлѣба (Altarbrod), а большая жаба проглотила ее; если найди подъ церковнымъ поломъ жабу, вытащить изъ ея горла эту частицу и дать ее съѣсть королевнѣ — то она будетъ и слышать и говорить.» Лисица сказала: «въ королевскомъ замкѣ плохая вода, и никто не знаетъ, что среди двора подъ большимъ камнемъ находится чистый колодецъ.» Заяцъ заключилъ: «у короля есть садъ, но плодовъ не приноситъ, потому что вокругъ его зарыта три раза обведенная золотая цѣпь.» — Конецъ сказки сходенъ съ русскою; правдивой женился на королевнѣ, а криводушной обѣднялъ и таскался въ лохмотьяхъ нищаго; узнавши о судьбѣ брата, онъ пошелъ искать счастья къ той-же липѣ, но звѣри его почуяли и разорвали. (Сличи сходную съ этою сказку, напечатанную въ сборникѣ Гримм., т. II, № 107.)

Въ сказку о «правдѣ и кривдѣ» занесено древнее преданіе о *гремячемъ* ключѣ, вода котораго возвращаетъ зрѣніе. Гремячими ключами называются тѣ, которые по народному повѣрью произошли отъ удара молніи. Въ нѣмецкихъ сказкахъ (Гримм., т. II, стр. 199) говорится о подобномъ же чудесномъ источникѣ: едва двѣ капли воды, взятой изъ этого источника, коснулись глазныхъ впадинъ слѣпаго, какъ онъ прозрѣлъ; тоже свойство другими славянскими и нѣмецкими сказками приписывается *росѣ* (ibid., стр. 123 — 4; сборники Вольфа, стр. 160, и Гальтриха, стр. 36 — 37) и *слезамъ* (Гримм., т. I, стр. 78: «едва двѣ слезы упали въ глазныя впадины слѣпаго — въ этихъ впадинахъ вновь заблистали ясныя очи»). Въ русскомъ духовномъ стихѣ «Сорокъ каликъ со каликою» (Пѣс-

ни Рыбникова, ч. I, стр. 240) рассказывается: когда Михайло Потыкъ Ивановичъ былъ оклеветанъ въ покражѣ княжеской чаши, то калики, по напередъ-положенной заповѣди,

Теменемъ языкъ (у него) повытянули,
Ясны очушки повыкопали,
Бросили его въ раздольице-чисто поле.

Михайло - Потыкъ Ивановичъ на четверенькахъ потащился къ сыру *дубу*.

Прилетала птица райская,
Садилась на тотъ на сырой дубъ,
Пѣла она пѣсни царскія:
«Кто въ эту пору-времячко
Помоется *росою* съ этой шелковой травы,
Тотъ здоровъ будетъ!»

Михайло догадался, умылся росой, и въ тотъ же мигъ

Заростались его раночки кровавыя,
Сталъ онъ молодецъ здоровъ по прежнему.

Въ хорутанской сказкѣ (сборн. Валявца, стр. 36—37) несчастному слѣпцу указываютъ на цѣлебную росу *вилы*: «i došle su vile i spominjale su se, da bi ov človek znal da bi zorjinum gosum (росой на зорѣ) oči pamazal, tam bi pregledal.» У насъ до сихъ поръ поселяне собираютъ юрьевскую росу, какъ цѣлебное средство отъ глазныхъ болѣзней, и моютъ ею больные глаза при чтеніи заговора (Кіевск. губернск. вѣдомости 1850 г., № 16). Такое лѣчение глазъ росой состоитъ въ близкой связи съ тѣмъ цѣлебнымъ и священнымъ значеніемъ воды, дождя и росы, какое засвидѣтельствовано весьма многими народными повѣрьями. Лѣчить больныхъ водою (взбрызгиваніемъ, умываньемъ и питьемъ) доселѣ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей народной медицины. Преданіе о водѣ, дающей зрѣніе, есть собственно преданіе о *живой водѣ*, т. е. о весеннемъ дождѣ, оживляющемъ природу послѣ ея зимняго сна. Какъ шумно-пролившійся дождь возвращаетъ

изъ за тучъ ясное солнце, или говоря мѣтѣческимъ языкомъ: возвращаетъ способность зрѣнія всесвѣтвому глазу-солнцу, и какъ роса, падающая на утренней зарѣ, предвѣщаетъ скорое *пробужденіе* этого свѣтила отъ ночнаго покоя; такъ думали и вѣрили, что весенній дождь и роса могутъ помогать и вообще человѣческому зрѣнію. Въ замѣчательной валахской сказкѣ (№ 10) тоже чудесное свойство придано *молочному* пруду (Milchteiche): доброй мѡлодецъ находитъ слѣпую старуху, которая принимаетъ его къ себѣ: «будь, говоритъ, моимъ сыномъ, стереги моихъ овецъ; но берегись, не подходи къ лѣсному оврагу: тамъ живутъ злые драконы, которые похитили свѣтъ моихъ глазъ.» Мѡлодецъ взялъ дудку, пошелъ къ оврагу и началъ насвистывать. Драконы жадно вслушивались въ его игру и просили научить ихъ этому искусству. Онъ согласился, взялъ топоръ, свалилъ дубъ, раскололъ его и вбилъ клинъ; потомъ сказалъ драконамъ, чтобъ они всунули въ щель свои пальцы, что это необходимо нужно и что иначе нельзя хорошо перебирать на дудкѣ пальцами. Какъ только драконы исполнили его желаніе, онъ вытащилъ клинъ, и грозя имъ топоромъ, потребовалъ, чтобъ они немедленно возвратили старухѣ зрѣніе. Драконы сказали, что для этого надобно ей трижды умыть свои глаза въ молочномъ пруду. Мѡлодецъ выслушалъ и убилъ драконовъ; а слѣпая старушка пошла на прудъ и три раза умыла свои глаза; вслѣдъ за каждымъ разомъ она могла видѣть все яснѣй и яснѣе, и послѣ третьяго умыванья глаза ея сдѣлались свѣтлы и зорки, какъ у ребенка. *Драконы* (змѣи), отнимающіе свѣтъ очей, суть олицетворенія тучъ, затемняющихъ небесныя свѣтила, которыя издревле уподоблялись глазамъ; *молочная вода*—дождь, который въ народныхъ преданіяхъ сближается съ молокомъ, потому что самыя тучи обыкновенно представлялись небесными коровами, питающими землю изъ своихъ сосцовъ.

Въ вариантахъ, напечатанныхъ нами въ V выпускѣ, болѣзнь царевны излѣчивается травами и жаръ-цвѣтомъ, который когда цвѣтетъ, то ночь бываетъ яснѣе дня и море колышется, и котораго всѣ черти боятся: это очевидно огненный цвѣтъ папоротника, о которомъ до сихъ поръ живутъ въ народѣ самыя живыя языческія преданія.

Замѣтимъ, что въ сказкахъ о «правдѣ и кривдѣ» упоминается о паденіи цѣлебной росы съ древесныхъ вѣтвей и о сборищѣ нечистой силы подъ *дубомъ*: дерево это въ глубокой языческой древности имѣло священное значеніе (см. примѣчаніе къ № 10, вып. VII).

11.

ВАСИЛІЙ БУСЛАВИЧЪ.

Напечатанная нами сказка можетъ служить вариантомъ къ помѣщенной у г. Сахарова на стр. 38 — 64 (Рус. народн. сказки, Спб., 1841: «Василій Буслаевичъ»), любопытной по своимъ указаніямъ на нѣкоторыя черты стародавняго новгородскаго быта, на преданія о богатыряхъ и на характеръ братчинъ; сличи также съ былиною, напечатанною въ Древнихъ росс. стихотворен., стр. 72 — 84; имя Василя Буслаевича встрѣчаемъ и въ другой пѣснѣ (*ibid.*, стр. 166). Такъ называемыя «былины» состоятъ въ близкой связи съ народными сказками, ибо и тѣ и другія суть обломки древняго народнаго эпоса. Многія повѣсти, живущія въ народѣ въ прозаической формѣ сказокъ, въ то же время сохраняютъ и пѣсенной (стихотворной) ладъ и поются на извѣстные старинные голоса. «Былины» указываютъ намъ, что многія произведенія народнаго эпоса первоначально выражались въ пѣсенной формѣ;

но въ послѣдствіи форму эту начинаетъ болѣе и болѣе осиливать рѣчь прозаическая, какъ дающая болѣе свободы разскащику; на то же указываетъ и замѣчаемый во многихъ простонародныхъ сказкахъ метрическій складъ.

Въ сказкѣ «Василій Буславичъ», помѣщенной въ нашемъ сборникѣ, особенно любопытно окончаніе, которое, по своему характеру, должно принадлежать отдаленной старинѣ. Окончаніе это заключаетъ въ себѣ какое-то загадочно-поэтическое преданіе о смерти богатыря, сила котораго не вѣдала никакихъ препонъ. Василій Буславичъ поплылъ черезъ море, къ зеленымъ лугамъ; тутъ лежала *морская пучина — кругомъ глаза*; сталъ онъ вокругъ нее похаживать, сапожкомъ ее попинывать. «Не пинай меня, говоритъ пучина, и самъ тутъ будешь!» Разшутились тогда рабочіе люди Васильевы и стали скакать черезъ морскую пучину; всѣ перескочили, а Василій прыгнулъ и задѣлъ ее пальцемъ правой ноги — да тутъ и померъ! Былина о Васильѣ Буслаевичѣ, записанная г. Рыбниковымъ (Пѣсни, ч. I, стр. 362—3), замѣняетъ пучину камнемъ-алатыремъ, который въ заговорахъ всегда упоминается вмѣстѣ съ окіанъ-моремъ.

Говоритъ Василій:

Ай же ты, дружина моя хоробрая!
Скачите черезъ бѣль-горючъ камень.

Дружина перескочила черезъ тотъ камень три раза; началъ скакать самъ богатырь:

Разъ скочилъ, и другой скочилъ,
А на третій говоритъ дружинѣ хоробрая:
Я на третій разъ не передомъ, задомъ перескочу.
Скочилъ задомъ черезъ бѣль горючъ камень,
И задѣла ножка правая,
И упалъ Васильюшка Буслаевичъ
О жестокъ камень своимъ плечы богатырскими.

ИЛЬЯ-МУРОМЕЦЪ.

Сказка объ Ильѣ-Муромцѣ въ полнѣйшемъ списокѣ напечатана въ сборникѣ г. Сахарова, на стр. 65—93; сличи съ былиною, напечатанною въ Древнихъ росс. стихотворен., стр. 352—9, 418—420; другой варіантъ см. въ «Подснѣжникѣ» 1859 г., № I, стр. 92—99. Въ Пермскомъ сборникѣ (т. II, стр. 166—7) г. Зыряновъ помѣстилъ прекрасную сказку о богатырѣ Аксѣнкѣ, который подобно Ильѣ-Муромцу истребляетъ разбойниковъ; складъ этой сказки близокъ къ языку былинь. Имя Ильи-Муромца самое популярное въ русской народной поэзіи; оно встрѣчается весьма часто въ различныхъ пѣсняхъ, которыя приписываютъ ему многіе и разнообразные подвиги.

Илья-Муромецъ извѣстенъ и какъ лицо историческое; онъ жилъ около 1188 года и прославился святостью своей жизни (Опис. кѣвопеч. лавры, стр. 87). Согласно съ этимъ и народная сказка представляетъ его твердымъ защитникомъ христіанства и строгимъ исполнителемъ его заповѣдей. Тридцать лѣтъ, отъ самаго рожденія, сидѣлъ онъ сиднемъ, не двигаясь; но онъ былъ милосердъ къ нищей братіи, и за то Господь его помиловалъ и даровалъ силу великую ¹⁾ «По божьему велѣнью приходили два калика перехожіе, становились подъ окошечко косящатое и просили милостыни. И говоритъ имъ Илья: «нищіе братія! взойдите ко мнѣ во храмину. Есть у насъ всего много, а подать вамъ некому. И го-

¹⁾ Такой религіозный характеръ особенно замѣтенъ въ былинь, напечатанной въ I выпускѣ Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, гдѣ вмѣсто каликъ перехожихъ являются къ Ильѣ-Муромцу Спаситель и два апостола.

«ворять ему калики перехожіе: встань-ка самъ! — Сижу сид-
 «немъ я тридцать лѣтъ, а вставать не встану: нѣтъ у меня ни
 «рукъ, ни ногъ!—проговорить имъ Илья. И говорятъ калики
 «перехожіе ему во второй разъ: встань-ка самъ! Илья сидитъ,
 «силу пробуетъ, а въ отвѣтъ держитъ рѣчь: всталъ бы я, и
 «сила есть, да нѣтъ ногъ. И говорятъ ему калики перехожіе
 «въ третій разъ: встань-ка самъ! Илья сидитъ, силу про-
 «буетъ: тронетъ ногу—нога поднимается, тронетъ другую—
 «другая поднимается. И сталъ вставать Илья на ноги. Вста-
 «етъ Илья, поднимается, посерѣдъ пола становится. И гово-
 «рятъ ему калики перехожіе: сходи-ка за пивомъ, да напой
 «насъ! И взялъ Илья братину великую, пошелъ во подвалы
 «глубокіе, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ, и подносилъ
 «каликамъ перехожіимъ. — Выпей-ка самъ! — въ отвѣтъ мол-
 «вятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Толь-
 «ко и видѣли пиво. Говорятъ ему калики перехожіе: сходи-ка
 «за пивомъ, да напой насъ! И взялъ Илья братину больше
 «прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того,
 «наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ пуще того, и подносилъ
 «каликамъ перехожіимъ. — Выпей-ка самъ! — въ отвѣтъ
 «молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ.
 «Только и видѣли пиво. И спрашали его, Илью, калики пе-
 «рехожіе: слышишь ли, Илья, свою силу? И молвитъ Илья:
 «слышу! И спрашали его, Илью, калики перехожіе: какъ ве-
 «лика твоя сила? И молвитъ Илья: кабы былъ столбъ отъ
 «земли до неба, и я перевернулъ бы всю землю! Стали про-
 «межъ себя калики говорить: много дано силы Ильѣ, земля
 «не снесетъ; поубавимъ силы. И говорятъ ему калики пере-
 «хожіе: сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! И взялъ Илья
 «братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опу-
 «скался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ пуще
 «того, и подносилъ каликамъ перехожіимъ — Выпей - ка

«самъ! — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спрашали его, Илью, калики перехожіе: слышишь ли, Илья, свою силу? И молвилъ Илья: поубавилось силы кабы на семую часть! Стали промежъ себя калики говорить: будетъ съ него! И прощались съ Ильею калики перехожіе.» (Рус. нар. сказки Сахарова, стр. 65—7.)

Приведенному нами разсказу соотвѣтствуютъ нѣкоторыя мѣста норвежскихъ сказокъ; въ одной изъ нихъ читаемъ: королевичъ рѣшился избавить отъ двѣнадцати-главаго тролля похищенныхъ имъ царевенъ; чтобы совершить этотъ подвигъ, онъ долженъ былъ поднять ржавой мечъ, висѣвшій на стѣнѣ въ замкѣ тролля, но королевичъ не въ силахъ былъ и повернуть его. «Выпей изъ этой фляги, что виситъ подлѣ, сказала царевна; такъ всегда дѣлаетъ тролль, когда хочетъ поднять мечъ.» Королевичъ сдѣлалъ одинъ глотокъ, и могъ уже снять тяжелый мечъ со стѣны; за другимъ глоткомъ — могъ его поднять, а за третьимъ — сталъ свободно махать имъ: такъ постепенно за каждымъ глоткомъ прибывала въ немъ сила (ч. I, № 3; также смотри № 9, 27; ч. II, № 1). Если влагою изъ этой чудесной фляги омыть раны, онѣ тотчасъ заживають, а если окропить ею убитаго — члены его мгновенно срастаются и убитый оживаетъ (*ibidem*, ч. I, № 9 и ч. II, № 5), что прямо намекаетъ на преданіе, общее всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, о *живой водѣ*, которая исцѣляетъ раны, даетъ силу и самую жизнь ¹⁾, и которую называютъ также *богатырскою* (см. собраніе сказокъ Броницына, стр. 41: сказка о богатырѣ Голѣ Воянскомъ) и *сильною* (см. сказку: «Звѣрь-Норка» — № 6 настоящаго выпуска). Кто выпьетъ

¹⁾ О живой водѣ см. Отеч. Записки 1852 г., № 2 (Зооморфич. божества у славянъ). Вѣстн. рус. геогр. общ. 1855 г., № 6, стр. 211, 221—2 (татарскія поэмы).

богатырской воды, у того тотчасъ прибываетъ сила великая; только испивъ такой чудодѣйственной воды, царевичъ смогъ поднять мечъ-кладенецъ и убить могучаго звѣря-Норку. Преданіе, рассказывая о сильной, богатырской водѣ, противопоставляетъ ей воду *безсильную* ¹⁾. Въ одной норвежской сказкѣ (ч. I, № 14) упоминается въ замкѣ тролля котелъ, въ которомъ кипитъ чудесная вода: стоить только искупаться въ ней — и тотчасъ станешь красивымъ, бѣлымъ, румянымъ, словно кровь съ молокомъ, и сильнымъ, что вполне согласно съ показаніями и нашихъ народныхъ сказокъ.

Вѣрный своему христіанскому одушевленію, Илья-Муромецъ посвящаетъ свою громадную силу на служеніе родинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ обѣтъ: *не проливать по напрасну человеческой крови*. Богатырь принимаетъ родительское благословеніе и отправляется на совершеніе трудныхъ подвиговъ. Въ описаніи этихъ подвиговъ донеслись до насъ нѣкоторыя черты отъ перваго времени государственной жизни Руси, когда связь общественная еще достаточно не окрѣпла: внутри государства, среди лѣсовъ и пустынныхъ мѣстъ, легко укрывался разбой, а извнѣ угрожали непрерывные набѣги дикихъ, азіятскихъ кочевниковъ, и когда языческіе обряды были еще живы въ массѣ и неохотно уступали возвышеннымъ идеямъ христіанства. Илья-Муромецъ усмиряетъ разбойничью шайку, освобождаетъ Черниговъ отъ безчисленныхъ басурманскихъ полчищъ и уничтожаетъ языческіе жертвенные обряды, или слѣдуя наглядному представленію сказки: убиваетъ *нечестиваго Идолища, который пѣтъ за развѣ по цѣлому быку жареному со всѣми косточками и*

¹⁾ См. Собран. рус. сказокъ, М., 1830 («Ивашко-медвѣжье ушко»). Сильная и безсильная вода хранится у бабы-яги.

пьетъ по котлу меду (пива), а котель такъ великъ, что поднимають его двѣнадцать (или двадцать) человѣкъ (Шевырева: Чтенія объ истор. рус. словесности, преимущественно древней, ч. I, стр. 196). Весьма характерна та насмѣшка, съ какой обращается Илья-Муромецъ къ Идолищу, пожирающему жертвенныя приношенія: «была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и издохла!»

Кромѣ того, Илья-Муромецъ совершилъ еще одинъ подвигъ: взялъ въ полонъ Соловья-разбойника, отъ котораго залегла прямоѣзжая дорога къ Кіеву ровно на 30 лѣтъ: никакой человѣкъ по ней не прохаживалъ, звѣрь не прорыскивалъ, птица не пролетывала. Соловей-разбойникъ свилъ себѣ на двѣнадцати (или девяти) дубахъ ¹⁾ гнѣздо, и сидя тамъ свисталъ такъ громко, что побивалъ своимъ свистомъ, какъ бы ударомъ грома. За десять верстъ раздался его свистъ—и богатырской конь подъ Ильею тотчасъ споткнулся; а во дворѣ князя Владиміра Соловей оглушилъ своимъ свистомъ могучихъ богатырей, такъ что они попадали наземь, и потрясъ самые своды палатъ княжескихъ:

Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А въ третій зрявкаетъ онъ по звѣриному (туриному).

Тѣже выраженія употребляетъ народный эпосъ, говоря о вѣщемъ конѣ сивкѣ-буркѣ:

Зрявкаетъ бурко по туриному,
Онъ шипѣ пустилъ по змѣиному...²⁾

¹⁾ Въ сказкѣ о Голѣ Воянскомъ (изд. Броницына, стр. 38): «загремѣлъ Зилантъ (змѣй), выходя изъ желѣзнаго гнѣзда, а висѣло оно на 12 дубахъ, на 12 цѣпяхъ.» Дубъ—дерево, посвященное въ язычествѣ Перуну.

²⁾ Сличи съ пѣснею о лютомъ Скименѣ-звѣрѣ:

Отъ его было отъ крику отъ звѣринаго
Что быстрая рѣка-мать взволновалася;

О значеніи этого вѣщаго коня и о связи преданій, касающихся сказочныхъ животныхъ: коня и змѣя, смотри въ Отеч. Зап. 1852 года, № 1 и 2 (Зоомор. божества у славянъ). Въ одномъ заговорѣ сравнивается говоръ змѣя съ шумомъ вѣтра: «что не вѣтеръ шумить—Зміуланъ говоритъ!» (Библ. для чтен. 1848 г., т. 90, стр. 57, стат. Гуляева.) Согласно съ показаніемъ сказки о свистѣ Соловья-разбойника, въ одной рукописной повѣсти XVII вѣка читаемъ: «начаше змій великій *свистати*; отъ змѣева свистанія падоша подъ ними (т. е. послами) кони» (Архивъ историко-юрид. свѣдѣній, т. II, половина 2-я, стр. 48, стат. Буслаева). Въ образѣ змѣя грубое язычество олицетворяло физическія явленія грозы, грома и бури. У моряковъ до сихъ поръ существуетъ повѣрье, что свистомъ можно накликать бурю, что вѣтеръ отъ свиста свѣжѣетъ; при стихающемъ попутномъ вѣтрѣ пловцы обыкновенно *свистятъ по вѣтеръ*. Свистать въ жилой избѣ въ просто-народьи почитается дурнымъ знакомъ и грѣхомъ; отъ того, кто это дѣлаетъ, по словамъ крестьянъ, отвращается Богородица. ¹⁾ Всѣ эти сближенія наводятъ на мысль, что сказка подъ именемъ Соловья-разбойника разумѣетъ богатыря-кудесника, который по своей волѣ могъ вызывать страшные вихри и грозу, и управлять ими. Свистъ его есть эпическое изображеніе грозы.

Отъ его было *отъ свисту отъ солоевинаго*
 Что темны лѣса къ сырой землѣ клонилися;
 Отъ его было *шипѣнья отъ змѣинаго*
 Зелена трава въ чистомъ полѣ повянула.

(Прибавл. къ Изв. Акад. наукъ 1853 года, стр. 173—4.)

¹⁾ Изба, въ которой свистятъ, опустѣетъ; кто свищетъ въ избѣ, того ночью испугаетъ домовой; кто свиститъ въ ключъ—тотъ потеряетъ память; не должно свистать во время весеннихъ посѣвовъ, и тамъ, гдѣ сидитъ на яйцахъ насѣдка: иначе замрутъ цыплята (Ворон. губ. вѣдом. 1851 года, № 11; Иллюстр., годъ 2, стат. Даля, стр. 171 — 2; Боричевского: Славян. народн. рассказы, стр. 159).

МАРКО БОГАТОЙ И ВАСИЛІЙ БЕЗСЧАСТНОЙ.

Сказка о Маркѣ Богатомъ была напечатана въ альманахѣ: «Денница» (на 1834 годъ, стр. 5 — 21), съ нѣкоторыми любопытными измѣненіями противъ списковъ, помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи. Особенно-интересно начало разсказа, созданное въ духѣ христіанскаго ученія о любви къ нищей братіи:

Жилъ-былъ Марко Богатый. Такъ вездѣ прозывался онъ, потому что у него было несмѣтное богатство. И Марко тѣмъ весьма величался, и былъ непомѣрно гордъ своимъ прозвищемъ. Во снѣ и на яву ему грезилось только его богатство.

Однажды, стоя въ церкви, Марко сказалъ своему сосѣду: «что это, сосѣдъ! какъ ни богатъ я, а хотъ бы разъ Господь Богъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости!» — Что-жъ, отвѣчалъ сосѣдъ, приготовься получше, и Господь посѣтитъ тебя своею благодатію. Сосѣдъ разумѣлъ по христіански, а Марко понялъ это по своему; сталъ готовить богатый обѣдъ, пышно разубралъ домъ свой, настлалъ парчи и бархату отъ воротъ до церкви, и сталъ дожидаться, а самъ ужъ ни на кого и не глядитъ. Прошла обѣденная пора, а Марко все ждѣтъ. Ужъ стало садиться и солнце; Марко не дождался и велѣлъ собирать парчи и бархаты, разостланные по дорогѣ и по двору.

Въ это время приходитъ на его дворъ сѣденькой старичокъ и проситъ ночлега. «Не до тебя мнѣ!» сказалъ ему съ сердцемъ Марко. «Ради Бога, Марко Богатый! укрой меня отъ темноты ночной.» И Марко, чтобъ отвязаться, велѣлъ впустить его въ избу, гдѣ лежала у него при смерти хвора тетка.

На другой день видитъ Марко, что идетъ къ нему тетка совсѣмъ здоровая. «Какъ это угораздило тебя, тетка?» сказалъ онъ съ удивленіемъ. — Ахъ, Марко Богатый! отвѣчала она, знаешь ли что? Видѣла я, будто въ эту ночь Господь Богъ приходилъ въ мою избу ¹⁾, и будто къ нему прилеталъ ангелъ и рассказывалъ, что въ эту ночь родилось три младенца: одинъ у купца, другой у крестьянина, а третій у такого-то бѣднаго, и спросилъ: какой таланъ присудишь имъ, Господи? И Господь сказалъ: купеческому сыну обладать отцовскимъ таланомъ, крестьянскому сыну обладать землепашествомъ, а бѣднякову сыну — Марковымъ богатствомъ. «А еще что?» спросилъ Марко. — Да вотъ какая еще благодать: какъ проснулась я, то встала совсѣмъ здоровая, какъ самъ видишь! «Это ладно! сказалъ Марко, только съ бѣднякова сына много будетъ обладать Марковымъ богатствомъ!»

Далѣе содержаніе сходно съ рассказомъ, записаннымъ въ лукояновскомъ уѣздѣ и напечатаннымъ въ первомъ выпускѣ. Слова тетки залегли у Марка на душѣ. Онъ захотѣлъ провѣдать, подлинно ли родился сынъ у бѣдняка? и поѣхалъ къ нему. «Добрый человѣкъ! сказалъ онъ, что вамъ дѣлать съ этимъ мальчишкой, коли и самимъ вамъ нечего ѣсть? отдай его мнѣ!» — Что ты, Марко Богатый! сказала мать, даетъ Богъ дѣтушекъ, дастъ и на дѣтушекъ!» Марко далъ пятьсотъ рублей, и бѣдняки согласились. Онъ взялъ къ себѣ мальчика и на полѣ бросилъ его въ сугробъ снѣгу. Въ тотъ-же день ѣхали по той дорогѣ купцы на ярмарку, и видятъ, что изъ сугроба валитъ паръ. Подошли, а въ сугробѣ проталинка, на проталинкѣ зеленѣетъ трава и цвѣтутъ цвѣты, а въ цвѣтахъ лежитъ мальчишечка, забавляется и улыбается. «Это Богъ

¹⁾ Подобное сказаніе о нѣкоемъ игуменѣ, его-же искуси Христосъ во образъ нищаго, указано профес. Буслаевымъ (см. Историч. очерки рус. нар. словесн., т. I, стр. 444, 448—9).

даетъ намъ благодать!» сказалъ хозяинъ и взялъ мальчика съ собою. Марко выпросилъ его у купцовъ за тысячу рублей, и какъ только разлились рѣки — онъ перерѣзалъ ему брюшко, положилъ въ ящичекъ и пустилъ за полою водою. Волной прибило ящикъ къ берегу, на которомъ стоялъ убогой монастырь. Монахи взяли мальчика, заживили ему брюшко, и онъ сталъ у нихъ расти такъ скоро, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ подымается¹⁾. Прошло пятнадцать лѣтъ, и мальчикъ, названный Иваномъ, сталъ ужъ на возрастъ. Случилось Марку Богатому захватить въ тотъ монастырь; сдѣлалъ онъ богатой вкладъ туда и выпросилъ себѣ Ивана, обласкалъ его и послалъ въ свой домъ съ письмомъ; а въ письмѣ этомъ приказываетъ женѣ, чтобъ она непременно послала гостя въ ту конуру, гдѣ содержатся у него самыя злыя собаки, заперла бы его тамъ и не давала бы собакамъ корму три дня, до его пріѣзда. Иванъ пустился въ путь. На полдорогѣ онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Въ это время ангель-хранитель невидимо взялъ у него письмо Марково и положилъ другое, въ которомъ такою же рукою написано было, что Марко нашелъ жениха своей дочери, и велитъ женѣ поскорѣ обвинчать ихъ. Пріѣхалъ Марко, узналъ о свадьбѣ, и посылаетъ своего зятя сходить къ вѣщуну-людоѣду, да справиться у него: какъ велико Марково богатство, и есть ли ему счетъ? Иванъ пошелъ, на дорогѣ встрѣтилъ вѣчнаго перевозчика; пошелъ дальше — и видитъ: стоитъ курганъ, на курганѣ колышекъ, а на колышкѣ стоитъ одной ногою мужичокъ и мотается, куда вѣтеръ повѣетъ, и всего его вѣтромъ истрепало, какъ ветошку. «Куда Богъ несётъ?» спросилъ онъ у Ивана. — Къ вѣщуну-людоѣду. «Ахъ, добрый молодецъ! узнай, когда кончится мѹка моя такая, что вотъ уже пятнадцать лѣтъ стою тутъ и мота-

¹⁾ Сличи съ началомъ стариннаго сказанія о кровосмѣсителѣ (Памятн. старин. русск. литерат., вып. II, стр. 415).

етъ меня, куда вѣтеръ повѣетъ, и всего изветшалило!» Пришелъ Иванъ къ вѣщуну, а жена его была русская, распросила Ивана обо всѣмъ, и говоритъ: «не за тѣмъ прислалъ тебя Марко, прислалъ на сѣденіе!» И всплакался Иванъ. «Не плачь! авось сладимъ дѣло.» Вдругъ заревѣлъ вѣтеръ, закрутилъ вихорь. «Ахти, сказала она, мужъ летитъ! Ну, слушай же хорошенько!» Тутъ она перекинула съ руки на руку иглочку, воткнула въ него: онъ сталъ булавочной головкою, и она приколола его себѣ на голову, а сама стала выпрашивать людоеда: «есть ли счетъ Маркову богатству?» — Какъ звѣздамъ на небѣ, отвѣчалъ людоедъ. «А долго-ль мотаться мужичку, что стоитъ на курганѣ на колышкѣ?» — Да коли кто-нибудь догадается ударить его наотмашъ палкою, такъ онъ разсыпится золотомъ да камнями самоцвѣтными! ¹⁾ Какъ только людоедъ улетѣлъ рыскать по свѣту, жена его вынула булавку изъ головы, перекинула съ руки на руку, и булавочная головка стала опять молодцомъ Иваномъ. Распрощались они. Иванъ отправился въ дорогу; ударилъ палкою наотмашъ мужичка на курганѣ (тотъ разсыпался и зазвенѣлъ червонцами и всякими самоцвѣтными камнями), набралъ, сколько могъ снести, богатства и пошелъ домой. Марко увидѣлъ драгоцѣнности, которыми Иванъ дарилъ молодую свою жену. «Это откуда столько?» спросилъ онъ. — Столько? сказалъ Иванъ, нѣтъ! тамъ на курганѣ и не столько еще осталось, да ужъ нести было не подъ силу. «Что-жъ ты, братъ! пойдемъ поскорѣе, пока еще не растаскали!» — Съ меня довольно и этого! Марко пошелъ одинъ, да ужъ не возвращался.

¹⁾ По русскому народному повѣрью, кладъ иногда является въ видѣ человека; если ударить его наотмашъ, то онъ разсыпится деньгами (Иллюстр., годъ 2-й, стат. Даля, стр. 409; Тульск. губ. вѣдомости, 1852 г., № 27).

Иванъ обладаетъ Марковымъ богатствомъ, а Марко Богатый все возить да возить черезъ рѣку, и въ вѣкъ не догадается, что ему надо сдѣлать....

Существуютъ народные рассказы, въ которыхъ «купецъ именитый Марко» играетъ ту-же роль, какъ и извѣстный богачъ въ стихѣ о Лазарѣ, и также попадаетъ въ адъ. Въ Бѣлоруссіи есть поговорка: «расходився, якъ *Марко* по пеклу», есть и преданіе, что нѣкто Марко, попавшись въ адъ, распугалъ и разогналъ оттуда всѣхъ чертей. Но какъ въ нѣкоторыхъ стихахъ вмѣсто одного Лазаря народная фантазія создала двухъ: бѣднаго и богатаго; такъ точно и Марко, являясь въ народныхъ рассказахъ немилосерднымъ богачомъ, въ одномъ стихѣ смѣшивается съ бѣднякомъ—убогимъ Лазаремъ:

Былъ купецъ
Именитый Марка.
Приснилось ему во снѣ,
Во тѣмной во ночи,
Чтобы свое имѣнье
Расточить по нищей братьи
И по бѣднымъ людямъ.
Былъ Марка распростосудительный:
Нищихъ не забывалъ
И бѣдныхъ ссужалъ,
И насмѣшки народу
Не произношалъ

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе его блаженной кончины, которое заключается тѣмъ, что *Симіёнъ-богупріимецъ* читаетъ рукописанье о важности и видахъ милостыни.

Сказка о Маркѣ Богатомъ, не смотря на приданный ей христіанскій характеръ, принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ. Въ основу ея положено общераспространенное у арійскихъ народовъ вѣрованіе въ предопредѣленіе судьбы, которая при самомъ рожденіи младенца уже напередъ рѣшаетъ всю его будущность, и никакія человѣческія усилія не

въ состояніи измѣнить такого рѣшенія. Въ этомъ отношеніи особенно важна хорутанская редакція разсматриваемой нами сказки (см. у Валявца, стр. 87—89), гдѣ будущая участь ребенка предрекается при его рожденіи Рожаницами или Судницами (Rojenice, Sojenice — отъ *судъ*, *судьба*). Въ норвежской сказкѣ, совершенно сходной съ нашею (ч. I, № 5), вмѣсто Рожаницъ выведены *звѣздочеты*, ради той близкой связи, въ какую средневѣковыя вѣрованія ставили судьбу человека съ расположеніемъ планетъ, при его появленіи на свѣтъ. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, дѣвы судьбы были вытѣснены и замѣнены народною фантазіею представителями новыхъ вѣрованій, но и при этомъ основномъ измѣненіи, древнее эпическое сказаніе сохранило многіе слѣды доисторическихъ преданій. Въ напечатанной нами сказкѣ Василій Безсчастной идетъ къ царю-змѣю, который такъ часто встрѣчается въ различныхъ народныхъ произведеніяхъ (см. сказку № 14 настоящаго выпуска). Гигантская, чародѣйная сила змѣя послужила мотивомъ, на которомъ фантазія создала многія сказочныя интриги. Нѣкогда представитель могучихъ и ужасающихъ силъ природы (см. Отеч. Зап. 1852 г., № 2: Зооморф. божества у слав.), въ народныхъ сказкахъ онъ является богатыремъ, удержавъ впрочемъ за собою типическія черты первоначальнаго своего значенія. Въ числѣ другихъ чудесныхъ свойствъ, онъ вѣдаетъ все тайное, почему Василій Безсчастной обращается къ нему съ тремя *загадками*, и змѣй разрѣшаетъ ихъ. Любопытно, что загадки эти передаются змѣю подъ видомъ *сновъ*, требующихъ объясненія, что подтверждаетъ древнюю связь загадокъ и сновъ, составляющихъ отдѣльныя части одного эпическаго преданія. Сновидѣніямъ въ глубокой языческой древности приписывалось вѣщее значеніе, и пока смыслъ ихъ не былъ объясненъ—они представлялись непонятными загадками, таин-

ственными указаніями на что-то невѣдомое, но уже грядущее. Сказка народная воспользовалась всѣми разнообразными частями эпического преданія: и загадками, и сновидѣніями, и примѣтами, и заговорами, какъ своимъ законнымъ достояніемъ. Предлагая загадки змѣю, Василій Безсчастной спрашиваетъ: о дубѣ, который стоитъ 300 лѣтъ — долго ли ему еще стоять? о китѣ-рыбѣ, которая лежитъ черезъ все море, а по ней, какъ по мосту, переправляются и конные и пѣшіе ¹⁾, и пробили ей тѣло до самыхъ рѣбръ — долго ли ей тутъ лежать? о *перевощикѣ* — долго ли ему перевозить черезъ рѣку? Подобныя загадки упоминаются и въ сказкахъ другихъ народовъ: знакъ, что въ нихъ кроются древнія представленія, смысла которыхъ однако нелегко доискаться. Перевощикъ, который переправляетъ черезъ рѣку странниковъ, идущихъ къ царю-змѣю или, по другимъ вариантамъ, въ пекло къ чорту и на край свѣта къ Солнцу, слѣдовательно въ иной, нездѣшній міръ, напоминаетъ собою греческаго Харона ²⁾. Въ норвежской сказкѣ богатому Петру Кремеру предсказали звѣздочеты, что дочь его выйдетъ замужъ за сына мельника. Недовольный такимъ предсказаніемъ, онъ купилъ у мельника мальчика, посадилъ его въ ящикъ, засмолилъ и бросилъ въ рѣку. ³⁾ Но судьба распорядилась по своему: мальчика вытащилъ другой мельникъ и взялъ къ себѣ. Когда Петръ узналъ это, онъ въ другой разъ купилъ мельничьяго сына,

¹⁾ Въ стихѣ о Ѳеодорѣ Тирянинѣ говорится, что, достигнувъ синя моря, онъ пошелъ по китѣ-рыбѣ, аки по мосту, аки по суху (Калики перехожіе, ч. I, стр. 526). — ²⁾ Сличи въ Каликахъ перехож., вып. 5, стр. 162:

Да тутъ ѣздитъ Михайло архангелъ-царь,
Перевозитъ онъ души, души праведныя,
Черезъ огненну рѣку ко пресвѣтлому раю,
Ко пресвѣтлому раю да ко пресолнечному.

³⁾ Это обычный эпическій пріемъ народныхъ сказокъ; см. сказку объ Емелѣ-дурачкѣ и мн. друг.; Сочин. А. Пушкина, изд. Анненкова, ч. I, стр. 437.

теперь уже выросшаго, и послалъ его домой съ письмомъ, въ которомъ приказывалъ убитъ его. Но во время ночлега, на пути, разбойники подмѣнили это письмо другимъ, въ которомъ было сказано, чтобъ подателя этого письма тотчасъ женили на хозяйской дочери. Свадьба была сыграна. Возвратясь домой, Петръ сильно разгнѣвался и послалъ своего новаго зятя добыть ему три пера съ драконова хвоста (von Dübenschweif). Тотъ отправляется; дорогой просятъ его два короля и королева спросить у дракона: одинъ—отчего нѣтъ въ его колодезь чистой воды? другой—куда похищена его дочь? третья: куда затерялся ея золотой ключъ? Наконецъ приходитъ онъ къ перевозчику, который поручаетъ спросить: долго ли осталось ему перевозить черезъ рѣку? Сказочный герой является къ дракону, и съ помощію царевны, которая подъ видомъ сновъ задаетъ дракону вышеозначенные вопросы, узнаетъ рѣшеніе всѣхъ загадокъ; потомъ убиваетъ дракона, беретъ у него изъ хвоста три пера, захватываетъ съ собою все золото и серебро, собранное дракономъ, и ворочается домой. На вопросъ: долго ли осталось перевозчику переправлять всѣхъ черезъ рѣку? — драконъ отвѣчалъ: чтобъ избавиться отъ этой обязанности, онъ долженъ перваго пришельца оставить среди рѣки и сказать ему: «сиди теперь ты!» Тогда перевозчикъ будетъ свободенъ, а пришелецъ заступитъ его мѣсто. Петръ, прельщенный богатствами, какія вывезъ его зять, отправился самъ къ дракону, но попалъ въ вѣчные перевозчики.—Таже сказка существуетъ у венгровъ (сборн. Штира, № 17), нѣмцевъ (см. Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 184—197, 312—321; Грим., т. I, № 29: «Der Teufel mit den drei goldenen Haaren», гдѣ мѣсто дракона заступаетъ чортъ), хорутанъ (сборн. Валявца, стр. 157—171), словаковъ (Westslawischer Märchenschatz, стр. 36—40) и сербовъ (Српске народне проповijetke, стр. 93, 96 — 7: «Усудъ»).

Въ сербской сказкѣ сама Судьба разрѣшаетъ предлагаемыя ей задачи, между которыми любопытна для насъ слѣдующая: сказочный герой, идучи къ Судьбѣ, пришелъ «на једну воду, па почне викати: «о водо! о водо! пренеси ме!» А вода га упита: «куда идеш?» А он јој каже куда иде. Онда га вода пренесе, па му рече: «молим те, брате, питај Усуда *за што ја не мам рода у себи?*» Когда нашелъ онъ Судьбу, то спросилъ и о водѣ: «шта би то било, да она вода нема рода?» А Усуд му одговори: «*за то нема, што није човека никад удавила*; али не шали се, не казуј јој док те не пренесе, јер ако јој кажеш, одмах ће те удавити.» Онда он захвали Усуду, па пође кући. Кад дође на ону воду, вода га запита: «шта је код Усуда?» А он јој одговори: «пренеси ме, пак ћу ти онда казати.» По што га вода пренесе, он потрчи, па кад одмакне подалеко, а он се осврне па повиче: «о водо! о водо! ниси никад човека удавила, за то рода немаш.» *Кад вода то чује, а она се разлије преко обале, па за њимъ, а он бежи, те једва утече.*» Въ этомъ преданіи нельзя не замѣтить указанія на глубокую языческую старину, когда боготворенныя рѣки и источники представлялись народной фантазіи въ живыхъ олицетвореніяхъ. Сличи сейчасъ-приведенное сербское преданіе съ рассказомъ Гомера о рѣкахъ Ксанѳъ и Симоисъ, преслѣдующихъ Ахиллеса (Иліада, пѣснь XXI), и съ русскою пѣснею о рѣкѣ Смородинѣ (Древн. рос. стихотв., стр. 296 — 8). Въ венгерской и словацкой редакціяхъ сказочный герой отправляется не къ змѣю, а къ Солнцу и спрашиваетъ его: зачѣмъ оно къ полдню подымается все выше да выше и грѣетъ сильнѣй и сильнѣе, а къ вечеру спускается все ниже да ниже и грѣетъ слабѣй и слабѣе? «Эхъ, милой! отвѣчало Солнце; спроси у твоего господина, отчего онъ со дня рожденія все болѣе и болѣе выросталъ и въ тѣлѣ, и въ силахъ, и отчего въ старости ослабѣлъ и пригнулся къ землѣ? Тоже

самое и со мной: моя мать каждое утро рождает меня прекрасным ребенкомъ, и каждый вечеръ хоронитъ меня слабымъ старикомъ.»

Въ нашемъ собраніи есть слѣдующая русская сказка: Добрый мѡлодецъ поступилъ на службу къ царю и заслужилъ его любовь; товарищи ему позавидовали и обнесли передъ царемъ: «онъ де похваляется узнать, отчего красное Солнышко трое сутокъ не свѣтитъ.» Призываетъ мѡлодца царь: «что жъ ты, говоритъ, другимъ хвастаешься, а мнѣ ничего не скажешь!» Отвѣчаетъ доброй мѡлодецъ: «знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю!» — Нѣтъ, братъ! у меня коли похвалился, такъ и дѣло сдѣлай; сейчасъ же отправляйся и узнай, отчего красное Солнышко трое сутокъ не свѣтитъ? Осѣдлалъ доброй мѡлодецъ коня, сѣлъ и поѣхалъ. Ъхалъ-ѣхалъ, и добрался до широкаго моря; черезъ море лежитъ щука-рыба великая, и ѣздить по ней конные и ходятъ по ней пѣшіе — испробили ей тѣло до самыхъ костей. Говоритъ ему щука: «ѣдешь ты къ красному Солнышку; спроси у него, долго-ль мнѣ эдакъ мучиться?» — Хорошо, спрошу. Переѣхалъ по щукѣ черезъ море широкое, и видитъ — стоитъ въ полѣ домъ, а въ немъ шумъ, крикъ и драка. Кричатъ ему оттудова: «ты ѣдешь къ красному Солнышку; спроси у него, долго ли намъ такъ мучиться?» Ёдетъ онъ дальше — стоитъ ^и да дорогѣ мужикъ весь запачканной, дуетъ на него вѣтеръ и несетъ ему и въ ротъ и въ носъ страшную пыль. Послѣ того увидалъ добрый мѡлодецъ двухъ бабъ — стоятъ на дорогѣ да другъ дружку водой поливаютъ; а еще проѣхалъ — увидалъ, какъ двѣ большія коровы мужика на рогахъ носятъ, и всѣ-то его просятъ: «ты ѣдешь къ красному Солнышку; спроси у него, долго-ль намъ мучиться?» Вотъ пріѣхалъ доброй мѡлодецъ къ красному Солнышку, и началъ его выпрашивать: «скажи, говоритъ, отчего ты, красное

Солнышко, трое сутокъ не свѣтило?» — Оттого, что все это времячко спорило я съ Еленой Прекрасною — кто изъ насъ красотой выше. «Какъ ѣхалъ я къ тебѣ, красное Солнышко, видѣлъ на пути двухъ большихъ коровъ — бѣгаютъ онѣ по полю да мужика на рогахъ носятъ; будетъ ли ему прощеніе?» — Нѣтъ ему прощенія; какъ жилъ онъ на томъ свѣтѣ да былъ пастухомъ, онъ за стадами не смотрѣлъ, на хорошую траву коровъ не гонялъ; вотъ за то теперь и мучается. «Видѣлъ я еще мужика, весь въ пыли стоитъ; будетъ ли ему прощеніе?» — Нѣтъ ему прощенія; зачѣмъ онъ свою избу затыкалъ крѣпко-накрѣпко, чтобъ ни вѣтеръ туда не дулъ, ни солнышко не пекло? «Видѣлъ я еще двухъ бабъ — стоятъ на дорогѣ, да поливаютъ другъ дружку водою.» — Это за то, что онѣ постояльцевъ пущали, имъ молоко продавали, да въ то молоко воды подливали; не видалъ ли еще чего? «Видѣлъ я домъ, а въ домѣ шумъ, крикъ и драка; велѣно у тебя спросить: долго ли такъ мучиться?» — Это за то, сказало красное Солнышко, что люди эти ѣли по постамъ скоромное, дрались и бранились и блудъ творили; не будетъ имъ отъ меня прощенія! «Да ѣхалъ я еще черезъ море, и наказывала мнѣ щука-рыба великая спросить у тебя: долго ли ей мучиться?» — Она проглотила три корабля съ товарами; когда отпустить ихъ, тогда и прощенье ей будетъ. Воротился доброй молодецъ къ царю и привелъ съ собой три корабля. Царь полюбилъ его больше прежняго. — Въ изданіи г. Боричевского: «Народн. славян. рассказы» находимъ чернорусскій рассказъ «Трое-сыне»; въ этомъ рассказѣ герой спрашиваетъ у матери Солнца о чудесномъ мостѣ, который не переставая вертится, и о двухъ горахъ, которыя безпрестанно то сходятся вмѣстѣ, то расходятся врозь. Отвѣтъ данъ такой: мостъ остановится, когда утопитъ кого-нибудь, а горы — когда убьютъ чело-вѣка (стр. 111 — 113).

Замѣтимъ, что упоминаемое въ нашихъ народныхъ сказкахъ *разчесываніе волосъ и исканіе въ голову* составляетъ обычный пріемъ въ эпическихъ произведеніяхъ и у другихъ народовъ (см. *Norwegische märchen*, ч. I, № 3; ч. II, № 1; Грим., т. I, стр. 180; т. II, стр. 36; Српске народне припо-
виѣтке, № 35, 36).

14.

ТЕОДОРЪ ТУГАРИНЪ И АНАСТАСІЯ ПРЕКРАС- НАЯ.

Сказка о Теодорѣ Тугаринѣ начинается тѣмъ, что олицетворенныя (нѣкогда боготворимыя) стихіи: Вѣтеръ, Градъ и Громъ берутъ въ замужество за себя трехъ царевенъ. Подобныя олицетворенія стихій встрѣчаемъ и въ другихъ сказкахъ. О похищеніяхъ красавицъ громовою тучею (огненнымъ змѣемъ) въ народѣ живутъ многія поэтическія сказанія (см. въ № 2 Отеч. Зап. 1822 года: «Зооморфич. божества у славянъ»); о похищеніяхъ царевенъ Вѣтромъ (Вихремъ) часто упоминаютъ народныя сказки (см. лубочное изданіе сказки объ Иванѣ-царевичѣ и царь дѣвицѣ; въ собр. сказокъ Броницына о Василисѣ-золотой косѣ; сказку о трехъ царствахъ, стр. 128 нашего изданія, и др.). По всей Руси, между Днѣстромъ, Прутомъ, Бугомъ, Вислой и Вартой, ходятъ рассказы о людяхъ, захваченныхъ Вихремъ и пропавшихъ безъ вѣсти. Въ просто-народьи есть клятва: «вихорь табе падыми!» (Повѣсти и преданія народовъ слав. племени, стр. 76, 176; Архивъ историко-юридич. свѣдѣн. о Россіи, т. II, половина 2, статья Бу-
слаева, стр. 170) Похищеніе дѣвицъ Вихремъ и похищеніе ихъ огненнымъ змѣемъ занимаютъ одинаковое мѣсто въ на-

родномъ эпосѣ, среди другихъ обломковъ языческой старины, опредѣлившихъ его содержаніе и характеръ. Какъ въ природѣ оба явленія: гроза и вихрь сопровождаютъ другъ друга, такъ и въ области мѣа они раздѣляютъ одну судьбу ¹⁾.

Напечатанная нами сказка основана на томъ, что *Змѣй летучій* похищаетъ Анастасію Прекрасную, а мужа ея Ѳеодора Тугарина убиваетъ. Но Ѳеодору помогаютъ олицетворенныя силы природы: Вихрь, Градъ и Громъ, поженившіеся на его родныхъ сестрахъ. Они приносятъ ему изъ далекихъ таинственныхъ странъ *цѣлющей и живущей* (т. е. живой) *воды*. Объ этой водѣ говорится въ сказкахъ различныхъ народовъ; нѣмцы называютъ ее *водою жизни* (das Wasser des Lebens—Грим., т. II, стр. 42, 71, 200 и др.); у насъ обыкновенно называется она *живою и мертвою*: мертвая или цѣлющая вода скрѣпляетъ разрозненные части тѣла и заживляетъ раны, а живая оживотворяетъ трупъ духомъ жизни ²⁾. О живой водѣ упоминаютъ и сказки сербскія (№ 12, стр. 87), валахскія (№ 27, стр. 276) и друг. ³⁾. Эта чудесная вода даетъ силу богатырскую, почему называется она также *сильною, богатырскою* (см. примѣчаніе къ № 12); а въ сказкѣ о «Василисѣ-золотой косѣ» (изд. Броницына, стр. 25) придано ей названіе *змѣиной воды*. Если огненному змѣю приписывалась мѣомъ такая обширная сила *возрожденія*, то понятно почему живая вода получила названіе змѣиной. Змѣй огненный и живая вода, или прямѣе: молніеносная туча и дождь, сопровождающій грозу и животворящій природу,

¹⁾ Въ сербской сказкѣ (№ 5) царевны, унесенныя вихремъ, найдены потомъ у огненныхъ змѣевъ. — ²⁾ См. примѣчаніе къ № 10; лубочную сказку объ Иванѣ-царевичѣ и жарѣ-птицѣ; Броницына: «О серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ», стр. 95; сказки: о трехъ королевичахъ, объ Иванушкѣ-дурачкѣ, объ Игнатіи-царевичѣ (Москва, 1847 г.), Суворъ-невидимка (М., 1838). — ³⁾ См. киргизскую сказку о Баянѣ-Сулѣ (въ Отеч. Записк. 1830 г., ч. 43, стр. 252—6).

получили одинаково - чудесное значеніе, тѣсно связанное съ языческимъ обожаніемъ воды. Старинные обряды и дождевой и обыкновенной водѣ приписываютъ цѣлебную силу; припомнимъ лѣчение болѣзней омываніями и взбрызгиваніемъ.

Живую и мертвую воду въ сказкѣ о Ѳеодорѣ Тугаринѣ приносятъ: Громъ, Градъ и Вѣтеръ. Въ другихъ сказкахъ, вмѣсто этихъ могучихъ силъ природы, приносятъ ее птицы: *воронъ* (въ сказкѣ объ Иванѣ-царевичѣ и жарь-птицѣ; о воронѣ см. Отеч. Зап. 1852 г., № 1, отд. наукъ), *соколъ* (въ сказкѣ: «Иванъ Кручина», изд. Броницына, стр. 73) и *голубь* (Сербске народне приповијетке, № 12, стр. 87), которымъ изстари было придано священное значеніе. Финская поэма Калевала рассказываетъ о волшебной птичкѣ Мегиляйнень, которая *летитъ въ области солнца и луны*, и омочивъ въ тамошнихъ источникахъ свои крылья въ *медъ жизни*, приноситъ этотъ напитокъ къ матери Лемлинкяйнена, а эта воскрешаетъ имъ къ жизни своего изрѣзаннаго въ куски сына (Библ. для чтенія, 1842 г., № 11, смѣсь, стр. 43).

Оживленный чудесною водою Ѳеодоръ Тугаринъ встаетъ и говоритъ: „*фу, какъ я долго спалъ!*“ — *Заснулъ бы ты на вѣки*, еслибъ не мы! отвѣчаютъ его могучіе зятья. (См. также сказку о жарь-птицѣ и др.): указаніе на ту древнѣйшую связь понятій смерти и сна, которая такъ ясно засвидѣтельствована въ греческой и римской мифологіяхъ. Но Ѳеодору Тугарину предстоитъ еще освободить Анастасію Прекрасную, похищенную Змѣемъ. Для того онъ старается добыть себѣ чудеснаго коня, который бы могъ перегнать быстрого коня Змѣя, и добываетъ. Оба эти коня летаютъ по поднебесью ¹⁾ и говорятъ человѣческимъ голосомъ; конь Змѣя споткнулся въ ту ми-

¹⁾ См. сербск. сказки, стр. 34.

нуту, какъ Анастасія рѣшилась бѣжать съ своимъ мужемъ, и это послужило его хозяину знакомъ случившейся бѣды, что совершенно согласно съ народною примѣтою о споткнувшейся лошади (см. Отеч. Зап. 1852 г., № 1: Зооморфич. божества у славянъ). Тугаринъ, получивши летучаго коня, долженъ былъ *три зари пасти его на росъ*, чтобы придать ему чрезъ то большую силу и легкость (см. примѣч. къ VIII вып., № 8).

Наконецъ зятья Тугарина: Громъ, Градъ и Вѣтръ берутся достать ему *смерть Змѣя*; «есть *островъ*, на островѣ—камень, въ камнѣ — *заяцъ*, въ зайцѣ *утка*, въ уткѣ — *яйцо*, въ яйцѣ — желтокъ, въ желткѣ — *каменёкъ*»: это и есть смерть Змѣя; стоитъ только бросить имъ въ Змѣя — и тотъ упадетъ мертвымъ. Въ сказкѣ о весьма чудныхъ и прекрасныхъ гусяхъ-самогудахъ (см. Дѣдушкины прогулки, содер. въ себѣ десять рус. сказокъ, Москва, 1819 г., стр. 21) о смерти *Кощея Безсмертнаго* сказано: «на морѣ на океанѣ, на островѣ на *Буянь* есть зеленой дубъ, и подъ тѣмъ дубомъ зарытъ сундукъ желѣзной, и въ томъ сундукѣ есть коробка, и въ той коробкѣ есть *заяцъ*, и въ томъ зайцѣ есть *утка*, а въ уткѣ *яйцо*: и кто то яйцо достанетъ и раздавитъ — въ ту-жъ минуту и умретъ Кощей.» ¹⁾ Тоже утверждаетъ норвежская сказка—о «великанѣ, въ тѣлѣ котораго не было сердца» (ч II, № 6): два царевича отправились искать себѣ невѣстъ, но великанъ обратилъ ихъ въ камни. Меньшой царевичъ пошелъ искать братьевъ. На дорогѣ попался ему воронъ, который отъ голода и слабости не могъ поднять крыльевъ. «Дай мнѣ немного поѣсть, сказалъ воронъ; я тебѣ пригожусь!» Царевичъ далъ ему поѣсть. Дальше увидѣлъ онъ вы-

¹⁾ Преданіе о Кощеѣ занесено Жуковскимъ въ сказку: «Иванъ-царевичъ и сѣрый волкъ» (Сочин. Жуковского, ч. VI); см. Сочин. А. Пушкина, том. I, стр. 122 (примѣчаніе).

прыгнувшую изъ воды семгу, и кинулъ ее въ воду; затѣмъ встрѣтилъ онъ волка, который страдалъ отъ голода, и позволилъ ему съѣсть свою лошадь. Благодарный волкъ привезъ на себѣ царевича къ замку великана ¹⁾ и сказалъ: «здѣсь твои братья, превращенные въ камни; ступай туда безъ боязни! ты найдешь царевну, которая научить тебя, какъ убить великана.» Царевичъ вошелъ въ замокъ. «Господь съ тобою! сказала ему царевна. Твоя смерть неизбежна; здѣсь живетъ великанъ, котораго никто не можетъ убить, ибо у него нѣтъ въ тѣлѣ сердца.» — Я хочу попытаться, отвѣчалъ гость. «Полѣзай же подъ эту кровать, сказала ему царевна; лежи тихо и слушай, что станетъ говорить великанъ, какъ я начну его спрашивать.» Вечеромъ легла царевна въ постель съ великаномъ и сказала: «я хочу тебя спросить.» — О чемъ? «Мнѣ хотѣлось бы узнать, гдѣ твое сердце?» — Оно лежитъ подъ этимъ порогомъ. Утромъ великанъ ушелъ въ лѣсъ; царевичъ и царевна стали искать подъ порогомъ, но ничего не нашли. Тогда царевна убрала все это мѣсто прекрасными цвѣтами. Воротившись домой, великанъ спросилъ: «Къ чему эти цвѣты?» — Я тебя столько люблю, отвѣчала царевна, что не могу не украсить мѣста, гдѣ лежитъ твое сердце. «Я тебя обмануль; оно не здѣсь!» Вечеромъ царевна снова спросила у великана: «гдѣ твое сердце?» Тотъ и въ другой разъ обмануль ее, но въ третій разъ онъ отвѣчалъ: «мое сердце тамъ, куда тебѣ не дойти! *Weit, weit von hier in einem Wasser liegt eine Insel; auf der Insel steht eine Kirche, in der Kirche ist ein Brunnen, in dem Brunnen schwimmt eine Ente, in der Ente ist ein Ei, und in dem Ei—da ist mein Herz.*» Волкъ довѣзъ царевича въ эту далекую страну; воронъ досталъ ему ключъ отъ церкви, а семга поймала чудесное яйцо, въ которомъ крылось

¹⁾ Ту-же роль играетъ волкъ въ сказкѣ о жарь-птицѣ.

сердце великана и которое утка выронила въ воду. Когда царевичъ разбилъ это яйцо, великанъ въ ту-жъ минуту жалобно вскрикнулъ и умеръ (сличи съ нѣмецкою сказкою у Гримма, т. II, № 197, стр. 525). Таже сказка есть и у сербовъ («Аждаја и царев синъ», № 8): «Кад дође *аждаја* (драконъ), стане је баба питати: «та где си за Бога? куда тако далеко идеш? никад не ћеш да ми кажеш куда идеш.» А аждаја јој отговори: «Е моја бако, далеко ја идем.» Онда јој се баба стане умиљавати: «а за што тако далеко идеш? *Кажи ми иде је твоја снага* (сила)? Ја да знам где је твоја снага, ја не знам шта бих радила од милине, све бих оно место љубила.» На то се аждаја насмеје, па јој рече: «онде је моја снага у оном огњишту.» Онда баба притисне грлити и љубити огњиште, а аждаја кад то види, удари у смех, па јој рече: «луда жено! није ту моја снага. Моја је снага у оном дрвету пред кућом.» Онда баба опет притисне грлити и љубити дрво, а аждаја опет у смех па јој рече: «прођи се луда жено, није ту моја снага.» Онда баба запита: «да где је?» А аждаја стане казивати: «моја је снага далеко, не можеш ти тамо отићи. Чак у другоме царству код царева града има једно језеро, у оном језеру има једна аждаја, а у аждаји вепар, а у вепру *зец*, а у зecu *голуб*, а у голубу *врабац*, а у ономе је *врапцу* моја снага.» (См. также Westslaw. Märchenschatz, стр. 190; Narodne prirovi. Валявца, стр. 155.) Очевидно, что въ этихъ сказаніяхъ кроется темное преданіе, отголосокъ доисторической эпохи; иначе какъ бы могли возникнуть у разныхъ народовъ столь тождественныя сказанія? Замѣтимъ, что по свидѣтельству означенныхъ сказокъ зародышъ жизни таится въ *яйцѣ* ¹⁾, на невѣдомомъ островѣ, и что свидѣтельство это касается ми-

¹⁾ Яйцо, по древнимъ вѣрованіямъ, — символъ возрожденія къ жизни.

эпическихъ лицъ: Змѣя, Кощея Безсмертнаго и великана (см. примѣч. къ вып. VII, № 6).

Въ заключеніе укажемъ на тѣ эпическія выраженія, которыми заканчиваются народныя сказки. У насъ сказка заканчивается этими словами: «и стали себѣ жить да поживать, да добра наживать; и я тамъ былъ медъ-пиво пилъ, по усамъ (бородѣ) текло, въ ротъ не попало» (во рту не было) или: «вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла». Подобно тому у южныхъ славянъ сказка оканчивается такъ: «что ни сказывалъ я, то точно такъ и было; гдѣ пировали—я вездѣ былъ, медъ-вино пилъ, по бородѣ текло, въ ротъ не попало» (Боричевск. Повѣсти и пред. народовъ славянск. племени, стр. 157). Одна норвежская сказка заключена такимъ выраженіемъ: «и я былъ съ ними (на свадьбѣ), но никто меня не замѣтилъ; я ничего не получилъ, кромѣ бутерброда, положилъ его на печку: масло растопилось, хлѣбъ сгорѣлъ, а мнѣ послѣ того не дали ни крошки» (ч. II, № 1).

Afanas'ev, Aleksandr Nikolaevič,

Narodnûja Russkija skaski

Bd.: 1

Moskwa (1863)

P.o.rel. 2857-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036154-7